

**ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»**

На правах рукописи

Нуриев
Ильдар Айбулатович

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА**

09.00.11 – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор кафедры философии, социологии
и теории социальной коммуникации
Кузнецова Елена Игоревна

Нижний Новгород

2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Теоретико-методологические основы исследования процессов социализации	18
1.1. Социально-философские аспекты проблемы социализации личности.....	19
1.2. Глобализация как фактор воздействия на процесс социализации: исторический аспект	32
1.3. Трансформация феномена социализации в контексте глобализирующегося мира	51
Глава II. Изменение форм социализации при переходе к информационному обществу.....	66
2.1. Конструирование самоидентичности в условиях новой медиасреды ..	67
2.2. Виртуальная реальность как фактор изменения совокупности Других человека.....	83
2.3. Ресоциализация как форма социализации современного человека....	100
Глава III. Виртуальная реальность как фактор воздействия на процесс социализации личности в границах проблемы миграции.....	116
3.1. Социализационные процессы мигрантов: современные тенденции ..	117
3.2. Диаспора реальная и виртуальная как современный субъект социализации мигрантов	140
Заключение	156
Список использованной литературы.....	160

Введение

Сегодня мы являемся свидетелями становления нового типа общества. Ученые дают ему различные названия в зависимости от изменений, считаемых основополагающими в формируемом обществе. Однако вне зависимости от факторов, принимаемых за основу для выделения нового типа общества, причина происходящих процессов основной доле научного сообщества видится в глобализации.

Не имея единого определения феномена глобализации, мы, тем не менее, понимаем под ним наблюдаемые процессы стремительного и повсеместного развития современных технологий, в особенности технологий производства, хранения и передачи информации, что неизбежно сказывается на всем мировом сообществе, будучи выраженным в его сближении, связности. Действительно, события, происходящие на одном конце света и еще не так давно не распространившиеся бы за пределы эпицентра происшествия, сегодня, так или иначе, могут найти отклик в любой другой части мира, если не на всей планете. Такая глобальная взаимозависимость общества не могла не сказаться на образе жизни, социальных процессах представителей народов, наций мира. Видится, что социализация, воспринимаемая как основополагающий процесс общественного бытия человека, также подвергается воздействию наблюдаемых процессов.

Социализация личности имеет своей целью приобщение индивида к обществу, в которое тот оказывается помещен, обеспечение нормального функционирования как члена социума. Исторически институтом, отвечающим за социализацию индивида, считается институт традиций и обычаев. В качестве субъектов процесса традиционно принято выделять семью, в последние десятилетия получившую распространение и привычную форму в виде нуклеарной, и школу. Это те Другие, которые на протяжении про-

должительного периода времени формировали представление человека о жизни, его картину мира.

Актуальность исследования, *во-первых*, обуславливается тем, что сегодня в большинстве случаев дети, переживающие этап формирования личности или первичной социализации, не ограничены географически, территориально близкими Другими. Имея доступ к широкому набору средств коммуникации и обмена информацией в глобальном масштабе, человек получает возможность интернализировать нормы и установки тех обществ, групп, которых посчитает близкими себе по духу, с которыми пожелает себя идентифицировать. В этом свете роль средств массовой коммуникации и информации, в том числе и современных, конвергентных, особенно актуализируется. Изменяется и сама форма традиционной семьи, что, как видится, всегда происходит на этапе трансформации общественного порядка.

Во-вторых, результатом процесса социализации принято считать сформированную идентичность, воспринимаемую как совокупность интернализированных представлений о мире и обществе, правил поведения и жизни, а в духе классической философии, означающей тождественность самому себе. Представляется, что сегодня человек, существующий в условиях мозаичной культуры, т.е. подверженный множеству потоков пространств, времени и информации, вынужденный выполнять совокупность ролей одновременно и быть мультифункциональным, обладает множеством идентичностей. Следовательно, идентичность воспринимается нами сегодня как нечто ситуативное, подстраиваемое.

В-третьих, исходя из предположения о том, что индивид вынужден исполнять множество ролей одновременно, подстраивая идентичность под ситуацию, мы полагаем, что процесс ресоциализации на современном этапе является одной из основных форм социализации индивида, становления полноценным членом общества. В отличие от социализации процесс ресо-

циализации подразумевает отказ, «искоренение» уже усвоенных установок и интернализацию новых, значительно отличающихся от предшествующих. Действительно, сегодня становится бесспорным тот факт, что знания, усвоенные в детстве, оказываются недостаточными для нормального функционирования в социуме до конца жизни, они нуждаются в постоянной актуализации, в обновлении. Того же требует и множественная, ситуативная идентичность современного человека.

В-четвертых, имея неограниченный доступ к всеобъемлющим источникам знаний, информации о мире, будучи неограниченным в пространстве и времени, имея возможность исследовать мир и выявлять группы по интересам, не покидая дома, человек сегодня способен заниматься конструированием самоидентичности. Географически близкие семья и школа более не являются квазиавтоматическими для детей. Что касается взрослых членов общества, для них автопроектирование становится возможным в результате осознания сложности верификации представляемых сведений о себе вследствие размеров информационных потоков. К тому же, интернет представляет еще большие возможности для «самоидентизманства»¹.

Видится, что социальной группой, переживающей изменение субъектов социализации, необходимость глубинной ресоциализации, а иногда и конструирования самоидентичности, являются трудовые мигранты. Действительно, переезжая в надежде на повышение уровня жизни в более развитые страны, они сталкиваются с совершенно новыми, возможно, неизвестными нормами и традициями и если хотят достичь успеха в социализации в новом обществе, во многом должны отказаться от старой идентичности. В отсутствии привычной референтной группы, субъекты вторичной социализации неизбежно изменяются. Таким новым значимым Другим может на некоторое время стать национальная диаспора. В то же время,

¹ Шичанина Ю.В. Самоидентизманство: интернет-форматы// Философские науки. 2009. №10. С. 45-58.

если семья мигрирует не полностью, то остающиеся на родине члены также испытывают изменения в функционировании в обществе. В силу описанных причин социальная группа мигрантов выбрана в качестве объекта рефлексии в последней главе работы.

Степень научной разработанности проблемы. Говоря об особенностях социализации личности в эпоху происходящих глобализационных изменений, необходимо подходить к проблеме комплексно, поскольку она раскрывается в различных школах и традициях.

Рассмотрение социализации может опираться на выделении биологического и социального начала. Первый подход разрабатывается с позиций дарвинизма, в психоанализе З. Фрейда, в индивидуальной психологии А. Адлера, аналитической психологии К. Юнга, представителями неофрейдизма Э. Фроммом, К. Хорни., Г.С. Салливаном и др.

Второй подход к изучению социализации также может быть разделен на два направления: выделение в человеке пассивного и активного начала. В качестве объекта социализации человека рассматривают представители классической философии², структурного функционализма³, позитивизма⁴, конфликтологии⁵. Ученые этого направления видят социализацию в воздействии внешней системы – общества, государства, регулирующих институтов – на человека, в обучении его жизни в соответствии с установленными правилами, накопленным опытом.

² См., напр. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т.2 (1993); Аристотель. Сочинения. В 4 т. Текст (1983); Гельвеций. Сочинения. В 2 т.: Т. 2 Текст (1974); Декарт Р. Сочинения. В 2 т (1994); Локк Дж. Мысли о воспитании (1988); Гольбах П.-А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного (1963); Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского (1991).

³ См., напр. Дюркгейм Э. Воспитание и социология (1922), О разделении общественного труда (1990); Фуко М. Забота о себе. История сексуальности (1998), Надзирать и наказывать (1999); Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения (1993); Вебер М. Социология государства (1956); Парето В. Трактат по общей социологии (1916).

⁴ См., напр.: Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении (2003); Милль Дж.-С. О свободе (1859); Спенсер. Г. Человек и государство (1884), Воспитание умственное, моральное и физическое (1861).

⁵ См., напр.: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы (2002), Элементы теории социального конфликта (1994); Козер Л.А. Функции социального конфликта (2000), Sociological Theory (1964); Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки (1969).

В качестве субъекта социализации человек рассматривается представителями марксизма⁶, символического интеракционизма⁷, экзистенциализма⁸, субъективно-психологического направления⁹, новейших подходов в изучении проблем человека¹⁰. С этой точки зрения, индивид активно конструирует смыслы самостоятельно, взаимодействует с другими субъектами, рефлексивирует и потому оказывается способным воздействовать на окружающий мир.

Разумеется, в отечественной социологической и особенно философской традиции вопрос социализации личности также получил разработку. В вопросе рассмотрения процесса социализации стоит отметить работы религиозных философов (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев)¹¹; представителей марксизма (Э.В. Ильенков)¹². Современные отечественные исследователи, занимающиеся вопросами источников норм и ценностей, рассматривающие институт традиций как основу процесса социализации, также внесли значительный вклад в разработку проблемы (В.Д. Губин, Л.П. Буюева, Е.П. Савруцкая, В.И. Толстых, Э.С. Маркарян, О.А. Немова, Т.В. Свадьбина, Н.Д. Шимин, И.И. Резвицкий, И.Т. Фролов, Б.Н. Бессонов, П.К.Анохин, И.Д. Калайков, Г.И. Царегородцев, Ю.А. Урманцев, Н.В. Андрееенкова, В.Ф. Сержантов, И.И. Ведин, М.А. Можейко, Д.М. Угринович)¹³.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Процесс труда и процесс увеличения стоимости. Собрание сочинений Т. 18. (1958); Грамши А. Формирование человека (1983).

⁷ Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов (2009); Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок (2000), Социальная организация (1909), Социальный процесс (1918); Блумер Г. Общество как символическая интеракция (1990).

⁸ Хайдеггер М. Время и бытие (1997); Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм (1953); Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство (1990); Ясперс К. Философия. Просветление экзистенции (2012).

⁹ Тард Г. Социальные законы: Личное творчество среди законов природы и общества (1906), Социальная логика (1901).

¹⁰ Хабермас Ю. Понятие индивидуальности (1989); Агацци Э. Человек как предмет философии (1989); Рикёр П. Человек как предмет философии (1989), Гуссерль Э. Философия как строгая наука (1994), Поппер К. Открытое общество и его враги (1992).

¹¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства (2009), Бердяев Н.А. Философия свободы (1989), Я и мир объектов (опыт философии одиночества и общения) (1927).

¹² Ильенков Э.В. Учитесь мыслить смолodu (1977), Об идолах и идеалах (1968).

¹³ Губин В.Д. Человек и его бытие в природе, истории, культуре (1992); Буюева Л.П. Социальная среда и сознание личности (1968); Савруцкая Е.П. Образ жизни и исторические формы общения (1989); Толстых В.И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы (1976); Маркарян Э.С. Теория культуры и современ-

Для большего понимания процесса социализации мы также обращаемся к понятию идентичности. В философии вопроса идентичности затрагивают античные философы Парменид, Платон, Аристотель; средневековые мыслители Августин Блаженный, Фома Аквинский, философы Нового времени Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц. Идентичность изучается как проблема представителями немецкой классической философии И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем. В неклассической философии устанавливается связанность феномена с жизнью и существованием индивида в работах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра и др.

В то же время вопрос идентичности разрабатывается и в социологической теории в работах Э. Гоффмана, Ч. Кули, Дж. Мида и др., а также междисциплинарного подхода, идеи которого представлены в исследованиях Е.П. Белинской, А.В. Костиной, А.В. Лукова, А.Н. Фатенкова, С.А. Смирнова, В.И. Пржиленского, Г.Л. Тульчинского, Д.А. Леонтьева, С.Г. Кара-Мурзы, Ф.И. Гиренка, Н.Е. Тихоновой, а также работах зарубежных ученых П. Бергера, Н. Лукмана, Ю. Хабермаса, Э. Эриксона, П. Кинана, А. Моля, П. Абрахамсона и др.

Влияние глобализации на социальные процессы, в том числе и социализацию, идентичность индивида изучают отечественные исследователи А.И. Уткин, М.С. Халиков и В.А. Корецкий, В.Л. Иноземцев, В.А. Дергачев, С.А. Караганов, В.А. Кутырев, З.М. Саралиева, А.М. Бекарев, Г.С. Пак, Н.Н. Федотова, А.И. Неклесса, А.С. Панарин, Е.А. Дергачева, Л.Е. Гринин, Г.Г. Дилигенский, а также зарубежные ученые М. Бубер, М. Хайдеггер, З. Бауман, М. Кастельс, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Р. Робертсон, М. Уотерс, Э. Тириахьян, С. Хантингтон, Э. Тоффлер, Ш. Эйзенштадт,

ная наука (1983); Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления (2012); Шимин Н.Д. Диалектика и теория устойчивого (1998); Резвицкий И.И. Личность, Индивидуальность. Общество (1984); Фролов И.Т. Человек и гуманизм (1989); Бессонов Б.Н. Человек. Пути формирования новой личности (1981); Андреев Н.В. Проблемы социализации личности (1970); Сержантов В.Ф. Личность как предмет философского познания (1984); Ведин И.И. Теорема личности: дороги и тупики самосозидания (1991); Угринович Д.М. Обряд как специфическое социальное явление (1979).

Т. Фридман; Ф.М. Дефарж, Б. Бади, Г. Терборн, А. Аппадурай, Б. Тернер, М. Арчер, М. Фезерстоун, К. Омаэ, П. Дракер, Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон, П. Херст, Дж. Томпсон, П. Вирильо, В. Каррингтон, Э. Кастаньеда, Р. Кортес и др.

Информационное общество и формируемая медиакультура получили изучение в работах В.А. Возчикова, Е.И. Кузнецовой, А.Н. Фортунатова, Н.Б. Кирилловой, Т.С. Воропай, И.С. Мелюхина, В.В. Емелина, Р.Ф. Абдеева, А.В. Федоров, С.Г. Кара-Мурзы и зарубежных работах М. Кастельса, Д. Белла, Э. Гидденса, Э. Тоффлера, П. Лазарсфельда, Э. Каца, Г. Тарда, Р. Мертона, Т. Адорно, А. Бандуры, Л. Берковица, Ю. Хабермаса, Э. Томан, А. Дженсон, П.Л. Томаса, Дж. Гербнера, Дж. Козна, Д.С. Робертсона, П. Дракера и др.

Концепции виртуальной реальности как фактора воздействия на процесс социализации личности разрабатываются такими исследователями, как Ю.В. Шичанина, Д.В. Иванов, Б.В. Марков, В.А. Плешаков, Е.В. Уханов, В.А. Емелин, а также такими иностранными мыслителями, как Ж.Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, А. Крекер, М. Вайнстайн, А. Бюль, М. Паэтау, Э. Фиоре, М. Карной, Дж. Вальтер и др.

Объект исследования. Объектом исследования является феномен социализации личности в глобализирующемся мире.

Предмет исследования. Предметом исследования определены пути и формы формирования социальной идентичности человека в рамках глобальных процессов.

Цели и задачи исследования. В соответствии с определенными объектом и предметом исследования поставлена следующая цель работы – установление с помощью социально-философского анализа закономерностей, причин и тенденций развития процессов социализации в рамках глобального мира.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- систематизировать социально-философские взгляды отечественных и зарубежных исследователей на проблему социализации личности;
- систематизировать взгляды на проблему глобализации и формирования информационного общества;
- выявить последствия воздействия глобализационных процессов на социализацию личности;
- определить причины, механизмы и формы конструирования самоидентичности в условиях складывающейся медиасреды;
- определить появление новых субъектов социализации и ослабление других, считающихся традиционными в социально-философской теории, в свете распространения современных технических средств коммуникации;
- выявить причины и особенности процесса ресоциализации современного человека, как одной из основных новых форм социализации.
- изучить выявленные изменения применительно к одной из социальных групп, особенно испытывающих последствия происходящих процессов.

Теоретической и методологической основой данного исследования являются труды классической философии и социологии, современные исследования как отечественных, так и зарубежных ученых, включая те работы, которые никогда не переводились на русский язык.

В целях наиболее полного изучения обозначенной проблемы исследование исходит из принципов системного подхода. Также в работе использован диалектический метод, позволяющий изучить всю многосторонность и многогранность процесса социализации и глобализации, на него воздействующего, в единстве и взаимосвязи. Исследование также исходит из гипотетико-индуктивного метода, задавая в начале большинства па-

раграфов предположения, рассматриваемые впоследствии. Наконец, в работе широко используется анализ исследований, проведенных в области философии и социологии.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Установлена связь между происходящими глобализационными и технологическими изменениями, снижающейся значимостью института традиций и процессом социализации индивида, что приводит к возрастанию роли ресоциализации и конструирования самоидентичности как новых значимых форм социализации.
2. Обосновывается идея о том, что в условиях инновационной медиасреды элиминируется автохтонный и квазиавтоматичный статус социализации, предоставляя тем самым индивиду инициативу уже на этапе первичной социализации.
3. Выявлено воздействие происходящего слияния виртуальной реальности с повседневной жизнью на расширение спектра субъектов социализации индивида и большую интеграцию общества с одновременным нивелированием стратификационных отличий.
4. На основе анализа изменения социализационных процессов трудовых мигрантов и членов их семей, выявлены изменения в типах субъектов социализации; смешение социальных ролей на уровне семьи и других социальных институтов; сокращение информационно-технологического разрыва между странами исхода и приема.
5. Введены в научный оборот положения из не использовавшихся ранее иностранных научных источников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Другие для человека, через взаимодействие с которыми он может познать мир, пространство и время, а в результате и себя, сегодня претерпевают изменения. Сегодня человек познает мир не обязательно через географически близких Других в лице семьи или школы, но и тех, кто нахо-

дится на значительном отдалении при условии солидарности взглядов и поведения, а потому социализация не рассматривается более как квазиавтоматический и квазинеизбежный процесс, происходящий в условиях автохтонной среды. Роль семьи в изучаемом процессе изменяется, однако, понимается, не нивелируется. Сам концепт нуклеарной семьи, считавшейся до сих пор традиционной формой, претерпевает изменения, становясь вследствие происходящих процессов демассификации лишь одной из многих форм организации семьи. В качестве Других человека могут выступать и СМК. В этом свете актуализируется форма социализации, именуемая сегодня киберсоциализацией, приводящая в целом к большей интеграции общества, снимая барьеры между его слоями.

2. Человек получает большую свободу в вопросе социализации. Если традиционно за человеком признавалось пассивное начало на этапе первичной социализации и активное – на этапе вторичной, то сегодня человек может выступать субъектом, конструировать смыслы самостоятельно и на этапе первичной социализации. Выявленная тенденция обуславливается пространственно-временным сжатием, когда человек в считанные секунды может оказаться в сотне новых мест, не покидая рабочего стола, изучая, выбирая и интернализируя социальный опыт, знания и нормы любых обществ безотносительно территориальной, культурной, языковой принадлежности.

3. Усвоенные знания и сформированная идентичность, являющиеся результатом первичной социализации, значительно менее долговечны, чем раньше, требуют постоянной актуализации для успешного функционирования в обществе. А потому человек вынужден постоянно конструировать и переконструировать самоидентичность, актуализировать и подстраивать ее под быстро меняющиеся реалии мира, чтобы не оказаться исключенным из общества, социально исключенным, и, следовательно, не потерять возможности познавать и себя, и мир через Других. По этой причине ресоциа-

лизация как процесс разрушения ранее принятых ценностей и моделей поведения личности с последующим усвоением ценностей, радикально отличающихся от тех, что были интернализированы ранее, видится в качестве одной из основных форм социализации в условиях информационного общества. Вследствие постоянной необходимости актуализации знаний, норм сегодня мы говорим не только о традиционной проблеме отцов и детей, разрыве поколений («generation gap»), но и том, что подобный ценностный разрыв образуется и в рамках одного поколения.

4. Развитие современных технологий создания, хранения и передачи информации беспрецедентно увеличивает потоки последней, предоставляя в силу сложности верификации информации и выявления ложной идентичности возможности для конструирования самоидентичности в условиях новой медиасреды, по сути, являющейся сегодня средой социализации человека. Также заключается, что распространение процессов конструирования самоидентичности обусловлено снижением роли института традиций, в значительной степени задававшего правила жизни в обществе. Будучи освобожденным от власти традиций, человек вынужден активно заниматься самоопределением, создавать и воссоздавать свою идентичность.

5. Сформированная в результате процесса социализации идентичность сегодня множественна и ситуативна. Анализируя предъявляемые требования в каждой конкретной ситуации и определяя для себя желаемую ситуацию успеха, человек способен адаптировать, подстраивать идентичность необходимым образом. В эпохи, предшествующие современной, достижение определенного статуса виделось целью, в то время как сегодня статус расценивается как шаг на пути к успеху. То есть, в современном мире мы говорим о создании человеком портфолио социальных идентичностей, гибких, ситуативных и подстраиваемых, где определенный достигнутый статус является показателем имиджа.

6. Конструирование самоидентичности рассматривается как формирование бренда. Действительно, брендом считается не представленная совокупность реальных качеств товара, а выделяемые ценности, преимущества и выгоды, которые, возможно, не обязательно присутствуют. Поэтому видится, что сегодня человек, находясь в условиях медиареальности, ощущая и переживая создание и популяризацию различных образов средствами массовой коммуникации, сознательно или бессознательно начинает действовать схожим образом. Осознавая сложность проверки сведений, редуционизм в поведении человека, доминирование слов над действиями, человек может создавать тот образ себя, такой бренд, какой посчитает нужным, и этот образ станет один из миллиардов, обращающихся на рынке идентичностей.

7. Мигранты являют собой ту социальную группу, которая особенно остро переживает обозначенные тенденции в процессах социализации. Онтологически это может быть объяснено как следствие восприятия обществом мигранта в качестве «кочевника», не обладающего важным, сакральным в понимании бытия концептом – Домом. Мигрант – это странник, находящийся в пути, дороге, а потому, вероятно, не ценящий традиций и устоев нового места пребывания, рассматривающий его как временное место приюта, и потому порицаемый местным населением. Более того, современная медиасреда наполнена виртуальными образами действительности, иногда не соотносящимися с последней. Видится, что и отрицательное отношение населения к мигрантам может подогреваться массмедиа.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в научной разработке вопроса изменения форм социализации под воздействием глобализационных процессов.

Систематизированные взгляды на социализацию и глобализацию как фактор воздействия на нее, проведенный анализ изменения форм соци-

ализирующего воздействия, сделанные заключения о существующих вызовах и противоречиях могут быть использованы для дальнейшего исследования проблемы, открывают перспективы их использования в социально-философском осмыслении современности.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные в ходе диссертационного исследования результаты могут быть использованы в практике работы образовательных учреждений различных видов и типов, в организации учебно-воспитательного процесса в общеобразовательном учреждении, для подготовки лекционных курсов по социальной философии, философским проблемам социализации индивида. Фактический материал и теоретические положения диссертации могут быть представлены в виде методических и учебных пособий, спецкурсов, в работе методологических семинаров, а также для написания студенческих рефератов и курсовых работ. Выводы, сделанные в работе, могут способствовать выработке новых подходов к решению проблем, стоящих перед современным российским обществом.

Апробация работы. Основные положения, выводы и научные результаты исследования обсуждались на ежегодных очных и заочных региональных, всероссийских и международных конференциях, а также были опубликованы в качестве тезисов, статей и докладов в научных изданиях:

1. К проблеме социализации в глобализованном мире: социально-философские аспекты// XVI Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. 24-27 октября 2011 г. Нижний Новгород: НИУ РАН-ХиГС, 2012. С. 292 – 293.
2. Трансформация феномена социализации в современном «ускоряющемся» мире// Исследования молодых ученых: сб. ст. аспирантов/ ред. кол.: А.М. Горлатов (отв. ред.), Е.С. Гриценко (отв. ред.) [и др.]. Минск: МГЛУ, 2012. С. 283-288.

3. Интернет как глобализационный фактор воздействия на социализацию личности// Стратегические коммуникации в современном мире: от теоретических знаний к практическим навыкам: Материалы Ежегодной Всероссийской научно-практической Интернет-конференции молодых ученых (23–26 октября 2012 г.). Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2012. С. 55 – 59.
4. Нуклеарная семья в глобальном мире// Научное обозрение: теория и практика. М., 2012. №4. С. 126 – 130.
5. Логика социализации в контексте глобализирующегося мира// Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 24. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. С. 143 – 153.
6. Labour migration as a factor affecting socializing processes of left behind family members// The First International Congress on Social Sciences and Humanities. Proceedings of the Congress (10 December, 2013). “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2013. P. 287 – 293.
7. Диаспора как субъект в процессе социализации иммигрантов// Система ценностей современного общества: сборник материалов XXXIII Международной научно-практической конференции/ Под общ. ред. С.С. Чернова. - Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. С. 22 - 27.
8. Immigrants’ Socialization in Globalizing World// Research Journal of International Studies. Екатеринбург, 2014. № 1 (20). Часть 2. С. 92 – 93.
9. Глобализация как фактор воздействия на социальную коммуникацию: исторический аспект// Стратегические коммуникации в современном мире: от теоретических знаний к практическим навыкам: Материалы Второй Всероссийской научно-практической Интернет-конференции молодых ученых (15–18 октября 2013 г.). Саратовский государственный универси-

тет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2014. С. 24 – 30.

10. Виртуальная диаспора и ее влияние на социализацию мигрантов// Актуальные вопросы современной науки. СПб, 2014. № 2. С. 86 – 90.

11. Конструирование идентичности личности в свете современных манипулятивных технологий// Fundamental and applied sciences today III. North Charleston, USA, 2014. Vol. 2. P. 140-143.

12. Изменение форм социализирующего воздействия в условиях современных миграционных процессов// Аспирантский вестник Поволжья. Самара, 2014. № 3-4. С. 33-37.

13. Ресоциализация и конструирование самоидентичности как основные формы социализации членов современного общества// Известия вузов. Гуманитарные науки. Иваново, 2014. Том 5. Выпуск 3. С. 202-205.

14. Медиасреда как фактор воздействия на социализацию личности// Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия. Новосибирск, 2014. № 5 (4). С. 145-147.

Структура работы определена логикой решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава I. Теоретико-методологические основы исследования процессов социализации

Социализация личности – процесс, сопровождающий жизнедеятельность человека с самого начала его существования. Не вызывает сомнения то положение, что с момента зарождения человечества на планете рассматриваемый процесс в значительной степени претерпел изменения. Видится, что социализация трансформируется параллельно, а, возможно, и относительно пропорционально изменениям в жизни человечества. Учитывая тот факт, что сегодня человек переживает стремительное, постоянно ускоряющееся изменение окружающего мира, резонно предположить, что и процесс приобщения к жизни в таком обществе столь же быстро претерпевает трансформации. Безусловно и то, человек, не успевая за происходящим, может столкнуться с онтологическими противоречиями, непонимание цели бытия и способов существования в обществе. Именно поэтому изучение социализации сегодня особенно актуализируется. При этом происходящие процессы глобализации представляются значимой движущей силой трансформаций, поскольку имеют своим результатом интеграцию общества, консолидацию умов и капиталов и, как следствие – всеобъемлющее техническое, экономическое, социальное развитие. По этим причинам задачей первой главы является выявление последствий воздействия процессов глобализации на социализацию личности. Для этого сначала систематизируем социально-философские взгляды на проблемы социализации и глобализации по-отдельности, а затем выявим воздействие одного процесса на другой.

1.1. Социально-философские аспекты проблемы социализации личности

Социализация как процесс усвоения индивидом социальных норм, ценностей, установок, определяющий формы жизнедеятельности и самореализации человека в обществе, представляет собой сложный феномен в ходе социального развития и социального взаимодействия. Общество не является статичной системой, и социальные трансформации, происходящие в современном мире, вызывают изменения, в том числе и в процессах приобщения индивида к социуму. Задачей данного параграфа является систематизация социально-философских взглядов отечественных и зарубежных исследователей на проблему социализации личности.

Термин «социализация» относится к 1887 г., когда Ф. Гиддингс ввел данное понятие в книге «Теория социализации». Однако обращение к изучению проблем социализации начинается значительно раньше. В целом, вопрос приобщения индивида к обществу существовал на протяжении всей истории, но активную социально-философскую разработку получил именно в XIX – начале XX в.в. в работах О. Конта, Ф. Гиддингса, К. Маркса, Г. Тарда, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Дж. Г. Мида, Т. Парсонса и др. Вопрос социальной основы человека и его социальной реализации затрагивали и русские философы Н.А. Добролюбов, А.Н. Радищев, В.Г. Белинский, Н.А. Бердяев, Г.И. Царегородцев, Ю.А. Урманцев и др.

Единого исследовательского подхода к пониманию процесса социализации не существует. Вместе с тем в целом социализацию принято рассматривать как «процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества».¹⁴ В силу исторически сложившегося развития биологии, возникновения особого интереса к науке на определенном этапе вопрос приобщения индивида к социуму долгое время

¹⁴ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 629.

разрабатывался в естественно-научном ключе. Потому одним из критериев дифференциации трактовок феномена социализации является природа рассматриваемого процесса – биологическая и социальная. Так, исследователи, рассматривающие человека как биологическое существо, утверждают, что он лишь приспособливает врождённые формы поведения, инстинкты и т.п. к условиям существования в обществе. Например, З. Фрейд считал, что в основе действий ребенка лежат биологические влечения, которые могут вступать в противоречия с требованиями к поведению в обществе. Успех адаптации к обществу обусловлен тем, насколько человек справляется с этими импульсами, а последнее зависит от его конституции и прошлого, прежде всего, детского опыта. Следуя фрейдистскому пониманию, социализация есть процесс обуздания подобных побуждений¹⁵. А Ч. Дарвин рассматривает процесс социальной адаптации человека как усвоение и выработку тех свойств, которые позволят выжить в свойственных ему условиях существования¹⁶.

С точки зрения социально-философского анализа феномена социальная сторона явления представляет для нас больший интерес. Поскольку предметом исследования являются изменяющиеся формы социализации, так или иначе связанные с субъектами социализации, представляется резонным рассмотреть подходы через категории субъектно-объектных отношений и произвести соответствующее разделение взглядов.

Взгляды ученых, условно выделяемые в первую группу, объединяет видение человека в качестве пассивного объекта социализации. Общество играет исключительную роль в вопросе производства социальных норм и правил, подчиняющих себе жизнь каждого. Индивидуальная инициатива рассматривается как иллюзорная и абсолютно общественно детерминированная. Социализация преследует задачу подготовки индивида к жизни в

¹⁵ Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. С.20, 45- 67.

¹⁶ Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20; Дарвинизм и марксизм, М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

обществе посредством приспособления к существующим нормам и правилам и формирования требуемых типов личностей.

Так, теория социализации Э. Дюркгейма, исходящая из положения о двойственности человеческой природы, основывается на принципах общественной морали и воспитании. В соответствии с социальным началом человеку свойственно подавлять свои биологические инстинкты. За обществом признается активное начало, оно контролирует биологическую природу человека и снимает социальное напряжение. Если контроль общества недостаточен, то возникает состояние аномии.¹⁷ М. Фуко, развивший идею паноптического контроля, продолжил эту мысль, назвав процесс социализации «отсутствующим господином», проникающим в самые сокровенные уголки подсознания и не оставляющего индивиду ни йоты свободы в частной жизни».¹⁸ В этом свете отдельного внимания заслуживает работа Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать», в которой разрабатывается теория паноптизма, всеподнадзорности. Фуко предлагает план тюрьмы «Паноптикон», состоящей из нескольких крыльев для заключенных, выполняющих исправительные работы, со смотровой башней посередине. Надзиратели имеют возможность наблюдать за всем происходящим в зданиях карцера. Заключенные же, зная об этом, не имеют представления, в какой именно момент за ними следят, а в какой нет. Следовательно, заключает Фуко, люди будут стремиться постоянно выполнять работу должным образом и научатся самостоятельно следить за правильностью своих поступков.¹⁹ Следовательно, такое же воздействие должно оказывать общество на поведение каждого своего члена.

В рамках структурно-функциональной теории Т. Парсонс представил идеи, в соответствии с которыми социализация базируется на способ-

¹⁷ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299 – 313.

¹⁸ Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. т.3. Киев: Дух и Литера, 1998. С. 143.

¹⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ад Маргинем, 1999. с. 431 – 454.

ности человека к обучению и представляет собой процесс интернализации культуры общества, в котором индивид родился.²⁰ Парсонс рассматривает старшие поколения в качестве тех, кого социум подготовил к дальнейшей трансляции правил поведения, и говорит о «значимых других» как основном субъекте социализации, видит в этом качестве семью на этапе первичной социализации, закладывающей основу приобщения к жизни в обществе. Важную роль также играет школа как институт, обучающий необходимым социальным ролям. По Парсонсу, социализация - есть «интернализация социальных норм: социальные правила становятся внутренними для индивида в том смысле, что они более не навязываются посредством внешней регуляции, а налагаются индивидом самим на себя, становясь, таким образом, частью его «Я»²¹. Ряд исследователей также подчеркивает значимость для индивида представителей именно своего национального сообщества для самоидентификации, при этом в качестве одной из особенностей социализации рассматривается «подключение к традициям конкретной национальной культуры, выступающей далее для него в качестве автохтонной, родной»²².

Подобные взгляды на роль человека в обществе и процесс его становления членом общества характерны и для более ранних философских работ. По Платону, например, человек должен воспитываться государством в духе послушного и заботливого гражданина для развития, процветания и продолжения государственности.²³ Аристотель, вслед за Платоном, видел определяющую роль государства в вопросе образования населения, в

²⁰ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997.

²¹ Цит. по: Социализация / под ред. Седова Л.А. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 316-317.

²² Можейко М.А. Социализация // Новейший философский словарь. Сост. А.А. Грицанов. 1998 г. Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/175/word/>, свободный

²³ Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т.2 Текст. /Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-годи; Примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-годи: Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993.

частности молодежи, после чего они только и могли нести благо отечеству.²⁴

Философы эпохи Просвещения также видят значимость общества в вопросе трансляции опыта и правил. Так, британский философ Д. Локк описывает разум как белую доску (*tabula rasa*)²⁵, расходясь в этом вопросе со взглядами Р. Декарта, говорившего о врожденных идеях²⁶. Соответственно, все, что усваивается человеком, приходит из опыта взаимодействия с обществом. Продолжая идеи сенсуализма Д. Локка, французский философ К.А. Гельвеций утверждает, что индивид как член общества формируется исключительно в результате воздействия внешней среды и воспитания, в вопросе которого также значительную роль играют социокультурные факторы.²⁷ Представитель французского Просвещения П.А. Гольбах также видел определяющую роль среды, общества в становлении личности индивида.²⁸

Ко второй группе исследователей, рассматривающих человека как активное начало в процессе социализации, ее субъект, представляется возможным отнести идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, Ч. Кули, Дж. Х. Мида, Г. Тарда, У.И. Томаса, Ф. Знанецкого и др.

Так, по Марксу, окружающая человека социальная действительность является одновременно и условием, и следствием человеческой деятельности. При этом индивид не является пассивным с точки зрения социализации, а напротив активно принимает участие в этом процессе, оказы-

²⁴ Аристотель. Сочинения. В 4 т. Текст. // Ред. З.Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978.

²⁵ Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения в двух томах. Т. I. М., 1960.

²⁶ Декарт, Р. Сочинения. В 2 т. : Пер. с лат. и франц. Т. 2 Текст. / Сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994.

²⁷ Гельвеций. Сочинения. В 2 т.: Т. 2 Текст. / Сост. и общ. ред. Х.Н. Момджяна. М.: Мысль, 1974.

²⁸ Гольбах П.-А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. Избранные произведения в двух томах. Том 2. М., 1963

вая воздействие на окружающий мир и, следовательно, также на свой внутренний мир²⁹.

Рассмотрение социализации в качестве воспитательного процесса было предложено Г. Тардом. В основе процесса социализации Тард видит принцип подражания, отношения «учитель – ученик», а повсеместное сохранение социальных норм и традиций называет всемирным повторением.³⁰

В теории символического интеракционизма, в частности у Дж.-Г. Мида, подход к проблеме социализации основан на утверждении определяющей роли взаимодействия между людьми, в ходе которого только и формируются индивидуальные качества, познаются социальные нормы. Вследствие такой интеракции у человека появляется самооценка, самоконтроль: «физиологический организм превращается в рефлекслирующее сознание, Я».³¹

Как следует из названия теории «зеркального Я», предложенной Ч. Кули, любой социальный опыт, получаемый человеком, приходит из коммуникаций, интеракций с внешним миром и подражания ему. Соответственно, нормы и стандарты жизни в обществе будут интернализированы в зависимости от выбора социального окружения, степени вовлеченности в общественные процессы.³²

Немецкий философ Л. Фейербах выстраивает учение о человеке на основе различения человеческой природы и сущности. В то время как природа представляет собой совокупность врожденных характеристик, т.е. физические, физиологические особенности, человеческая сущность представ-

²⁹ Маркс К. Процесс труда и процесс увеличения стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат., 1960. С. 486 – 499.

³⁰ Тард Ж.Г. Законы подражания. М.: Академический проект. 304 с.

³¹ Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2009. 290 с

³² Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с

ляет собой воплощение социальной природы человека, которая реализуется, проявляется только в результате интеракции с другими членами общества³³.

Таким образом, взгляды на вопрос социализации индивида всегда разнились в зависимости от идей относительно роли самого человека в процессе. Нам же представляется резонным рассматривать социализацию как процесс с активно-пассивным участием индивида в зависимости от этапа. Видится, что традиционно в процессе первичной социализации, когда ребенок интернализирует нормы и установки квазиавтоматических «значимых других» - родителей, опекунов, практически являющихся единственными и наиболее авторитетными источниками, он представляет собой объект социализирующего воздействия. Однако, аккумулировав определенный социокультурный опыт, традиционные ценности общества, в которое он помещен, начав выполнять различные социальные роли, человек и сам становится субъектом социализации, способным оказать воздействие на представления, идеи окружающих.

Вопрос источников норм, ценностей и знаний о мире представляется резонным рассмотреть через призму проблемы Другого. Видится, что проблема определения Другого является значимой в современной социально-философской мысли. Если в традиционном философском взгляде в основу познания себя и мира положена идея идентичности, то современная философия ставит этот постулат под сомнение, исходя из идей инаковости, интересубъективности, со-существования. Познать себя, свое бытие можно из взаимоотношений с Другим, восприятия Другого и осознания восприятия себя Другим.

Для М. Бубера отношения Я и Ты имеют онтологический характер. «Тот, кто со-стоит в отношении, участвует в действительности, то есть в

³³ Фейербах, Л. История философии. Собрание произведений в 3 т.: Т. 3 Текст. / Л. Фейербах. Пер. с нем. Под общ. ред. М.М. Григорьяна. - М.: Научная библиотека диссертаций и авторефератов, 1974. 486 с.

бытии»³⁴, другими словами, бытие человека и определяется взаимоотношениями с Другим. Человек способен познать себя через бытие, и поскольку бытие – это со-участие Я с Ты (и в этом смысле Я даже вторично по отношению к Ты), то и познание себя становится возможным только через взаимодействие с Другим.

По Хайдеггеру, бытие не может быть изолированным, оно возможно только в окружении Других, такое бытие философ называет обыденным, повседневным, миром присутствия (Dasein): «Мир присутствия есть совместный мир»³⁵. Человеку свойственна уникальность, самость, но она может утверждаться только в отличии от Других, следовательно, именно противопоставляя себя Другим может познать и идентифицировать себя.

Для Ж.-П. Сартра пространство индивида формируется вокруг Другого, а потому пространство и бытие человека без Другого не мыслится. Другой, даже если не присутствует со мной в определенный момент времени, всегда смотрит на меня и оценивает меня. То же самое делаю и я по отношению к Другому. Но что более важно, я осознаю, что Другой смотрит на меня и постигает меня, и именно из этого я понимаю, что существую, осознаю свое пространство: «Постигнуть себя в качестве рассматриваемого – значит постигнуть себя пространственным и осуществляющим пространство»³⁶. Схожие взгляды имеет и Э. Левинас, говоря о том, что мы не можем получить о себе достоверного, истинного представления о себе, не принимая во внимание представления Других, следовательно, и идентифицировать мы себя сможем, если будем смотреть на себя с точки зрения Других³⁷.

П. Рикер вводит понятие «повествовательная идентичность», подчеркивая, что именно она является одной из основных черт идентичности в

³⁴ Бубер М. Я и Ты.// Бубер М. Два образа веры. М., 1995. с. 16-92

³⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 118.

³⁶ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 289.

³⁷ Левинас Э. Путь к Другому. Сборник статей и переводов. СПб.: СПбГУ, 2006. 186 с.

целом, является основой. Иными словами, я суть то, что рассказываю о себе Другому, поскольку только фактов моих действий недостаточно, я формирую образ себя, познаю себя, повествуя о себе. «Каждый рассказывает о том, что с ним происходило, чтобы показать, кто он есть. В этом смысле «кто» эквивалентно своей собственной истории»³⁸.

Отечественный ученый М.М. Бахтин, развивая идеи философии диалога, рассматривает взаимосвязь Я и Другого с точки зрения субъект-объектных отношений. Я всегда является субъектом, а потому объектом познания для себя быть не может. Таким объектом и становится Другой, следовательно без Другого мое представление о мире не может полным, целостным и истинным: я познаю Другого, а Другой познает меня. Из размышлений М.М. Бахтина также заключаем, что Другой формирует пространственно-временные рамки для меня. Как и Ж.-П. Сартр, отечественный философ говорит о том, что пространство формируется вокруг Другого, воспринимается совместно с Другим. Действительно, только с Другим я могу встретиться, обнять, обхватить его. В то же время только с Другим «возможна для меня радость свидания, пребывания с ним, печаль разлуки, скорбь утраты, во времени я могу с ним встретиться и во времени же расстаться, только он может быть и не быть для меня»³⁹. Таким образом, мои пространство и время формируются вокруг Другого.

Другой аспект, требующий рассмотрения в вопросе социализации личности, и частично затронутый в изучении Другого как источника знаний о мире, - это феномен идентичности, поскольку именно идентичность принято считать результатом процесса социализации. Социологи П. Бергман и Т. Лукман, например, утверждают, что именно сформированная идентичность позволяет определить степень и успешность социализации

³⁸ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 112.

³⁹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / сост. С.Г. Бочаров. СПб.: Азбука, 2000. С. 128.

индивида⁴⁰. Более того, мы полагаем, что под воздействием происходящих сегодня процессов глобализации, а как следствие и трансформации социализирующего воздействия, затронутым оказывается именно формирование идентичности человека.

Изучение вопроса идентичности получило активную разработку в ряде наук: социологии, философии, этнологии, политологии, психологии и др. В философии проработкой проблемы занимаются античные философы Парменид, Платон, Аристотель; средневековые мыслители Августин Блаженный, Фома Аквинский; философы Нового времени Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц, представители немецкой классической философии И. Кант, Г.В.Ф. Гегель. В неклассической философии выясняется связанность феномена с жизнью и существованием индивида в работах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра и др. В целом, с философской точки зрения, идентичность рассматривается как тождественность членов отношений. Однако стоит отметить, что опасным представляется смешение философского и социального осмысления идентичности. В рамках рассматриваемой проблемы интерес для нас представляет именно социальная идентичность.

Вопрос идентичности разрабатывается в социологической теории в работах Э. Гоффмана, Ч. Кули, Дж. Мида и др. Предлагается также и междисциплинарный подход, суть которого представлена в исследованиях П. Бергера, Н. Лукмана, Ю. Хабермаса, Э. Эриксона и др.

С точки зрения социальной идентичности, некоторые идеи неклассической философии представляют интерес в рамках изучаемого объекта. Так, по Хайдеггеру, все сущее тождественно себе, но оно также тождественно любому другому сущему⁴¹. Э. Гуссерль говорит о рефлексии ин-

⁴⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

⁴¹ Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. Текст. / М.Хайдеггер. М.: Республика, 1993. - 447 с.

дивида как об одной из форм конструирования идентичности, подчеркивая, что Его человека, к тому же, может и само конструироваться. Следовательно, идентичность более не рассматривается как нечто, что можно только пытаться познать, но также и то, что подвергается воздействию.⁴²

Схожие взгляды на проблему идентичности можно рассмотреть в социологических идеях Дж. Мида. Как уже отмечалось, социализация, по Миду, происходит в ходе взаимодействия членов общества, соответственно, также формируется и идентичность. Однако, что важно, идентичность формируется не только в результате интеракции, но также последующей рефлексии, анализа поведения других индивидов и своего, анализа общественных связей. Подобный анализ приводит к формированию образа себя («Ме»), что, по сути, и является идентичностью. В принятом нами определении социализации мы рассматриваем человека как активно-пассивную составляющую, что соотносится с идеями Мида, выделяющего два уровня идентичности: неосознанный и осознаваемый. В то время, как первый вид формируется под воздействием социального окружения посредством интернализации предлагаемых норм и правил, второй формируется осознанно на основе определенного накопленного опыта⁴³.

Ч. Кули также рассуждает о взаимодействии индивида с другими членами общества и развивает «Я-концепцию». По Кули, идентичность формируется посредством составления представления о себе, для чего человек должен ответить на три вопроса: что другие думают обо мне, что они об этом думают и как я к этому отношусь. Таким образом, в построении идентичности снова выделяется важность рефлексии, но что не менее важно, в вопросе конструирования образа себя подчеркивается важность

⁴² Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как новая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 752 с.

⁴³ Matteson D.R. Adolescence today. Sex roles and the search for identity. Homewood, 1975. P. 250.

так называемой первичной группы, т.е. семьи, учителей, коллег и т.д., иначе говоря – субъектов социализации или «значимых других»⁴⁴.

С точки зрения человека как субъекта социализации, также интересны идеи Э. Гоффмана. Согласно Гоффману человек существует среди потоков пространства и времени, от чего ему свойственны несколько идентичностей одновременно. Далее Гоффман говорит о «политике идентичности», т.е. о способности индивида управлять интернализированными им идентичностями, представлением окружающих о себе, и, в конечном счете, пространством и временем.⁴⁵

Говоря об идентичности, следует упомянуть и австро-американского ученого Э. Эриксона. Именно после публикации его книг «Детство и общество», «Молодой человек Лютер», «Идентичность: молодость и кризис» термин «идентичность» вошел в активный словарь философов, социологов, психологов. В духе классической философии Эриксон утверждает, что идентичность – это тождественность самому себе. Идентичность видится как ядро в «Я-системе», позволяющее сохранять свою самость, индивидуальность, отвечая на вызовы внешнего мира. Содержание идентичности Эриксон определяет следующим образом: «Это конфигурация, которая возникает путем успешного эго-синтеза и ре-синтеза в течение детства. Эта конфигурация постепенно объединяет конституционные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли»⁴⁶.

При этом идентичность представляется Эриксону сложной, многоуровневой системой, включающей в себя 3 составляющие. На индивидуальном уровне идентичность выражается в осознании человеком собственной временной протяженности. На личностном уровне идентичность проявляется в понимании индивидом своей уникальности, неповторимости

⁴⁴ Cooley C.H. Social Process. N.Y. 1918. P. 19-21.

⁴⁵ Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. N. Y. 1959

⁴⁶ Эриксон Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М., 1996.

своего жизненного опыта. На социальном уровне идентичность указывает на соответствие внутренних человеческих установок тем, что приняты в обществе.⁴⁷

В то же время немецкий философ Ю. Хабермас, рассуждая о структуре «Я-идентичности», указывает на наличие двух уровней – личностного и социального, при этом идентичность находится на пересечении плоскостей. По Хабермасу, личностная идентичность – это накопленная совокупность опыта, связность истории личности, потому это подлинная, аутентичная идентичность. Напротив, продолжая идею множественности идентичностей, социальную Хабермас рассматривает как умение играть различные общественные роли, подстраивать нужным образом к предъявляемым требованиям, а потому эта идентичность рассматривается как ложная.⁴⁸

Таким образом, в вопросе изучения процесса социализации принято выделять два основных подхода: опираясь на биологическое и социальное начало человека. Учитывая цель работы – социально-философский анализ вопроса, за основу взяты идеи именно второго подхода. Взгляды, исходящие из социальной основы процесса, также могут быть условно разделены на две основные группы: рассматривающие индивида как активное или пассивное начало. Так, представителям классической философии, структурного функционализма, позитивистам социализация видится как «отсутствующий господин», т.е. начало, все цело определяющее поведение человека, диктующее правила и нормы поведения в обществе, воздействующее на индивида как объект. С другой стороны, представители марксизма, символического интеракционизма, субъективно-психологического направления видят в человеке субъект социализации, активно конструирующий смыслы самостоятельно, взаимодействующий с другими субъектами, ре-

⁴⁷ Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2001.

⁴⁸ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С.7.

флексирующий и потому способный воздействовать на окружающий мир. Мы же в данном исследовании исходим из положения о том, что социализация – это активно-пассивный процесс, в котором роль человека изменяется в зависимости от возраста, а, следовательно, этапа социализации – первичной или вторичной. Результатом процесса мы видим сформированную идентичность как показатель тождественности человека самому себе, основанной на интернализованном социально-культурном опыте.

1.2. Глобализация как фактор воздействия на процесс социализации: исторический аспект

Задачей данного параграфа является систематизация взглядов на проблему глобализации.

Сегодня процессы глобализации находятся в центре общественного интереса и широкого научного дискурса, при этом четкого понимания и определения происходящих изменений не существует. Мир стремительно превращается в социальное пространство, в котором господствуют экономические и технологические силы, а изменения в одной части планеты могут иметь далеко идущие последствия для судеб отдельных людей или целых сообществ на другом конце земного шара. Не следует забывать и о мнении, в соответствии с которым национальные границы государств все больше стираются, превращая социальное пространство планеты в то, что Маклюэн определил термином «глобальная деревня».⁴⁹

Изучение феномена глобализации сталкивается с рядом сложностей. В первую очередь, следует отметить, что исследование глобализации представляется затруднительным в свете отсутствия единого понимания учеными современности как таковой. Для анализа глобализации выделим основные подходы к пониманию современной действительности.

⁴⁹McLuhan M. War and Peace in the Global Village. N.Y., 1968.

К первой группе отнесем те работы, которые обозначены исследователями как социальные прогнозы. Основные идеи выделенной группы связаны с концепциями технотронного общества, информационного общества, общества знаний. Идеи данного подхода наиболее активно развивались в 70 – 90е г.г. прошлого столетия такими учеными, как Э. Тоффлер, Д. Белл, И. Масуда, М. Порат, Т. Стоуньер, Р. Катц, Возчиков В.А.. и др⁵⁰. Как следует из обозначенных концепций, ученые подчеркивали стремительно возрастающую роль разрабатываемых технологий, оказывающих воздействие на процессы сбора, хранения и передачи информации. Технологии совершенствуются, а информация распространяется в кратчайшие сроки, оказывая воздействие на миллионы людей по всему свету. Отсюда знания и информация ставятся во главу угла. Так, среди основных особенностей нового общества в противовес индустриальному Тоффлер называл демассификацию производства и дестандартизацию, «умные» технологии, упрощенное производство информации любым ее пользователем, массированное привлечение современных средств связи в деловых отношениях и т.д.

Ко второй группе можно отнести идеи, уделяющие особенное внимание связям субъектов в обществе – концепции сетевого общества, особенно глубоко разрабатываемые М. Кастельсом. Ученый резко разграничивает ставшее расхожим понятие «информационного общества» от общества «информационального»⁵¹. Кастельс подчеркивает, что информация играла важную роль на всех этапах существования человечества, однако выступала в качестве посредника для достижения других целей. Сегодня же информация создается и передается для производства другой информа-

⁵⁰Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999, 784 с.; Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington, 1983.; Porat M., Rubin M. The Information Society: Development and Measurement. Washington, 1978; Katz R. L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988; Stonier T. The Wealth of Information. L, 1983. и др.

⁵¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 19.

ции, процесс этот непрерывный и повсеместный, а потому социальные субъекты существуют в информационных сетях, постоянно транслируя и ретранслируя все новые потоки данных. Рассматривая особенности сетевой организации, А. Неклесса выделяет следующие: неформальность, мобильность, дискретность⁵²; М.М. Чучкевич подчеркивает независимость членов сети, множественность лидеров, объединяющую цель, добровольность связей, множественность уровней взаимодействия⁵³.

Другая группа исследований основывается на концепции виртуализации реальности и общества. Первыми разработкой этого вопроса за рубежом занялись А. Крекер, М. Вайнштейн, А. Бюль, М. Паэту, Д. Иванов – в России. В соответствии с их взглядами, новые технологии напрямую оказывают воздействие на каналы коммуникации и, как следствие, на повседневную жизнь человека. Однако в этих потоках информации реальное заменяется виртуальным, образами реального. В этой связи представляется резонным вспомнить концепт, представленный Ж.-Ж. Бодрийяром, - симулякр, означающий подобие предмета, несуществующий в реальности.⁵⁴ Д. Иванов размышляет в том же ключе: «Человек эпохи Модерна, застающий себя в социальной реальности, воспринимает ее всерьез, как естественную данность, в которой приходится жить. Человек эпохи Постмодерна, погруженный в виртуальную реальность, увлеченно «живет» в ней, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее. Перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами, и есть перспектива виртуализации общества».⁵⁵

Наконец, можно выделить постмодернистский подход к пониманию современности. Если предыдущие концепции рассматривались отграниченно, самостоятельно, то постмодернистский взгляд на действительность

⁵² Неклесса А. И. Глобализация, геοэкономика и сетевая культура// Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2002. - №4.

⁵³ Чучкевич М.М. Основы управления сетевыми организациями. – М., 1999.

⁵⁴ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция [Текст]/ Перевод О.А. Печенкина. Тула, 2013. С. 16-32.

⁵⁵ Иванов Д.В. Виртуализация общества// Социология и социальная антропология. – СПб., 1997.

имеет своей целью комплексный анализ происходящих трансформаций, выстраивая последовательную цепь информационное – сетевое – виртуальное общество, являющееся результатом протекающих процессов глобализации. Поскольку сложно представить, чтобы эти процессы не были взаимосвязаны, в данной работе будет уделено внимание именно комплексу концепций.

В современной теории нет единого мнения и относительно определения феномена глобализации. Совокупность подходов можно условно разделить на группы: политологический, экономический, социальный, экологический и т.д.

Политология рассматривает глобализацию как силу, связывающую народы и страны вследствие, очевидно, происходящих политических процессов, программ, направленных на интеграцию мирового сообщества и установление единого политического строя. В этом свете, с одной стороны, глобализация представляется явлением «рукотворным», поскольку политика это производство власти, а главным ее творцом сегодня видятся США. Так, например, отечественный ученый А.С. Панарин видит глобализм как «политику и психологию, как установку воли и сознания, целенаправленно противостоящих привычным способам национального самоопределения людей».⁵⁶ Однако, с нашей точки зрения, глобализация является процессом естественным, происходящим вследствие совокупности факторов, а потому определение, данное профессором В.А. Дергачевым, представляется более уместным в рамках данного подхода: «глобализация – объективный процесс в современных международных отношениях, вышедший этап интернационализации, основанный на развитии информационных технологий»⁵⁷.

⁵⁶ Панарин А.С. Испытание глобализмом. М.: Эксмо-пресс. 2002. С. 31.

⁵⁷ Дергачев В.А. Геополитика// <http://www.dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/04/90.html>

Под экономической глобализацией подразумевается рост взаимозависимости национальных экономик мира и движение к установлению единой экономической системы. Взаимовлияние экономик сегодня уже является достаточно очевидным фактом, подтверждением которому может служить мировой финансовый кризис 2008 года, последствия которого и поныне ощущаются повсеместно. Однако это лишь наиболее современный пример, экономическая интеграция в мировых масштабах при этом наблюдается еще с последней четверти прошлого столетия. Возможно, именно поэтому вопрос экономической глобализации разработан в значительной степени, и большинство концепций связано именно с этим аспектом. Так, например, французский социолог Ф. М. Дефарж говорит следующее: «Глобализация, понятие экономического порядка, присутствует везде с 80-х гг., пронизывает действия всех актеров международного театра (государств, предприятий, индивидуумов, организаций), которые принуждены рассуждать на глобальном уровне, т.е. на уровне целой планеты: нужда в более широких рынках, продукция и услуги, требующие серьезных вложений и подвергающиеся быстрому обветшанию, расширение конкуренции, поскольку индустриальный и торговый мир не ограничивается Западом, но распространяется до морской Азии,...»⁵⁸.

Другим значимым подходом к изучению процесса глобализации, приобретающим сегодня все больший вес, является так называемый «медиаальный», влияние которого на социальное будет более подробно рассмотрено нами во второй главе работы. Суть этого подхода заключается в том, что именно средства массовой информации явились тем интеграционным фактором, приведшем к началу гомогенизации мирового общества, созданию, распространению и скорой замене идеалов поведения, отношения, красоты планетарного масштаба. Появление спутниковых технологий, позволяющих транслировать одно сообщение повсеместно и симультанно,

⁵⁸ Дефарж Ф. М. Основные понятия международной политики. Париж, 1995. С. 71.

стремительное развитие мира рекламы, в значительной степени движимого транснациональными корпорациями в целях наращивания рынков сбыта и максимизации прибыли, не могли не сказаться на человеке, жизни социума, в который он помещен, его отношении к представителям уже не таких далеких других стран и наций.

Говоря о социальном аспекте глобализации, нельзя не упомянуть об увеличивающейся «связанности» общества во всем мире, о стремительно растущих возможностях поддерживать контакты и оставаться на связи, передвигаясь по планете. Более того, с развитием технологий становится возможным перемещаться по свету, не покидая рабочего стола, что также указывает на происходящие процессы сжатия пространства и времени. Создающиеся политические альянсы распахивают национальные границы, что способствует росту миграционных потоков. Ожидания мигрантов достаточно часто могут не совпадать с реальностью, от чего они испытывают кризис идентичности. Это лишь немногие аспекты взаимовлияния глобализации и общества. И хотя последствия происходящего могут иметь территориальные особенности, представляется, что в целом можно выделить общие тенденции изменений все больше сближающегося мирового сообщества. Бернар Бади, специалист в области социологии международных отношений, выделяет три измерения глобализации, одно из которых определяет следующим образом: «глобализация означает гомогенизацию мира, жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все универсализировать».⁵⁹ Именно этот аспект и будет рассмотрен нами с социально-философской точки зрения в ходе данной работы. К тому же, мы можем утверждать, что и другие стороны вопроса такие, как экономика, политика,

⁵⁹ Цит. по: Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2-3. С. 14.

оказывают влияние на человека, являющегося предметом социальной философии.

Вопросы, связанные с глобализацией, настолько неоднозначны, что не существует единого мнения и относительно времени начала происходящих трансформаций. Так, некоторые ученые, например Р. Робертсон⁶⁰ и М. Уотерс⁶¹, придерживаются мнения, что эпоха великих географических открытий с путешествиями Марко Поло, Магеллана, а также объединяющий характер первой промышленной революции послужили началом движения мира к единению. А. И. Уткин соглашается с зарубежными коллегами, говоря что «постепенное сближение стран и континентов покрывает всю историю человечества и в этом плане вся мировая история – это своего рода совокупность медленных и быстрых шагов государств и народов в направлении глобального сближения».⁶² Г. Терборн ищет истоки еще глубже в истории, обнаруживая шесть «волн» глобализации, самая ранняя из которых датируется III – VII вв. н.э.⁶³ Однако Д.В. Иванов в корне не согласен с подобными точками зрения: «Если следовать Робертсону, Уотерсу и тем более Терборну и считать глобализацией любые международные, межкультурные контакты и географические открытия европейцев, начиная с XV, а тем более с III века, то тогда понятием «глобализация» определяется все что угодно и одновременно ничего конкретного. Отождествление разномасштабных и разнокачественных явлений превращает «глобализацию» из конкретного научного понятия, раскрывающего специфичность современных процессов, в абстрактное указание на тривиальный факт перемещения людей и результатов их деятельности по планете».⁶⁴ Мы склонны согласиться с отечественным исследователем, поскольку

⁶⁰ Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. № 3.

⁶¹ Waters M. Globalization. L.; N.Y.: Routledge, 1996.

⁶² Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. с. 23.

⁶³ Терборн Г. Глобализация и неравенство // Сумерки глобализации. М.: АСТ, 2004. С.75-93

⁶⁴ Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации // http://val--s.narod.ru/glob/gl_ivanov1.htm

ку убеждены, что процессы глобализации не могут иметь свое начало до того, как сформируются государства и определятся их границы, чего нельзя сказать ни о III, ни о XV веке. В свою очередь Е.А. Дергачева предлагает рассматривать глобализацию с двух сторон. С одной стороны, глобализация – суть социально-исторический процесс развития человечества, тогда мы можем говорить о феномене, как стремлении с начала истории человечества к единству. С другой стороны, по Е.А. Дергачевой, глобализация может быть определена как конкретно-историческое явление, развивающееся в данном случае в эпоху техносферы.⁶⁵

Есть также точки зрения, в соответствии с которыми значимой вехой в истории мирового сближения является рубеж девятнадцатого и двадцатого веков. Например, О. Конта и К. Маркса называют основоположниками теорий глобализации⁶⁶. Этот период можно связать с началом процесса глобализации в виду происходивших открытий и изменений, а именно:

- активное развитие транспортных связей (ввод в эксплуатацию пароходов, массированное строительство железных дорог);
- усовершенствование средств связи (открытие телефона, телеграфа, радио);
- наращение темпов производства (запуск конвейера).

Можем выстроить логику рассуждений тех, кто связывает описанные процессы с «зарождением» глобализации. Разумеется, все эти факторы в совокупности оказали значительное воздействие на мобильность мирового населения. Во-первых, поскольку происходил переход от сельскохозяйственного типа общества к индустриальному, требовался приток сельского населения в город. Традиционная семья теряла свои позиции, уступая нуклеарной. Семья, состоящая из представителей нескольких поколений, оказалась в условиях нового времени «неповоротливой», поскольку в любой

⁶⁵ Дергачева Е.А. Социально-философский анализ глобализации// Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1(09). Режим доступа [www.sisp.nkras.ru].

⁶⁶См.: Уотерс М. Глобализация. М., 2008.

момент мог понадобиться переезд от одного завода к другому. Новые транспортные возможности позволяли семье из родителей и детей делать это при необходимости. Приобретенная мобильность предоставляла возможность росту миграций.

Развитие же средств связи позволяло разлученным семьям оставаться на связи. Если раньше передача информации, посланий на дальние расстояния считалась привилегией представителей высших сословий, социальным и политическим оружием избранных, а простое население, связанное к земле, имело возможность вести коммуникацию исключительно лицом к лицу, то отныне ситуация кардинально менялась. Благодаря развитию железных дорог, довольно быстро разрослась почтовая сеть, необходимая как разлученным семьям, так и быстро растущим заводам. Однако телефон и почта были каналами «один одному», в то время как индустриальная эпоха требовала каналы «один многим». Так вследствие появления паровозов, копировальных машин и т.д. получили развитие средства массовой информации.

В то же время капитал начинает обращаться за пределами национальных государств. Объем денежных средств в международном обращении был относительно невелик, однако, сам факт экономической взаимозависимости вселял уверенность в некоторых деятелей того времени, что все происходящие процессы неизбежно ведут к единению народов мира и указывают на невозможность возникновения каких-либо военных конфликтов. Н. Эйнджела в своей книге 1909 года пишет: «Как может современная жизнь с ее всемогущим преобладанием индустриальной активности, с уменьшением значимости милитаризма, обратиться к милитаризму, разрушая плоды мира?»⁶⁷ Однако пять лет спустя начавшаяся война показала несостоятельность выдвинутых идей и фактически заморозила процесс мирового сближения более чем на полвека.

⁶⁷ Цит. по: Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. с. 28.

Изложенные выше доводы могли бы указывать на начало глобализационных процессов, но М.С. Халиков и В.А. Корецкий предостерегают от смешивания понятий «интернационализация» и «глобализация»⁶⁸. Действительно, на рубеже XIX – XX веков наблюдалось сближение государств, обусловленное во многом техническим развитием. Однако политические и экономические изменения происходили на уровне национальных институтов. Более того, темпы трансформаций были не столь стремительны, а их последствия не были столько же всеобъемлющи, как мы это наблюдаем сегодня. Эти факторы в совокупности с наднациональным характером изменений, затрагивающих мировое сообщество, походящее на единый, целый организм, на наш взгляд, и являются отличительной особенностью глобализации.

Изменения именно такого масштаба, на наш взгляд, начали происходить в конце 1970-х годов на основе невероятной революции в совершенствовании средств доставки сообщений глобального радиуса действия, в информатике, телекоммуникациях и дигитализации. Реактивное передвижение еще в несколько раз облегчило коммуникацию между континентами. Информатика стала одной из центральных сфер жизнедеятельности общества. Средства массовой информации получали все большее финансирование и развитие, спутниковый сигнал был впервые использован в телевидении в то же время. Количество компьютеров по всему миру росло в геометрической прогрессии, а интернет развивался с беспрецедентной скоростью, оставив далеко позади традиционные средства массовой коммуникации по скорости распространения. Все это не могло не сказаться на обществе – элиминация места как такового является одной из наиболее характерных особенностей периода. По словам американского социолога М. Кастельса, сегодня мы имеем дело не с пространством мест, а пространством

⁶⁸ Халиков М.С., Корецкий В.А Глобализация и регионализация: проблемы теории и практики// Вестник Московского университета. Серия 18 Социология и политология. 2006. №4. с.59 – 74.

потоков.⁶⁹ Зародились идеи о том, что благодаря постоянному совершенствованию средств трансляции информации, передвижения, произойдет обратный отток населения из города, работа также может стать надомной вследствие развития телекомьютинга. Однако этого в силу разных причин не произошло.

Разумеется, рынок также подвергался трансформациям, при этом с все более ускоряющимися темпами. В 1900 году обменивались друг на друга миллионы долларов (по стоимости) различной валюты. В 1992 году цифра подобного обмена составила 820 млрд. долл., а в апреле 1998 года - 1,5 трлн долларов.⁷⁰ В 2000 же году этот поток составил сотни миллиардов долларов. Как уже отмечалось, мировой финансовый кризис, начавшийся в августе 2008 года, стал одним из доказательств связанности мирового рынка, его функционирования как единого организма.

Именно с конца 70-х – начала 80-х годов разработка вопроса глобализации получает особенное, стремительное развитие, начинается популяризация явления. Одним из первых в свете новых реалий определение феномену дает Р. Робертсон, в соответствии с которым глобализация – это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах.⁷¹ А в 1990 г. выходит уже целый сборник статей, посвященный вопросу. В «Глобальной культуре» были опубликованы статьи И. Валлерстайна, А. Аппадурай, Б. Тернера, М. Арчер, М. Фезерстоуна и др.⁷² Впоследствии выходят и монографии с рассуждениями на тему глобализации М. Уотерсона, У. Бека, М. Кастельса, Э. Гидденса, в отече-

⁶⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 25

⁷⁰ Friedman Th. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y.: Anchor Books, 2000, p. XVIII.

⁷¹ Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. № 3

⁷² Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity/ Ed. M. Featherstone. L., 1990.

ственной теории вопрос получил разработку у А.И. Уткина, В.А. Дергачева, Е.А. Дергачевой, В.Л. Иноземцева, Л.Е. Гринина, А.С. Панарина и др.

Таким образом, рассмотрев различные подходы к пониманию современной действительности, области воздействия процесса глобализации и разные точки зрения относительно времени начала происходящих тенденций мы вывели определение, которое и будет положено в основу данной работы. *Глобализация* – процесс, начавшийся в последней четверти XX столетия вследствие мощного развития средств создания, хранения и передачи информации и роста экономической интеграции; ставший результатом исторического процесса интернационализации, стремительно и всеобъемлюще оказывающий влияние на мировое общество, мыслимое в рамках «информационное – сетевое – виртуальное» и функционирующее как единый организм.

Сегодня накопилось много вопросов относительно истинной сущности глобализации, ее причин, воздействия на повседневную жизнь. В зависимости от того, кто какой точки зрения придерживается при ответе на поставленные вопросы, принято выделять три школы, представляющие *гиперглобалистов, скептиков и трансформистов*.

Для гиперглобалистов, например таких, как К. Омаэ, П. Дракер, Дж. Сорос, Р. Райх, современная глобализация означает новую эру, отличительная черта которой состоит в том, что люди повсюду во все большей степени попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом рынке. Сторонники этого подхода апеллируют к экономической логике. Возникновение единого мирового рынка и законов глобальной конкуренции интерпретируется как движение человеческого прогресса. Они утверждают нивелирование национального государства с возрастающей и определяющей ролью транснациональных корпораций.⁷³ Правительства же государств играют второстепенную, вспомогательную роль в происходящих

⁷³ См.: Лакашук И.И. Глобализация и государство// Журнал российского права. 2001. №4. С. 67.

процессах, являясь проводником страны в единый мир экономики.⁷⁴ Так, например, П. Дракер считает, что в формирующемся глобальном обществе знаний и глобальной экономике складывается новая система ценностей, в которой национальному государству места не будет. С его точки зрения, национальное государство – отжившая форма, которая годилась для индустриального общества, но неприемлема для постиндустриального, в котором формирование управленческих институтов глобализации будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе.⁷⁵ К. Омаэ открыто провозглашает о конце национального государства и называет приверженность ему следствием «картографических иллюзий» и «ностальгических фикций».⁷⁶ По К. Омаэ, национальные государства представляют собой преграду для бизнеса, затрудняя транснациональным корпорациям удовлетворение потребителей, сформировавших единую систему ценностей и потребностей. А потому национальные государства необходимо ослаблять, делая приоритетным суверенитет потребителя. Отечественные исследователи В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов имеют схожие взгляды на упраздняющуюся роль национального государства. Они считают, что сама идея уже устарела, а ограничение действий национального государства будет способствовать устранению экономических кризисов и катаклизмов.⁷⁷ Таким образом, в общем и целом, для гиперглобалистов, глобализация – это явление в первую очередь экономическое, распространяющее свое действие на наднациональном уровне, элиминируя при этом суверенитет национальных государств.

⁷⁴ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура. М., 2004.

⁷⁵ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 67–10

⁷⁶ Омаэ К. Конец национального государства: становление региональных экономик// Глобализация: контуры XXI века. М., 2004. Ч.I. С. 211-220.

⁷⁷ Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века// Россия в глобальной политике. 2005. №1. С. 9-15.

В свете обозначенных взглядов гиперглобалистов возникает актуальный на сегодняшний день вопрос о суверенности государств, сохранения их границ. Рассмотрим некоторые идеи современных социологов и философов. Кастельс соглашается с утверждениями гиперглобалистов о снижении суверенитета государств. Основную причину размывания национальных границ суверенных государств на современном этапе исследователь видит в том, что национальные правительства в большей степени мыслят сегодня рыночными категориями. «Конкурентоспособность скорее является атрибутом таких экономических объединений, как страны и регионы, но никак не фирм, для которых традиционное и весьма сложное понятие «конкурентная позиция» кажется более приемлемым», - говорит Кастельс⁷⁸. Другими словами, именно правительства стран ответственны за принятие решения об открытии национальных границ, а не транснациональные корпорации, как принято считать. Известно, например, что такие страны, как Япония и Китай, долгое время оставались закрытыми территориями для остального мира, активно развивая идею национальной уникальности и самобытности. Однако, когда правительства государств осознали, что несмотря на преимущества товаров, ими производимых, отсутствие представленности своих компаний на основных стратегических рынках и наоборот может привести к их удалению с арены основных экономических и политических действий, их границы распахнулись.

Ц. Цэцэнбилэг солидарен с Кастельсом в вопросе ослабления роли национального государства. Ц. Цэцэнбилэг определяет национальное государство как единство двух составляющих: мощи, как умения делать вещи, и политики, как способности определять вещи, необходимые к исполнению. Если политика и осталась на национальном уровне, как это было все-

⁷⁸Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 69.

гда, то мощь стала наднациональной, оторвавшись от нее⁷⁹. В.А. Кутырев говорит об универсализации жизненных порядков, нивелировании культурных отличий и унифицировании стран.⁸⁰ З. Бауман также имеет скептические взгляды на судьбу национального государства: «Границы перестали оберегать государства от проникновения иных культурных образцов, капиталов, информации и так далее. Сейчас властям очень сложно сохранять контроль над экономическими, культурными и социальными условиями жизни граждан. Главной задачей сильных государств ныне является то, чтобы самим приспособиться к меняющимся условиям. Это прямой результат глобализации и уничтожения охранной функции государства»⁸¹. В то же время Л.Е. Гринину видится, что помимо объективных причин снижения суверенности государств, становящихся сегодня им все более неподвластными, в ряде случаев правительства сами идут на ограничение свободы действий, например, подписывая международные соглашения и вступая в альянсы.⁸²

Однако, Ю. Хабермас, например, считает, что поддержание национального в глобальном масштабе имеет сегодня не угасающее, а, напротив, усиливающееся значение⁸³. Той же точки зрения придерживается и М. Манн, подчеркивающий, что транснациональные отношения возникли намного раньше, чем эпоха постмодерна, и всегда оказывали влияние на суверенитет государств. «В современном национальном государстве идея суверенитета остается актуальной, как никогда. Просто милитаризм, инфраструктуры коммуникаций, экономическое, социальное и семейное законодательства и отчетливое ощущение принадлежности к национальной

⁷⁹ Цэцэнбилэг Ц. Трансформация социальных идентичностей в глобализационном контексте// Философские науки. 2012. №11. С. 23.

⁸⁰ Кутырев В.А. Культурологический смысл глобализма// Вестник РФО. 2000. № 4. С. 79.

⁸¹ Бауман З. Назад в будущее// Итоги. 2011. №20. Режим доступа: [\[http://www.itogi.ru/vokrug/2011/20/165106.html\]](http://www.itogi.ru/vokrug/2011/20/165106.html)

⁸² Гринин Л.Е. Суверенитет в век глобализации// Суверенитет. Трансформация понятий и практик/ Под ред. Ильина М. В., Кудряшовой И. В. М.: МГИМО. 2008. С. 106-107.

⁸³ Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.

общности слились в единый жесткий институт»⁸⁴. Мы также склонны полагать, на современном этапе происходит усиление идеи национального государства, международные отношения по-прежнему мыслятся в дихотомических категориях «мы – они», «свой – чужой». Одним из крупнейших политических альянсов является Европейский союз, однако, среди его участников нередкими стали размышления о возврате к автономному их существованию.

Скептики глобализации, например, П. Херст, Дж. Томпсон, И. Валлерстайн, в противовес гиперглобалистам утверждают, что развивающиеся теории глобализации несостоятельны, а сам феномен мифичен.⁸⁵ Исследователи выстраивают доказательную базу своих рассуждений, опираясь на идеи о том, что национальные государства по-прежнему сильны в геополитике, однако их мощь намеренно скрывается за международными политическими блоками. Речь идет о Северной Америке, Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Другими словами, скептики определяют мысли о глобализации несостоятельными, поскольку приравнивают глобализацию к абсолютно интегрированному мировому рынку, а сложившуюся на сегодняшний день ситуацию они таковой не определяют. Обосновывая свои убеждения, они обращаются к экономической истории и подчеркивают, что современный уровень экономической интеграции не является беспрецедентным. Так, они утверждают, что, например, уровень интеграции конца XIX века, эпохи «Золотого стандарта», когда все валюты на планете были взаимозависимы и определялись единой переменной – ценой на золото, был значительно более приближен к их пониманию идеального уровня экономического единства. Следовательно, все доводы о денационализующей силе глобализации, выдвигаемые гиперглобалистами, опровергаются.

⁸⁴ Манн М. Нации – государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание// Нации и национализм. М., 2002. С. 384-385.

⁸⁵ Hirst P.Q., Thompson G. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Polity, 2001.

ся, напротив подчеркивая процессы интернационализации, то есть усиление взаимодействия как раз таки национальных государств и экономик. Вне контроля со стороны национальных правительств, обеспечивающих экономическую либерализацию, эта деятельность была бы менее активной. В свою очередь эти процессы приводят к регионализации экономик, т.е. возрастанию доминирующих ролей трех выше указанных регионов. Отрицают скептики и утрачивающиеся полномочия и легитимность национальных государств, поскольку, по их мнению, именно правительства стран определяют политику и механизмы регулирования международных организаций. Также в отличие от трансформистов и гиперглобалистов скептики не верят в ликвидацию неравенства между Севером и Югом. Напротив, по их мнению, по мере того как торговые и инвестиционные потоки на богатом Севере усиливаются, исключая бóльшую часть остального земного шара, наблюдается рост экономической маргинализации многих государств «третьего мира». А И. Валлерстайн в целом отрицает использование термина «глобализация», утверждая, что «этот дискурс является в действительности гигантской лжеинтерпретацией (misreading) современной реальности – обманом, навязанным нам властными группами и, даже хуже, обманом, который мы навязали сами себе, зачастую от отчаяния»⁸⁶. Происходящие изменения И. Валлерстайн объясняет кризисом капиталистической мир-системы.

Наконец, для трансформистов, главными фигурами среди которых являются Дж. Розенау, Э. Гидденс, М. Кастельс, З. Бауман, современная глобализация представляется исторически беспрецедентной. С их точки зрения, государства и общества во всех уголках земного шара испытывают глубокие изменения по мере того, как пытаются адаптироваться к более связанному изнутри, но весьма изменчивому миру. В основе аргументов трансформистов лежит убеждение в том, что на заре нового тысячелетия

⁸⁶ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? // International Sociology. 2000. №2. P. 250.

глобализация – это основная движущая сила, стоящая за бурными социальными, политическими и экономическими переменами, которые преобразуют форму современного общества и мирового порядка. Другими словами, глобализация представляет собой трансформирующую силу, с которой правительства и общества на всей планете вынуждены считаться⁸⁷. Глобализация, с точки зрения трансформистов, стирает различия между глобальным и локальным, поскольку эти процессы становятся взаимопроникающими. Общества все больше становятся глокальными, т.е. характеризуются наличием космополитичных элит и привязанных к местам низов.⁸⁸ В.А. Дергачев называет космополитичные элиты «тайным интернационалом», указывая на отдаваемые им повсюду преференции, на строительство будущего для избранных и лишение низов результатов индустриализации и национальных богатств.⁸⁹ В отличие от скептиков и гиперглобалистов, трансформисты не пытаются предугадать будущий путь развития глобализации. Не стремятся они и оценить настоящее по сравнению с неким отдельным, фиксированным, идеальным типом «глобализированного мира», будь то глобальный рынок или глобальная цивилизация. Более того, трансформистский подход придает особое значение глобализации как длительному историческому процессу, который отмечен противоречиями и в значительной мере сформирован ситуативными факторами. Однако образование аналогичных, схожих, в некоторых аспектах даже унифицированных обществ в нашем мире не является для трансформистов обоснованием глобального сближения. Как раз наоборот, «для трансформистов глобализация связана с новыми моделями глобальной стратификации, в которых одни государства, общества и сообщества все более и более опутыва-

⁸⁷ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 10-22.

⁸⁸ Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер Пресс, 2008. 238 с.

⁸⁹ Дергачев В.А. Глобалистика. М.: Юнити-Дана, 2005. С. 65-67.

ются «глобальным порядком», в то время как другие все более и более отесняются на второй план»⁹⁰.

Также трансформисты не говорят о едином глобальном экономическом пространстве, в отличие от гиперглобалистов, но, например, М. Кастельс доказывает, что экономическое пространство государства может выходить за территориальные рамки, при этом, не распространяясь в глобальном масштабе.⁹¹ В целом, трансформисты не утверждают однозначно полное нивелирование национального государства, разумеется, признавая воздействие происходящих процессов на функции и полномочия национальных правительств. Но в то же время они подчеркивают тот факт, что правительства вынуждены подстраивать свою политику под требования, принципы функционирования институтов международного правления и принимать во внимание нормы международного права. Таким образом, в вопросе легитимности, суверенности национального государства трансформисты занимают промежуточную позицию между гиперглобалистами и скептиками, предлагая различные стратегии поведения государства в вопросах адаптации к изменениям, начиная с модели неолиберального минимального государства и заканчивая моделями государства-наблюдателя (правительство как главный покровитель экономической экспансии) и государства-катализатора (правительство как координатор коллективных действий).

Рассмотрев точки зрения трех течений, мы склонны считать, что доводы каждого из них заслуживают внимания, однако, учитывая происходящие сегодня социальные, экономические, политические и другие изменения, сложно отрицать существование феномена глобализации как такого, равно как и сводить все процессы исключительно к экономическим

⁹⁰ Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004. – с. 14.

⁹¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 315.

основаниям. В этом свете доводы трансформистов видятся наиболее резонными и обоснованными. Именно с этой позиции и будет рассмотрен феномен социализации на современном этапе в третьем параграфе данной главы.

1.3. Трансформация феномена социализации в контексте глоболизирующего мира

Социализация как процесс усвоения индивидом социальных норм, ценностей, установок, определяющий формы жизнедеятельности и самореализации человека в обществе, представляет собой сложный феномен в процессе социального развития и социального взаимодействия. Общество не является статичной системой, и социальные трансформации, происходящие в современном мире, вызывают изменения, в том числе и в процессах приобщения индивида к социуму. Задачей данного параграфа является выявление особенностей процесса социализации в контексте глоболизирующего мира.

Меняющийся мир, все в большей мере обнажает противоречия однозначной детерминированности в понимании процессов социализации. Так, английский социолог З. Бауман задается вопросом о современных источниках социального нормотворчества. Отталкиваясь от идей норвежского ученого Н. Кристи, различающего «эгалитарную» и «пирамидальную» юстиции и доминирующую позицию последней в современном мире⁹², он подчеркивает, что во времена доиндустриального и индустриального обществ значительное распространение имело горизонтальное социальное нормотворчество, являвшееся следствием постоянных встреч простых граждан, в ходе которых действия их сограждан получали одобрение или осуждение. Сегодня же порядок формирования общественных норм и

⁹² См. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 40.

принципов имеет скорее вертикальную направленность. Бауман видит объяснение происходящим процессам в ликвидации так называемых общественных пространств.⁹³

Для доказательства своей точки зрения З. Бауман цитирует Н. Кристи, описывающего действия доиндустриального и индустриального обществ: «женщины собираются у фонтана, колодца или у реки... Они набирают воду, стирают белье, обмениваются информацией и судачат. Отправной точкой для их беседы зачастую становятся конкретные действия и ситуации. Они *описываются, сравниваются* с аналогичными случаями, происходившими в прошлом или в других местах, и *оцениваются* — «правильно», «неправильно», «красавица» или «уродина», «сильный» или «слабый». Постепенно, и далеко не всегда, может выработаться некое общее понимание случившегося. Таков процесс, в ходе которого вырабатываются *нормы*»⁹⁴. Таким образом, подобные общественные пространства служили не только местом для встреч, но и местом, где создавались общественные нормы, где вершилось эгалитарное, или горизонтальное, правосудие.

Однако сегодня общество лишается этих публичных пространств. По П. Лазарсфельду, раньше для того, чтобы стать «лидером местного общественного мнения» человеку необходима была своего рода агора, на которой он мог бы выступить в целях придания информации, доносящейся из разных уголков, большей убедительности и авторитета; либо, наоборот — для ее полного опровержения.⁹⁵ «Сомневаюсь, что Лазарсфельд пришел бы к тем же выводам, повтори он свое исследование сегодня, каких-нибудь полвека спустя», - говорит Бауман⁹⁶.

⁹³ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 41.

⁹⁴ The New European Criminology: Crime and Social Order in Europe. London, 1998. P. 120.

⁹⁵ Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/hrest_pr/01.aspx . - Дата доступа: 14.10.2011

⁹⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 39.

Возникает резонный вопрос – какова причина устранения общественных пространств? Пытаясь ответить на вопрос, мы вполне оправданно можем вспомнить испокон веков сложившееся стремление государства делать общество максимально транспарентной и «удобочитаемой» системой. Это исторически сложившийся факт, имеющий место с самого начала появления института государства, связанный, в первую очередь, с необходимостью взимания налогов с каждого человека, именуемого гражданином.

Именно с желанием добиться прозрачности общества связано появление работ утопистов, мечтавших о создании идеального города. К числу авторов нового времени мы можем отнести Морелли, Б. Бачко, Ле Корбюзье и др. Во всех планах идеального города особое значение отдается центральной части, желательной находящейся на возвышении. Архитектура такого города основана исключительно на правильных геометрических формах, все улицы абсолютно одинаковы. Так, например, Бачко приводит историю об идеальной столице страны северамбов – Севаринде: «Севаринд – красивейший город мира; он отличается хорошим состоянием законности и порядка... Прозрачность городского пространства является в основном результатом решения аккуратно разделить его на 250 одинаковых единиц – осмазиев... Улицы там широкие и столь прямые, что возникает впечатление, будто они проложены по линейке. В этих городах нет и следа хаотичности: всюду царит идеальный и поразительный порядок (больные, умалишенные и преступники изгнаны за пределы города)... любой, посетивший Севаринд, получает представление о всех городах Севарамба»⁹⁷.

Итак, как видно, абсолютное предпочтение при планировании города отдается функции, а не форме. Каждое здание должно иметь определенное предназначение, при этом иметь такой же вид, как и все остальные.

⁹⁷ Bronislaw Baczko. Utopian Lights: The Evolution of the Idea of Social Progress. Trans. Judith L. Greenberg. New York: Paragon House, 1989. P. 219.

Все улицы широки и безлики – в них практически невозможно ориентироваться, а вероятность случайной встречи со знакомыми невероятно мала. Более того, люди, заслуживающие изгнания из общества, помещаются в отдельном секторе, удаленном от полноправных членов социума. Примечателен тот факт, что разрабатывались также и отдельные теории относительно устройства институтов этого сектора, например, работа Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать», в которой разрабатывается теория паноптизма, всеподнадзорности⁹⁸.

З. Бауман же приводит реальный пример воплощения теории паноптизма – Калифорнийская тюрьма «Пеликан Бэй». Особенностью этого пенитенциарного учреждения является полный надзор за заключенными, каждый из которых заперт в индивидуальной камере, не имеющей окон. Тюрьма полностью автоматизирована, и надзирателям даже не приходится покидать свою застекленную смотровую башню. На первый взгляд, говорит Бауман, «Пеликан Бэй» является ультрасовременным, модернизированным вариантом «Паноптикона». Однако если целью последнего было исправление члена общества и обучение самоконтролю, то в случае с американской тюрьмой вопрос стоит не о реабилитации, а напротив – привитии человеку чувства ненужности обществу⁹⁹.

Существуют и отличные мнения относительно общественных пространств. Так, основой построения общества М. Кастельс называет идентичность, в соответствии с которой индивид формирует собственное понимание общества, в которое оказывается помещенным, его нормы и стандарты. Объяснение многих социальных трансформаций ученый видит в экономических процессах. Из рассуждений социолога следует, что любое общество рано или поздно придет к информационному капитализму. Именно информационная составляющая является отличительной особен-

⁹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ад Маргинем, 1999. С. 431 – 454.

⁹⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 22.

ностью. Доказывая стремительно распространяющуюся возможность повсеместного обмена информацией, значительно увеличивающуюся роль современных технологий, М. Кастельс развивает идею сетевого общества, указывает на все большую взаимозависимость членов общества друг от друга. Следуя логике ученого, можем заключить, что в отличие от точки зрения З. Баумана, американский социолог имеет более оптимистичные взгляды на будущее общественных пространств. Разумеется, развитие новых технологий, в частности интернета, позволяющего перемещаться по всему миру не покидая компьютерного стола, не может не сказаться на устройстве общественной жизни, но и социальные пространства не теряют своей значимости. Они должны адаптироваться к новым реалиям – в этом и заключается суть трансформистского подхода. «В самом деле, задача, стоящая перед архитекторами и проектировщиками, заключается в том, как избежать изоляции, как реинтегрировать функциональную независимость индивидуализированных пространств с коллективным опытом общих мест, на которых будет продолжать базироваться городская жизнь», – говорит Кастельс¹⁰⁰.

Кастельс также дает свое определение социализации в рамках разрабатываемой теории сетевого общества: «процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств».¹⁰¹ Приведенная дефиниция показывает, что в понимании Кастельса современный человек не является пассивным в процессах социализации, которые, по Фуко, не оставляют ему и капли свободы в действиях; он не является лишь продуктом социальных влияний, а сам способен «конструировать смыслы».

¹⁰⁰ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 274.

¹⁰¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 25.

Английский социолог Э. Гидденс, как и Кастельс, подчеркивает особую роль идентичности в процессе социализации личности и тот факт, что сам человек может принимать активное участие в этом процессе. Однако в отличие от своего американского коллеги, выделяющего экономические реалии как основной фактор происходящих изменений, Гидденс устанавливает связь трансформаций с институтом традиций, ослабление которого приводит к формированию общества риска. Ученый полагает, что риск в современном понимании является новым концептом, а именно результатом глобализации. Это не означает, что риска раньше не существовало, однако в предыдущие эпохи преобладал внешний риск, независящий от действий человека (риск неурожая, например, все еще сохраняется в развивающихся странах). Сегодня же актуализируется роль риска рукотворного, к которым можно отнести такие глобальные риски, как экологические, ядерные войны, финансовые кризисы и т.д. При этом подчеркивается, что современное общество рискованно априори – опасно даже бездействие. Отсюда и изменение процесса социализации индивида. Будучи предрасположенным к множеству рисков и осознавая это, человек постоянно будет стремиться подстраховаться, перестраховаться. Если до эпохи модерна общество преимущественно жило прошлым, почитая, соблюдая и культивируя традиции и обычаи, то сегодня оно переориентировано на будущее.¹⁰² Появилась острая необходимость оценки, прогнозирования последствий совершаемых действий. Именно поэтому, например, в экономике большую роль играет оценка будущей стоимости активов, нежели их настоящая ценность. Принимая решение о выдаче кредита, банк производит оценку рисков и закладывает их в конечную стоимость продукта. И по этой же причине сегодня такое значительное распространение получает страхование, некоторые его виды даже становятся обязательными.

¹⁰² Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 10-22.

Немецкий социолог и философ У. Бек продолжает идеи общества риска. По Беку, если на предыдущих этапах развития общества в качестве главной ценности могли выступать равенство, благоденствие, капитал, то на современном этапе таковой ценностью представляется безопасность. «Социальный проект общества приобретает отчетливо негативный и защитный характер – не достижение «хорошего», как ранее, а предотвращение «наихудшего». Иными словами, система ценностей «неравноправного общества» замещается системой ценностей «небезопасного общества», а ориентация на удовлетворения новых потребностей – ориентацией на их самоограничение»¹⁰³. При этом риск не расценивается как побочный продукт, а как закономерный результат деятельности, свойственной любому обществу – принятия решения. В этих условиях общество начинает уделять особенное внимание развитию науки, поскольку именно на нее возлагаются надежды по предсказанию и предотвращению опасностей.¹⁰⁴

Н. Луман в основе интеграции, «сцепления», а, следовательно, и социализации общества видит коммуникацию.¹⁰⁵ Отечественный философ Е.П. Савруцкая, глубоко прорабатывающая вопросы теории коммуникации, имеет схожие взгляды, говоря о том, что культура общения способствует закреплению форм социального взаимодействия между людьми, сохранению и воспроизводству опыта поколений¹⁰⁶. Луман при этом отмечает, что современная коммуникация предполагает постоянный выбор из множества альтернатив, что само по себе является рискованным. Выходом из ситуации является постоянная рефлексия.¹⁰⁷

¹⁰³ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С.49.

¹⁰⁴ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000. С.21-22.

¹⁰⁵ Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С.141 – 150.

¹⁰⁶ Савруцкая Е.П. Образ жизни и исторические формы общения. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. С. 47.

¹⁰⁷ Луман Н. Указ. источ.

Примечателен тот факт, что для Н. Лумана основными источниками информации для рефлексии, анализа, исследований являются новости и репортажи, то есть массмедиа в целом, как нечто, что непосредственно отражает реальность. С началом распространения массовой печати ученый напрямую также связывает появление интереса к поиску морали, консенсуса, поиску ценностей. Именно на страницах газет определенные актуальные на данный момент действия получали порицание или одобрение, представляя тем самым предлагаемые массам ценности того или иного периода. Массмедиа можно рассмотреть как своего рода общественные весы, на одной чаше которых отражение реального положения дел, а на другой – образец того, как должно быть. В этом смысле реальность выступает в качестве Другого для СМИ – для того, чтобы утвердить то или иное мнение, ценность, мораль, массмедиа представляют идею, как противовес реальности.¹⁰⁸

Реклама, как форма сообщения, сегодня оцениваемая как неотделимая часть деятельности массмедиа, также оказывает воздействие на человека. По Н. Луману, реклама элиминирует проблему стратификационных отличий, заменяя ее проблемой различий в покупательской способности. Отсюда заключаем несколько закономерностей. Во-первых, массмедиа сегодня создают образ того, что необходимо иметь человеку, чтобы быть приписанным к тому или иному классу. Во-вторых, в целом для ученого современные трансформации социального носят медийный характер.

Есть точки зрения, определяющие глобализацию как резко негативный фактор воздействия на социализацию. Например, А.В. Костина приводит следующую аргументацию своей позиции. «Первой причиной кризиса идентичности являются глобализационные процессы, предполагающие обмен социально и культурно значимой информацией, открытые для передвижения, в том числе и для туризма, границы, взаимообмен профес-

¹⁰⁸ Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.

сиональными кадрами. Это также открытые рынки, обусловленные открытыми границами, свободной торговлей и «импортированием» труда из экономически отсталых в богатые страны, усиление миграционных потоков». ¹⁰⁹ Костина подчеркивает, что в условиях глобализации в нормативно-правовых актах постоянно образуются «серые зоны», которые также затрагивают гражданское право, что негативно сказывается, например, на мигрантах, приводя к ксенофобии.

Французский философ П. Вирильо также отмечает отрицательное воздействие происходящих глобализационных процессов на социализацию личности. Пространственно-временное сжатие, присущее протекающим процессам, приводит к утрате самоидентичности, фундаментальной потере ориентации. Сегодня, когда человек в считанные секунды, не покидая рабочего стола, может перемещаться в сотне мест, модель жизни «здесь и сейчас», присущая индивиду прошлого, теряет свою актуальность. Формируется, если уже не сформировалась, новая матрица, явившаяся одной из причин кризиса идентичности – время («сейчас») доминирует над местом («здесь»). ¹¹⁰

Согласно американскому ученому П. Кинану, кризис идентичности может явиться следствием потери идентичности сообщества, происходящей в результате стирания национальных границ, приводящего к взаимовлиянию представителей разных обществ. Следовательно, глобализация уменьшает способность социальных норм регулировать поведение людей (притом как в западных, так и незападных странах) по следующим причинам:

- Глобализация снижает саморегуляцию общества. Если раньше при отклонении от норм одними членами общества другие на это указывали, то сегодня это происходит все реже.

¹⁰⁹ Костина, А. В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 167-175.

¹¹⁰ Вирильо П. Машина зрения. СПб: Наука, 2004. С. 108-109.

- Снижается принудительность социальных норм. В результате образования еще большего социального разрыва представители различных страт имеют отличные представления о правомерных и неправомерных действиях и по-разному могут избегать санкций.

- Возможность выбора места совершения неправомерных и незаконных действий во избежание наступления санкций.¹¹¹

Рассматривая вопрос влияния глобализации на процессы социализации, нам представляется последовательным изучение воздействия интернета. Критиков интернета, утверждающих преимущественно его негативное влияние на процессы социализации, а иногда определяющих его причиной десоциализации, выпадения из общества, социальной эксклюзии, сегодня немало. Однако, например, Кастельс считает тезисы об асоциализирующей функции интернета несостоятельными. Данные, как правило, используемые критиками интернета, являются результатами исследований, проводившихся на ранних этапах его развития. Так, положения о том, что человеку свойственны конструирование новой идентичности и ролевые игры в интернете, в наши дни больше применимы к представителям молодежи. «В самом деле, подростки – это люди, пребывающие в процессе открытия своей идентичности, экспериментирования с нею и выяснения того, кем они на самом деле являются или, возможно, станут».¹¹²

Другой американский исследователь Э. Фиоре отдельно выделяет иную группу людей, которым свойственно конструирование новой, иногда ложной идентичности – людей, ищущих в интернете знакомства. В своем исследовании Э. Фиоре заключает, что в 85% случаев успех знакомства зависит в первую очередь от физических характеристик пользователя, то

¹¹¹ Keenan, P. J. Do Norms Still Matter? The Corrosive Effects of Globalization on the Vitality of Norms // Vanderbilt Journal of Transnational Law. Vol. 41. March. №2. P. 332.

¹¹² Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 143.

есть от наличия фотографии на личной странице человека.¹¹³ Более того, бо́льшая часть пользователей этот факт осознает. Таким образом, мы можем предположить, что люди, неуверенные в себе или нежелающие представлять свою внешность широкой публике, могут прибегать к конструированию ложной идентичности, размещая на странице чужие фотографии.

Другой причиной, по которой люди могут предпочесть интернет-коммуникацию, является тот факт, что сегодня, когда человек подвергается всестороннему влиянию значительных массивов информации, ему свойственно стремление к всевозможному упрощению действительности, выбору более простых форм общения, сохранению «низкой стоимости» его участия в интеракции¹¹⁴. При описании интернет-коммуникации используются такие термины, как «скудный» (lean) и «неоднозначность» (ambiguity).¹¹⁵ Общение в сети дает меньше дополнительной информации о собеседнике, намеков о его личности, чем коммуникация в реальной жизни, вследствие отсутствия проявлений невербальной коммуникации. Поэтому интернет-коммуникация более двусмысленна, предоставляет больше возможностей для домыслов. С другой стороны, описанные факторы способствуют избирательной самопрезентации, что также может приводить к переконструированию идентичности и, в конечном счете, способствовать созданию симулякров. Эта идея подтверждается мыслями Ю.В. Шичаниной, указывающей на получаемую человеком полную свободу автопроектирования в интернете.¹¹⁶

Профессор Стэнфордского университета М. Карной в целом выделяет ряд сходств реальных и виртуальных сообществ. Помимо упомянутой общности интересов М. Карной указывает на добровольное вступление в

¹¹³ Fiore A. Self-presentation, Interpersonal Perception, and Partner Selection in Computer-mediated Relationship Formation. Berkeley, University of California, 2010. P. 6.

¹¹⁴ Carnoy M. Sustaining the New Economy. Work, Family and Community in the Information Age. Harvard University Press, 2002. p. 181.

¹¹⁵ Fiore A. Self-presentation, Interpersonal Perception, and Partner Selection in Computer-mediated Relationship Formation. Berkeley, University of California, 2010. P. 12.

¹¹⁶ Шичанина Ю.В. Самоидентификация: интернет-форматы// Философские науки. 2009. №10. С. 50.

сообщества (voluntary participation). Более того, значительная часть участников интернет-сообществ, как правило, встречается и в реальном пространстве (off-line), например, на работе или на учебе. Отсюда следует важная функция виртуальных сообществ: они становятся площадкой для продолжения обсуждения вопросов, поднятых в университете или офисе, другими словами, являют собой сообщества по производству знаний¹¹⁷.

Неоднозначность, скудность интернет-общения может также иметь и другой социальный эффект – выполнять интегративную функцию. Поскольку фокус смещается с личных характеристик участников на их общие интересы, происходит снижение, элиминация статусно-ролевого эффекта (Кутырев¹¹⁸, Fiore¹¹⁹). Действительно, в обсуждении строительства нового многоквартирного дома пол, возраст, религиозные убеждения, социальный статус, должность собеседника играют далеко не определяющую роль. Разумеется, абстрагирование от социальных установок может приводить к более результативной и продуктивной работе. При этом вследствие отсутствия барьеров входа наблюдается и другое изменение в коммуникативном процессе. Обычное коммуникативное взаимодействие имеет пирамидальную форму, в основании которой располагаются получатели информации, а на вершине – отправители. В интернете же в настоящее время наблюдается обратная закономерность – становится все больше тех, кто генерирует сообщения, и все меньше тех, кто их воспринимает. Иначе пользователи действительно столкнулись бы с информационной перегруженностью. Отечественный философ Б.В. Марков говорит следующее о сложившейся ситуации: «... плюрализация источников информации приводит к парадоксальному эффекту: с одной стороны, демократическому обществу угрожает информационная энтропия; с другой стороны, ... перевес включенности

¹¹⁷ Carnoy M. Sustaining the New Economy. Work, Family and Community in the Information Age. Harvard University Press, 2002. p. 181.

¹¹⁸ Кутырев В.А. Культурологический смысл глобализма// Вестник РФО. 2000. № 4. С. 80.

¹¹⁹ Fiore A. Self-presentation, Interpersonal Perception, and Partner Selection in Computer-mediated Relationship Formation. Berkeley, University of California, 2010. p. 12.

над исключенностью, ускорение процесса обмена информацией не оставляет времени и для рефлексии»¹²⁰.

Другая особенность интернет-сообществ заключается в том, что участие в сетевых группах так же, как и в реальных, способно развивать групповую идентичность, подчиняющуюся всем социальным законам. Участникам сообществ также свойственно разделение своего окружения на группы «in», чьи интересы, предпочтения совпадают с нашими, и к членам которой мы будем благосклонны, и группы «out».¹²¹

Значительная часть сообществ, в которых состоит человек, переместилась сегодня в виртуальную реальность. Участие в каждом из них, вклад в их жизнедеятельность человек, так или иначе, дифференцирует, устанавливает их приоритетность. В результате формируется «портфолио социальных связей».

Обобщая все выделенные особенности воздействия интернета в частности и глобализации в целом на отношения человеком с окружающими, можем заключить, что сегодня в процессе интеракции человек постоянно конструирует и реконструирует свою идентичность в зависимости от ситуации общения, будучи неограниченным в пространстве и времени, а также находящимся под воздействием неограниченного количества Других. Именно поэтому мы рассматриваем человека как активно-пассивное начало в процессе социализации. Дж. Г. Мид говорил об игре и соревновании как видах деятельности, оказывающих большое влияние на развитие человека.¹²² Видится, что и сегодня, игра и соревнование остаются значимыми формами взаимодействия между людьми с точки зрения социализации, но, очевидно, получают развитие. Так, представляется возможным говорить о намного большей «играизации» социализации, поскольку сегодня

¹²⁰ Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. – СПб: Петрополис, 2001. - с. 121.

¹²¹ Fiore A. Self-presentation, Interpersonal Perception, and Partner Selection in Computer-mediated Relationship Formation. – Berkeley, University of California, 2010. – p. 13.

¹²² Мид Дж.Г. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М., 1996.

в условиях неограниченного отложенного общения, развития технологий, в том числе и симуляции, человек способен примерять на себя сколько угодно многие роли, ощущать себя в роли представителя другой профессии, культуры, нации или даже планеты. Полное познание себя, по Миду, возможно при условии взаимодействия с Другими, осознания взаимозависимости с Другими и принятия их установок относительно меня. Разумеется, соревнование и сегодня остается важной стадией формирования самоидентичности, однако современный человек взаимодействует с много большим количеством Других, воспринимает их мнения, а потому мы считаем что в условиях этих «гиперконкурентных условий соревнования» человек значительно раньше проявляет активность в процессе социализации.

Таким образом, вопрос влияния глобализации на развитие социальных процессов в современном мире остается достаточно спорным и дискуссионным. С одной стороны человек принимает участие в формировании идентичности, будучи неограниченным пространственными рамками, а принимая во внимание возможность избирательной самопрезентации, общество также стремится к большей интеграции, сближая представителей различных его слоев. С другой стороны, существуют мнения, напротив выделяющие отрицательное воздействие происходящих процессов на социализацию индивида. Однако однозначно то, что протекающие процессы глобализации неизбежно оказывают воздействие на процессы приобщения индивида к жизни в обществе, независимо от того, трактуем ли мы их как позитивные или негативные, а потому эти трансформации нуждаются в изучении и осмыслении.

Основные выводы по Главе I:

Традиционно процесс социализации личности рассматривается в качестве активно-пассивного. Представляется, что в ходе первичной социализации человек есть пассивное начало, интернализирующее социальные нормы и установки общества, в которое оказывается помещен. Однако на

этапе вторичной социализации индивид играет активную роль, будучи способным конструировать смыслы самостоятельно. Результатом этого процесса является множественная идентичность.

Происходящие сегодня процессы глобализации оказывают воздействие на социальные процессы, одним из которых является социализация. Глобализация определяется как процесс всемирной интеграции, ставший результатом стремительного и всеобъемлющего развития информационных технологий и экономической взаимозависимости национальных экономик, формирующий, как следствие, сетевое общество.

В воздействии глобализационных процессов на человека, процессы его социализацию отмечается пространственно-временное сжатие социальной действительности. Человек больше не ограничен расстояниями, поскольку может самостоятельно выбрать любое место назначения и отправиться туда, не покидая рабочего стола. В то же время, тысячи километров человек преодолевает в считанные секунды, и потому понятие и ценность времени могут терять свой сакральный, онтологический смысл. Видится, что, как следствие, традиционные субъекты социализации претерпевают изменения, появляется возможность выбора Других в процессе формирования ценностей. По этим причинам, развивая идеи Дж. Г. Мида, мы говорим об «играизации» социализации и «гиперконкурентности соревнования» на современном этапе, что приводит к более раннему и интенсивному активному участию человека в процессе конструирования самоидентичности. Поэтому вне зависимости от того, оцениваются ли происходящие изменения как отрицательные или положительные, сегодня мы говорим об изменении форм социализации, о возможности конструирования самоидентичности и необходимости постоянной актуализации уже сформированной идентичности – ресоциализации, о чем и пойдет речь во второй главе работы.

Глава II. Изменение форм социализации при переходе к информационному обществу

Происходящие глобализационные процессы оказывают воздействие на социализацию индивида. Мы не просто рассматриваем человека как активно-пассивное начало в вопросе его приобщения к жизни в социуме, но подчеркиваем его стремительно повышающуюся самостоятельность и инициативность. Более того развитие технологий, медийный характер глобализации снимает пространственно-временные барьеры, одновременно с тем сокращая срок актуальности сведений, повышая темпоральность знаний и умений. Логика социализации в традиционном смысле, разумеется, претерпевает изменения. Рассматривать социализацию как процесс, в ходе которого человек на этапе первичной социализации получает установки от семьи и школы, а в последующем адаптирует вновь полученные знания к идентичности, сформированной в детстве, сейчас было по меньшей мере некорректным. А потому задачей этой главы является выявление актуальной, соответствующей сегодняшним реалиям логики социализации человека. Именно по этим причинам мы считаем необходимым выявить совокупность тех Других, которые сегодня не оказывают воздействие на формирование картины мира человека, но участвуют в этом процессе. Также в значительной мере медийный характер глобализационных процессов, как видится, представляет неограниченные возможности конструирования самоидентичности, поскольку сама медиасреда являет собой реальность сформированных и популяризируемых образов. Как следствие высокой темпоральности социального, стремительно растущего и постоянно обновляющегося набора Других человека, активного самоконструирования личности, видится, что современный человек ресоциализируется, другими словами, реконструирует, переконструирует личность практически на протяжении всей жизни, а процесс ресоциализации представляется одним из ос-

новополагающих процессов социализации на современном этапе. Эти вопросы и будут рассмотрены во второй главе.

2.1. Конструирование самоидентичности в условиях новой медиасреды

В параграфе 1.3 нами было установлено активное начало современного человека в вопросе социализации. Мы полагаем, что сегодня индивид способен самостоятельно заниматься конструированием моделей поведения, норм и правил, которые, разумеется, впоследствии интернализирует. Другими словами, мы исходим из положения, что современный человек является автором собственной идентичности. Задачей данного параграфа является анализ причин, механизмов и форм конструирования самоидентичности в условиях складывающейся медиасреды.

Для начала определим понятие медиасреды. Медиасреда – это та среда, которая окружает человека постоянно, связывает его с внешним миром, рассказывает о нем, учит жизни в нем посредством средств массовой коммуникации.¹²³ Другими словами, в условиях современного мира медиасреда является, по сути, средой бытия, а, следовательно, и социализации личности, а потому представляется возможным говорить о современности в более широких категориях, как, например, медиареальность. Медиареальность определяется как формы онтологизации социальной информации, то есть формы обращения последней в социальные реалии, действия при помощи технических средств распространения информации.¹²⁴

Неотъемлемой частью медиасреды, медиареальности и процесса приобщения индивида к полноценному функционированию в обществе считается медиакультура. В соответствии с некоторыми взглядами медиакультура рассматривается в качестве эквивалента обществу, сформиро-

¹²³ Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проект, 2005. С. 11.

¹²⁴ Фортунатов А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. Нижний Новгород: ННГАСУ. 2009. С. 55.

вавшемся вследствие развития средств массовой информации (Thoman¹²⁵, Jansson¹²⁶, Thomas¹²⁷). В отдельных случаях медиакультура приравнивается к обществу потребления, в котором человеку дается свободное время, которое он должен потратить на блага, тиражируемые средствами медиасреды (Adorno¹²⁸). Однако мы сближаемся с взглядами ряда отечественных исследователей, рассматривающих медиакультуру как сложную, амбивалентную систему, вобравшую в себя особенности элитарной, народной и массовой культур и распространяющую их составляющие посредством СМК, формируя тем самым общественное сознание и картины мира индивида (Возчиков¹²⁹, Кузнецова¹³⁰, Кириллова¹³¹). Действительно, медиакультура представляется нам системой ценностей общества на определенном этапе, нежели обществом, обусловленным развитием масс-медиа, как таковым.

Медиакультура все еще находится на стадии формирования, становления, равно как и процесс социализации личности претерпевает изменения. Вопрос о влиянии средств массовой информации, медиасреды на социализацию индивида, выработку социальных смыслов получил развитие еще в середине прошлого столетия. Так, П. Лазарсфельд и Э. Кац разработали двуступенчатую модель коммуникации, в соответствии с которой постулируется, что СМИ существуют в сложной общественной системе коммуникаций, а потому действуют на общественность не напрямую. Ученые четко дифференцируют активное и пассивное начала общественности, воспринимающей информацию, приписывая активное — «лидерам мне-

¹²⁵ Thoman E. [Rise of the Image Culture](#)// Media & Values. 1992. №57. P. 14.

¹²⁶ Jansson A. The Mediatization of Consumption// Journal of Consumer Culture. 2002. Vol. 2. № 1. P. 7.

¹²⁷ Thomas P.L. Ignoring Poverty in the U.S. The Corporate Takeover of Public Education. Furman University. 2012. P. 30.

¹²⁸ Adorno T.W. The culture industry revisited. Rowman & Littlefield Publishers. 1996. P. 72.

¹²⁹ Возчиков В.А. Философия образования и медиакультура информационного общества: Автореферат дисс... докт. филос. наук. 09.00.11. СПб, 2007. С. 18.

¹³⁰ Кузнецова Е.И. Медиакультура в коммуникативном пространстве цивилизаций. Н. Новгород. 2008. С. 219.

¹³¹ Кириллова Н.Б. Что такое медиакультура// Телецентр. 2005. № 4. С. 19.

ния». Именно они, усвоив сведения из СМИ, опосредовав их, распространяют информацию в обществе, принимая, тем самым, участие в формулировании знаний, ценностей, установок¹³².

Проводя аналогию с периодом распространения телеграфных линий и мыслями Г. Тарда о том, что эпидемия преступлений распространяется по этим линиям подобно тому, как инфекционные эпидемии распространяются по воздуху и ветру¹³³, А. Бандура и Л. Берковиц вслед за французским ученым развивают идею «суггестно-подражательных нападений». Так, А. Бандура развивает идею об observational learning посредством имитации. А. Бандура исходит из положения о том, что опытное научение было бы неэффективным, утомительным и опасным, поскольку каждому человеку пришлось бы не раз самостоятельно совершить ошибку, прежде чем получить знание о том или ином предмете. Ученый заключает, что именно поэтому между поведением и средой существует реципрокная связь, т.е. человек и среда взаимно влияют друг на друга.¹³⁴ Эксперимент, проведенный с четырьмя группами детей, показал, что поведение, увиденное на экране телевизора, также может впоследствии имитироваться смотревшим.

Л. Берковиц же развивает идею «прайминга». Под праймингом ученый подразумевает заразительный эффект масс-медиа, пробуждающий агрессивные мысли и, возможно, побуждающий смотрящего к аналогичным действиям, перенесенным на собственные социальные реалии¹³⁵. Однако следует отметить, что прямых убедительных доказательств идей А. Бандуры и Л. Берковица не было найдено.

¹³² Katz E., Lazarsfeld P. Personal Influence. The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. N.Y.: The Free Press, 1955. P. 137-138.

¹³³ Tarde G. Penal Philosophy. London: William Heinemann, 1912. P. 340-341.

¹³⁴ Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986. P. 27.

¹³⁵ Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб: Прайм-Еврознак. 2001. С. 332.

Позднее Дж. Гербнер, анализируя влияния медианасилия на поведение общества, представил гипотезу культивации. В соответствии с гипотезой, чем больше времени человек подвергается воздействию телевидения, тем более искаженным и приближенным к увиденному будет представление о мире.¹³⁶ Результаты культивационного анализа показали, что у людей, проводящих перед экраном телевизора значительное время (около 7 часов в сутки), развивается необоснованный страх стать жертвой насилия, искажается представления об органах правопорядка (в представлении заядлых телезрителей их число много выше реального), присутствует общее недоверие к окружающим. Дж. Гербнер видит объяснение такого широкого воздействия телевидения в том, что оно фактически стало одним из членов семьи, имея неограниченный доступ к каждому из них. Поэтому оно видится оптовым поставщиком образов, сообщений, ценностей. В этом свете мы можем говорить о телевидении как о субъекте социализации. Более того, во время работы Дж. Гербнера ТВ-каналов существовало немного, и информация распространялась централизованно, следовательно, тогда можно было говорить и об интегративной функции телевидения. С другой стороны, рассматриваемый феномен также сопоставляется с религией. По Дж. Гербнеру, телевидение и религия имеют сходства в своей социальной основе, их функции заключаются в постоянном повторении так называемых паттернов поведения, т.е. мифов; идеологий; мыслей, представляемых под видом фактов и др., служащих для понимания мира и «легитимации» социального порядка¹³⁷. Следовательно, телевидение представляется новой религией, способной повести за своей идеологией миллионы.

Сегодня вопрос о воздействии СМК на общество продолжает разрабатываться; отмечается, что они могут оказывать как отрицательное, так

¹³⁶ Cohen J., Weimann G. Cultivation Revisited: Some Genres Have Some Effects on Some Viewers. *Communication Reports*. 2000. № 13(2). P. 99.

¹³⁷ Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. Living with television: The dynamics of the cultivation process// *Perspectives on media effects*. Hilldale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1986. P. 17–40.

и положительное воздействие на индивида. Возможности Интернета как нового информационно-коммуникативного пространства, неизбежно воздействующей на процессы социализации, будут рассмотрены в параграфе 2.2. Однако влияние традиционных СМИ на приобщение человека к обществу также представляет интерес.

Роль медиасистемы в социализации индивида сегодня становится как никогда более амбивалентной и неоднозначной. С одной стороны, считается, что СМИ в целом оказывают благотворное информационное влияние на развитие, кругозор человека, особенно малообеспеченного, не имеющего доступа к другим источникам образования. Однако, с другой стороны, вследствие наличия неограниченного количества средств массовой информации пресса, телевидение, радио становятся сегодня все более направленными на конкретную аудиторию, то есть, переживают процессы демассификации. Другими словами, СМИ сегодня становятся более индивидуальными и удовлетворяющими конкретные познавательные потребности, создавая тем самым диалектическое противоречие, которое, как видится, будут сами стремиться решить, и, возможно, успешно.

Последнее мы заключаем из положения, о том, что современный человек стремится к максимальной редукции социального. Представляется, что происходит это по нескольким причинам. Во-первых, постоянно существуя в условиях бесконечных информационных потоков и информационных перегрузок, человек стремится упростить процесс отбора и восприятия сведений, возможно, подсознательно ищет наиболее простой путь. Во-вторых, как будет показано далее в параграфе, сегодня мы рассматриваем СМИ как субъект социальных отношений, который, осознавая условия существования индивида в условиях информационного общества, мозаичной культуры, стремится представить сведения в максимально простой для потребления форме, то есть, также склонен к редукции. И если современный человек расценивает СМИ как члена общества, то становится

ясной склонность к редукции социального как следствие стремления к ощущению равноправия с таким крупным и значимым партнером. И здесь вновь просматривает диалектическое противоречие. С одной стороны, масс-медиа имеет своей целью создание унифицированного идеала, к которому в силу редукции социального должен стремиться индивид. В этом смысле личность выглядит реальной для самой себя, если приближается к утвержденному медиасредой идеалу¹³⁸. Но в то же время, помня о процессах демассификации СМИ, мы говорим о существовании бесконечно многого количества образов, с которыми человек может себя идентифицировать по своему желанию, которые могут переплетаться, как в мозаике, что также может привести к конструированию самоидентичности.

Рассматривая более пристально современные исследования, действительно констатируем отмечающееся повышение влияния СМИ на социализацию личности или даже их преобразования в субъект процесса. Масс-медиа сегодня уже не расцениваются как нечто, выполняющее посредническую, трансляционную роль, но на них переносятся свойства субъекта социума, происходит их «оживление». Так, по результатам экспертного исследования, проведенного фондом Питирима Сорокина в 2007 году, СМИ приравняются по своей важности и степени влияния к традиционным источникам ценностного базиса общества.¹³⁹ Другие исследователи считают, что СМИ не просто равны по значимости другим источникам социализации, но отныне не от семьи и общественных институтов интернализируется основной массив норм и ценностей, а от СМИ; таким образом, происходит стихийное усвоение информации, что сказывается на социализации индивида. Вследствие повсеместного развития инновационных технологий взрослое население фактически утратило основополагающую роль Других и лишилось рычагов управления процессами социализа-

¹³⁸ Фортунатов А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. Нижний Новгород: ННГАСУ. 2009. С. 65.

¹³⁹ Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М.: ACADEMIA, 2008. С. 13.

ции молодежи.¹⁴⁰ По словам Г.Г. Дилигенского, привычная среда становится все менее способной формировать для индивида четкую и ясную систему норм, ценностей, стандартов поведения.¹⁴¹ Таким образом, мы можем говорить о СМИ как новом субъекте социализации. Так, например, А.В. Федоров видит медиатексты средствами обучения и воспитания.¹⁴²

Существуют и более радикальные взгляды, в соответствии с которыми биологическая семья и вовсе перестает быть априори основным субъектом социализации индивида, источником эмоциональной поддержки вследствие появления у пользователей новых технологий возможности формирования «семьи по выбору».¹⁴³ Есть также мнения, в соответствии с которыми в современной России институты социализации (семья, школа, средства массовой информации, армия, общественные объединения и т.д.) разобщены, выступают как конкурирующие или вовсе не связанные между собой образования, находящиеся, к тому же, в неравных условиях для распространения своего воздействия.¹⁴⁴

Несмотря на существование подобных радикальных взглядов на возрастающую роль СМИ в социализации детей и молодежи, мы склонны считать, что она, тем не менее, еще не становится определяющей; СМИ представляются одним из субъектов социализации, оказывающим воздействие на традиционные семью и школу. Наши мысли основываются также на результатах социологического исследования ценностных ориентаций молодежи, проведенного учеными НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, педагогического университета г. Вайнгартен (Германия) и Института и социоло-

¹⁴⁰ Кубякин Е. Социализация российской молодежи в условиях глобализации информационного пространства // Власть. 2011. № 3. С. 59 – 63..

¹⁴¹ Дилигенский Г.Г. Человек перед лицом глобальных процессов. // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 335.

¹⁴² Цит. По: Кузнецова Е.И. Медиакультура в коммуникативном пространстве цивилизаций. Н. Новгород. 2008. С. 44.

¹⁴³ Carrington V. Globalization, Family and Nation State: reframing 'family' in new times // Discourse: studies in the cultural politics of education. 2001. Vol. 22. No. 2. P. 185 – 196.

¹⁴⁴ Луков В.А. Проблема обобщающих оценок положения молодежи // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 27-46.

гии РАН РФ. Итоги исследования показали отмечающееся подростками снижение роли семьи и институтов образования по сравнению с 2003 годом¹⁴⁵ в формировании ценностных ориентаций (однако, некритическое), а также повышение роли СМИ в обозначенном процессе.¹⁴⁶ По результатам всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного в 2009 году, 48% населения считает, что СМИ должны прививать нравственные ценности.¹⁴⁷

В соответствии с некоторыми точками зрения, к такой форме экономического устройства, когда информация будет играть определяющую роль во всех рыночных отношениях – информационному капитализму, рано или поздно придут все страны¹⁴⁸. Однако признаки информационного капитализма видны уже сегодня. И здесь мы отметим другую особенность функционирования СМК как субъекта социализации личности, как Другого. В целях выживания и процветания телекомпаний и редакции стремятся к завоеванию большей аудитории, поддержанию высоких рейтингов, что приводит к погоне за сенсациями и снижению достоверности, утрате образовательной направленности, нивелированию культурно-ценностной функции издаваемых материалов, другими словами – редукции социального к рыночному. В погоне за сенсациями и рейтингами СМИ производят на свет шокирующие новости, уникальные чарты и будоражающие сознание ток-шоу, которые на самом деле бесконечно далеки от реального мира. С этой точки зрения, исследователи в XX веке рассматривают продукты деятельности СМИ как симулякры и выделяют (как, например, отечественный исследователь медиареальности А.Н. Фортунатов) диалектическое противоречие. Медиареальность рассматривается в этом

¹⁴⁵ Гражданская ответственность: методические материалы/ Сост. В.А. Блонин, Е.А. Молев, С.В. Устинкин. Н.Новгород: ННГУ, 2004. С. 55-58.

¹⁴⁶ Ценностные ориентации молодежи. Итоги социологического исследования. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 24-25.

¹⁴⁷ Опрос ВЦИОМ: «Масс-медиа: сегодня и завтра», декабрь 2009, выборка 1600 человек// URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13033>

¹⁴⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 27.

смысле как форма онтологизации, «опредмечивания» социального действия, в то же время, результатом действия субъектов медиареальности становятся симулякры, что указывает на деонтологизацию социального¹⁴⁹, и что коррелирует с проблемами социализации индивида.

Влияние средств массовой информации усиливается в электоральные периоды, когда происходит борьба политических дискурсов. В этом случае, как отмечает исследователь Е.И. Кузнецова, «механизмами структурирования медиареальности при этом выступают: высокий уровень модальности текстов, семантически оценочный контекст, нарративность, уподобляющая новость сериалу. Эти стратегии приводят к удвоению референта, к переплетению фактуального, событийного уровня и уровня концептуального, что приводит к тревелингу новостных сообщений в поле политической рекламы»¹⁵⁰.

В продолжение темы развития информационно-коммуникативных технологий Н.Н. Федотова считает, что они, позволяя людям вступать во взаимодействие на расстоянии, приводят к расширению спектра Других индивида, оказывающих воздействие на конструирование сти.¹⁵¹ Развивая подобную идею, профессор М. Карной также указывает на увеличение круга общения индивида, и если говорить об интернете, то вследствие наличия возможности избирательного самопредставления в сети, принимаемого на веру, происходит установление контактов между представителями абсолютно разных страт.¹⁵² Другими словами, развитие новых коммуникационных технологий приводит к двум, по сути, противоположным последствиям: уменьшение роли близких Других в социализа-

¹⁴⁹Фортунатов А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. Нижний Новгород: ННГАСУ. 2009.

¹⁵⁰Кузнецова Е.И. Медиакультура в коммуникативном пространстве цивилизаций. Н. Новгород. 2008. С. 152.

¹⁵¹Федотова Н.Н. Глобализация и изучение идентичности// Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 73.

¹⁵²Carnoy M. Sustaining the New Economy. Work, Family and Community in the Information Age. Harvard University Press, 2002. P. 181.

ции человека при одновременном увеличении интеграции общества в целом.

Нам видится, что причины повышающейся роли СМИ в качестве субъекта социализации могут быть определены следующим образом. Во-первых, российская система образования с момента распада Советского Союза до сих пор переживает этап становления, а потому во многом не определена и не проработана и не может представлять собой всеобъемлющий источник знаний, ценностей. Именно в этот момент СМИ и получили стремительное развитие в стране, заместив тем самым институты образования в вопросе информирования, обучения населения. Во-вторых, сегодня в условиях информационных перегрузок предпочтительными выглядят те источники, которые предоставляют знания в легкой и удобной для потребления форме, что свойственно некоторым СМК, в особенности телевидению и радио. Интернет в тоже время представляет собой среду, в том числе на основе которой происходит конвергенция традиционных СМИ, и потому также является средой, оказывающей прямое воздействие на трансформацию процесса социализации. Действительно, телевидение остается самым популярным источником информации, сократив с 2011 по 2014 годы свою долю среди опрошенных ФОМ всего на 4% с 92 до 88%. Популярность интернета при этом возросла в 21 до 41% за аналогичный период.¹⁵³ Интернет, как и ожидалось, наиболее популярен среди молодежи в возрасте до 30 лет, 51% которой отдает предпочтение именно ему.¹⁵⁴ В-третьих, причина возвышения СМИ в рассматриваемых процессах представляется в трансформации института традиций, на чем мы остановимся более подробно.

¹⁵³ Опрос ФОМ «О средствах массовой информации», март 2014, выборка 1500// URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11427>.

¹⁵⁴ Опрос ФОМ «Источники информации и телепредпочтения россиян», июнь 2013, выборка 1500// URL: <http://soc.fom.ru/SMI-i-internet/10938>;

Анализируя процесс социализации, мы устанавливаем связь между процессом приобщения к обществу и институтом традиций и обычаев, поскольку, на наш взгляд, именно через них транслируется опыт, взгляды, модели поведения предшествующих поколений. Традиция может определяться как «способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох».¹⁵⁵ По Ф. Энгельсу, некоторые повторяющиеся изо дня в день действия, привычки со временем становятся обычаем, что в свою очередь с течением времени трансформируется в закон.¹⁵⁶ Э. Гидденс видит в традиции основу идентичности.¹⁵⁷ Э.С. Маркарян определяет традицию как «механизм коллективной автокоммуникации»¹⁵⁸, продолжая идею Д.М. Угриновича, называющего основной задачей традиций сохранение и передачу социального опыта, знания и духовных ценностей.¹⁵⁹ Отечественный исследователь И.В. Суханов в структуре обычаев и традиций выделяет в том числе «действия или поступки, в которых актуализируются духовные качества человека в соответствии с потребностями социально-экономического развития той или иной социальной системы».¹⁶⁰

Таким образом, обычаи и традиции расцениваются как своего рода регуляторы общественных отношений, как правила и даже законы поведения и жизни в обществе. В этом свете процесс социализации предстает как следование, соблюдение предлагаемых обществом норм, вырабатываемых преимущественно коллективно на основе аккумулированного опыта. Такой точки зрения придерживается, например, и отечественный философ Е.П.

¹⁵⁵ Толстых В.И. Традиция// Новая философская энциклопедия. М.: Республика, 2003. С. 574.

¹⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Политиздат. Т. 18. С. 272.

¹⁵⁷ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 54-58.

¹⁵⁸ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 154.

¹⁵⁹ Угринович Д.М. Обряд как специфическое социальное явление// Социалистическая обрядность и формирование нового человека. Киев, 1979. С. 235.

¹⁶⁰ Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976. С. 37.

Савруцкая. По исследователю, обычай – это игра, действие по правилам. Однако если в игре правила носят вымышленный и необязательный характер, то в случае с обычаями правила являются продуктом общественно-практической и духовной деятельности, а потому представляются обязательными к исполнению. Несоблюдение же этих правил, по мнению философа, может обернуться для человека или общественной группы катастрофой.¹⁶¹ С точки зрения социально-философских процессов, эта катастрофа, как представляется, также выражается в процессе социальной исключенности, который будет рассмотрен более подробно в параграфе 2.3. Мы полагаем, что, будучи исключенным, индивид особенно активно занимается конструированием самоидентичности и идей, которые впоследствии могут быть интернализованы другими членами общества, что приведет к переходу от исключенности в групповую включенность.

Существуют мнения, в соответствии с которыми первыми, кто попытался разрушить влияние традиций на общество, были просветители. Однако им это удалось лишь отчасти, а именно в сферах управления и экономики, в то время как в других, включая повседневность, роль традиций укрепилась или заново актуализировалась. Сегодня же под воздействием глобализации происходят более значительные изменения в институте традиций и обычаев, в ходе которых не только общественные институты, но и повседневная жизнь освобождаются от их влияния. В большей степени эти процессы характерны для Западных обществ, в более традиционных же происходит процесс «детрадиционализации». Результатом происходящего становится формирование глобального космополитического общества. В конце концов, человек не опирается более на традиции и действует самостоятельно. Это приводит к тому, что человек может потерять ориентиры для самоидентификации, вследствие чего ему необходимо самостоятельно

¹⁶¹

Савруцкая Е.П. Образ жизни и исторические формы общения. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. С. 61-62.

делать выбор объектов идентификации и утверждать идентичность. «Когда традиции теряют силу, и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности. Он должен гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность».¹⁶²

Однако возможен и иной сценарий развития событий. Когда власть традиций над человеком ослабевает и последний получает свободу своим действиям, он может стремиться облегчить свой выбор, давая распространение «непреодолимой зависимости». То есть, индивид продолжает действовать в соответствии с установленными собой ранее сценариями и таким образом попадает в зависимость. И если раньше считалось, что зависимость может быть исключительно от отрицательных реалий, например алкоголя или наркотиков, то сегодня объектом зависимости может стать любая сфера жизни, все больше освобождающаяся от власти традиций и обычаев, например, семья, работа, любовь, спорт и т.д. Следует отметить, что традиции и зависимость имеют одну природу – прошлое определяет настоящее, однако есть и существенное отличие: традиции являются результатом коллективного, общественного действия, в то время как зависимость определяется индивидуальным добровольным выбором. Э. Гидденс называет такую зависимость «замороженной самостоятельностью».¹⁶³

Более того, если мы рассматриваем медиакультуру как систему, активно способствующую развитию амбивалентности и точек ветвления бытия, то представляется резонным отнести и ее к одной из предпосылок снижения роли института традиций. И именно медиакультура также становится одной из предпосылок для самоконструирования идентичности: «Осознание изначальной индивидуальной причастности к миру медиа – динамичной конструкции, творимой человеком, – обуславливает многооб-

¹⁶²

Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 56

¹⁶³

Там же. С. 54

разие сюжетов ориентирования в действительности, стимулирует выработку ценностных категорий, содержательных установок индивидуального бытия как факторов самостроительства личности в современной социокультурной ситуации».¹⁶⁴

Таким образом, уменьшающаяся роль института традиций и распространение медиакультуры представляют все больше возможностей и причин для активного участия самого индивида в конструировании собственной идентичности. По этой же причине актуализировалась проблема самоидентификации как таковая: если раньше социальные контексты, статусно-ролевые отношения были определены для конкретного человека от рождения, то сегодня в силу ряда факторов человек стоит перед выбором идентичностей. К таким факторам могут быть отнесены развитие современных технологий, преодолевающих пространственно-временные ограничения; стремящиеся к безграничным возможности горизонтальной и вертикальной социальной мобильности; распространение массовой культуры, приводящей к культуре мозаичной и т.д.

На возможность и реальность самоидентификации человека указывает ряд исследователей. Так, например, К Ясперс, рассуждая о коммуникации, которую мы, разумеется, понимаем как остающийся на протяжении долгого времени основной инструмент социализации, говорит о ней как об общении, в ходе которого человек не выполняет предписанные кем-либо роли, но реализует себя самостоятельно.¹⁶⁵ Отечественный философ С.А. Смирнов определяет личность как точку сборки свободы и ответственности, как странника, путника и навигатора.¹⁶⁶

В вопросе возможности самоидентификации интересны мысли В.И. Пржиленского. Проводя аналогию с предписанными и приобретенными

¹⁶⁴ Возчиков В.А. Медиакультурный фактор философии образования// Философия образования. 2007. № 18. С. 152.

¹⁶⁵ Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М.: Республика, 1997. С. 297 – 300.

¹⁶⁶ Смирнов С.А. Бытие в свободе, или Проблема культурной идентичности человека в ситуации онтологического перехода // Философские науки. 2004. № 3. С. 53-64.

статусами из социологической теории, В.И. Пржиленский считает также возможным разделить и идентичность по такому же принципу. «Точно так же идентичность можно разделить на предписанную и приобретенную, причем последняя также может быть разделена на добровольно приобретенную и приобретенную вынужденно. Последняя может быть также названа повторно предписанной, тогда как первую – добровольную – чаще всего следует именовать самовольно приобретенной идентичностью»¹⁶⁷, - говорит Пржиленский, откуда следует, что он рассматривает индивида как автора собственной идентичности. Более того, исследователь склонен считать, что сегодня имеется тенденция использовать исторические факты в целях управления и манипулирования индивидом и массами, а потому, он полагает, что человек не только может, но и должен активно заниматься конструированием самоидентичности: «Создай свою идентичность или за тебя это сделают другие»¹⁶⁸.

Если мы говорим об обычае, остававшемся долгое время одним из основных механизмов социализации, как о действии, игре по правилам, то очевидно, что сегодня значительная часть людей правилам игры не хочет или не может следовать. Сегодня, когда мы живем в обществе, которое может быть определено по-разному, будь то информациональное общество или общество потребления, мы сталкиваемся с индивидуальностью подходов. Рынок товаров, услуг, информации демонстрирует готовность подстраиваться под нужды и требования каждого своего потребителя. Разумеется, это дает человеку чувство уникальности, а потому правилам следовать не обязательно.

В этом свете мы смотрим на современную личность как на участника торгово-рыночных отношений во всех смыслах. Если до общества модерна формирование картины мира и идентичности преимущественно за-

¹⁶⁷ Пржиленский В.И. Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Философские науки. 2009. №10. С. 34-35.

¹⁶⁸ Там же, С. 36.

висело от занимаемого статуса, то сейчас весомое значение имеют роли, исполняемые индивидом. Поскольку одному индивиду свойственно множество ролей и ввиду того, что человек управляет ими, подстраивает под необходимые требования в зависимости от ситуации, мы склонны считать, что одному человеку свойственно множество идентичностей. Подобное управление идентичностями, ситуативное позиционирование и определяется как «самоидентизманство».

Одним из самых простых, распространенных обыденных примеров современного самоидентизманства, на наш взгляд, является составление резюме и заявлений о приеме на работу. В стремлении соответствовать требованиям определенной вакансии, представить себя как успешную кандидатуру человек составляет образ себя, иногда не совсем или совсем не соответствующий реальности. Мы также считаем, что, живя в условиях мозаичной культуры, бесконечно больших потоков информации, полагая, что предоставляемые сведения с малой степенью вероятности будут кем-либо проверены, и подмена вряд ли вскроется, человек склонен поступать схожим образом в значительном количестве ситуаций, будь то знакомство с новыми людьми, приглашение на свидание или проведение предвыборной кампании. В этом свете мы соглашаемся с Г. Л. Тульчинским, говорящем о конструировании самоидентичности как о формировании бренда.¹⁶⁹ Действительно, брендом считается не представленная совокупность реальных качеств товара, а выделяемые ценности, преимущества и выгоды, которые, возможно, не обязательно присутствуют. Поэтому видится, что сегодня человек, находясь в условиях медиареальности, ощущая и переживая создание и популяризацию различных образов средствами массовой коммуникации, сознательно или бессознательно начинает действовать схожим образом. Осознавая сложность проверки сведений, редукционизм в поведении человека, доминирование слов над действиями, человек может со-

¹⁶⁹

Тульчинский Г.Л. Проективный философский словарь// Философские науки. 2009. № 11. С. 138.

здавать тот образ себя, такой бренд, какой посчитает нужным, и этот образ станет один из миллионов, обращающихся на рынке идентичностей.

С этой точки зрения мы вновь обращаемся к рассмотрению общественных отношений и участия в них человека как в торгово-рыночных. Если раньше основным критерием отбора товара или услуги являлось качество, основанное на довольно объективных параметрах, то сегодня для многих бренд становится причиной выбора. То же происходит и в конструировании идентичности. В эпохи, предшествующие современной, достижение определенного статуса виделось целью, в то время как сегодня статус расценивается как шаг на пути к успеху. То есть, в современном мире мы говорим о создании человеком портфолио социальных идентичностей, гибких, ситуативных и подстраиваемых, где определенный достигнутый статус, является показателем имиджа, бренда.

Таким образом, конструирование самоидентичности сегодня является одной из основных форм социализации личности в силу ослабления института традиций и обычаев в условиях формирующейся медиасреды. В условиях современного мира мы рассматриваем этот процесс как формирование портфолио подстраиваемых, ситуативных идентичностей. Если мы говорим о личности как автопроекте в условиях медиакультуры, то неизбежно затрагиваем и вопрос изменения субъектов социализации, о чем и пойдет речь в следующем параграфе.

2.2. Виртуальная реальность как фактор изменения совокупности Других человека

Задачей данного параграфа является выявить тех, кто играет определяющую роль в процессе социализации личности – Других, субъекты, а также определить появление новых источников правил и ослабление дру-

гих, считающихся традиционными в социально-философской теории, в свете распространения современных технических средств коммуникации.

Рассмотрим субъекты социализации во взаимосвязи с этапами изучаемого процесса. Одной из наиболее важных ступеней, определяющих всю будущую систему взглядов человека на мир, является первичная социализация, благодаря которой человек и становится членом общества. Она происходит с рождения человека и закладывает основу мировоззрений, ценностей и норм индивида. На этом этапе особую роль играет процесс *интернализации*. Социологи П. Бергер и Т. Лукман дают следующую дефиницию явлению: «непосредственное постижение или интерпретация объективного факта как определенного значения, то есть как проявления субъективных процессов, происходящих с другими, благодаря чему этот факт становится субъективно значимым для меня самого».¹⁷⁰ Другими словами, интернализация – это процесс перенимания от другого индивида представления о мире, в котором мы существуем, и восприятие этого представления как своего собственного.

Следовательно, для подобного перенимания чьего-либо мира необходимы люди, на которых индивид бы ориентировался, как отмечалось в первой главе работы, с социально-философской точки зрения, мы рассматриваем их как другое сознание, как Других. Для ребенка это, как правило, родители, братья и сестры, няни, учителя и т.д. При этом отмечается значимая характерная особенность первичной социализации – у ребенка нет выбора значимых других, он волей-неволей идентифицируется с членами той среды, в которую помещен. Таким образом, традиционно первичная социализация считается *квазиавтоматической* и *квазинеизбежной*. У ребенка не возникает никаких проблем с идентификацией, поскольку мир, который им интернализируется, мыслится как единственно существующий

¹⁷⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 211.

и единственно возможный. Вот почему этот мир намного прочнее укоренился в сознании человека и играл значительно большую роль при интернализации миров в процессе вторичной социализации.

Сегодня же очевидно, что происходящие процессы развития медиасреды и медиакультуры оказывают воздействие на процессы социализации личности. Распространение медиакультуры в значительной степени сопряжено с развитием современных информационных технологий, а потому в социально-философской и педагогической теории все более активно используется термин «киберсоциализация»¹⁷¹. Киберсоциализация рассматривается как «процесс качественных изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности».¹⁷² В силу признаваемого воздействия современных технологий на процессы социализации, изучим в их свете происходящие социальные изменения.

Традиционно основным субъектом первичной социализации выступает семья. Форма семейной жизни, до недавнего времени воспринимавшаяся и считавшаяся традиционной, привычной, социально одобряемой, образовалась в результате индустриализации общества. Семья аграрной эпохи включала в себя представителей нескольких поколений и насчитывала значительное количество ее членов, поскольку была привязана к земле, и от ее размера зависела степень самообеспеченности средствами существования. Однако во времена индустриальной революции и распространения массового производства большая семья оказалась неэффективной вследствие возникновения необходимости переезда в город для работы на заводе. Тогда и появился концепт *нуклеарной семьи*, состоявшей из отца-кормильца, матери-домохозяйки и нескольких детей. В этом свете се-

¹⁷¹ Плешаков В. А. Виртуальная социализация как современный аспект квазисоциализации личности. // Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей. Москва: 2005. № 21. С. 48-49

¹⁷² Там же.

мья рассматривается как экономический союз. Это точка зрения, которой придерживаются многие ученые такие, как М. Кастельс, Э. Тоффлер, М. Карной и др. Так, последний считает, что семья после Второй мировой войны была фундаментом значительной экономической экспансии, а после оставалась основой экономического развития стран¹⁷³.

В то же время Э. Гидденс склонен считать, что экономическим семейный союз, безусловно, был, но, напротив, до обозначенного периода, а не после его начала. Подчеркивается, что, например, в средние века или Новое время брак заключался в целях объединения капиталов двух семей, разделения расходов. Идеи отношений и близости, как и традиций, Гидденс считает относительно новыми, поскольку основой семейных уз тех времен они не были. В результате неравноправия мужчины могли обращаться с женами как с собственностью, открыто иметь любовниц, следовательно, по Гидденсу, семья не могла быть ничем иным, как экономическим союзом. Однако с середины прошлого столетия, когда права супругов уравнились как фактически, так и юридически, «семья уже не была экономическим объединением, и на смену «экономическому соглашению» в качестве основы брака пришла идея романтической любви»¹⁷⁴.

Однако сейчас мы являемся свидетелями и участниками процесса становления нового типа общества, пришедшего на смену индустриальному. Резонно предположить, что кризис индустриализма приводит к деформации институтов им созданных, в том числе и семьи. Возможно, именно вследствие распространения идей отношения и близости и их доминирования над экономическими соображениями сегодня процент семей, соответствующих модели традиционной нуклеарной семьи, стремительно снижается, что и заставляет представителей совершенно разных стран говорить о кризисе семьи. Значимость нуклеарной семьи в вопросе социализации ин-

¹⁷³ Carnoy M. Sustaining the New Economy. Work, Family and Community in the Information Age. Harvard University Press, 2002. P. 106-107.

¹⁷⁴ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 69-70.

дивиды является объектом многих дискуссий ученых, так или иначе подчеркивающих ее важную роль. Так, М. Кастельс признает социализирующую роль работы, сетевых коммуникаций, «однако образование внутреннего ядра социального взаимодействия, по-видимому, является функцией немногих сохраняющихся нуклеарных семейных уз»¹⁷⁵. Государственные власти, очевидно, придерживаются такого же мнения, разрабатывая программы поддержки, сохранения, стимулирования молодых семей, которые, по сути, должны отвечать требованиям нуклеарной семьи. Однако, не смотря на это, семья, получая все новые и новые формы выражения, как семья с одним родителем, «гражданский» брак, гомосексуальная семья и т.д., перестает быть основой государства. Действительно, исследования, проведенные лишь в одном из районов Чикаго, выявили не менее 86 сочетаний взрослых во главе семьи, включая многочисленные типы семьи «мать и бабушка», «мать и тетка», «мать и отчим» и «мать и другие»¹⁷⁶. Разумеется, ориентироваться на такое разнообразие форм семейной жизни, являющееся следствием демассификации общества, властям при разработке социальных программ, составлении бюджета становится сложной задачей.

По этой причине государство заинтересовано в возврате к массовому обществу и, как следствие, к нуклеарной семье. Тоффлер полагает, что это возможно при выполнении ряда условий. Наиболее важным для сохранения нуклеарной семьи является необходимость остановить техническое и технологическое развитие, «заморозить» его на уровне индустриальной эпохи, с характерным ей массовым производством. Компьютер и интернет в этом вопросе являются главной угрозой традиционной семье, поскольку она нуждается в системе массового производства, в то время как компью-

¹⁷⁵ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 154.

¹⁷⁶ Тоффлер, Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 351.

тер от него уводит.¹⁷⁷ Как следствие, можем заключить, что новые технологии лишают семью роли важного источника социализации индивида, поскольку приводят к распаду нуклеарной семьи и нарушению процесса транслирования социальных норм. Однако В. Каррингтон из Австралийского университета считает, что в наше время нивелируется концепт «*sociospace family*», то есть семья, находящаяся одновременно в социальной и территориальной близости, а не нуклеарная, которая именно благодаря новым технологиям сегодня может оставаться целостной, не взирая на пространственные ограничения¹⁷⁸.

Профессор Стэнфордского университета М. Карной, как и многие другие ученые, подчеркивает значимость нуклеарной семьи в социализации детей, а именно осознание родителями острой необходимости образования. Сегодня требования к работникам постоянно ужесточаются необходимостью следить за всеми происходящими изменениями в сфере своей деятельности, адаптироваться к ним, другими словами, знания становятся быстротечными, а потому должны быть актуальными. Справедливо предположить, что в будущем появится необходимость развития еще большей гибкости. Следовательно, родители, осознавая важность получения профессиональных знаний, будут стремиться обеспечить своих детей достойным образованием, убедить их в его необходимости. Разумеется, модель нуклеарной семьи в этом смысле является желательной. В вопросе сохранения традиционной семьи Карной сближается с Тоффлером, считая необходимым сохранение рынка труда на уровне индустриального, то есть негибким, жестким («*rigid*»). Однако как показывает подобный опыт в некоторых странах, например Италии и Испании, эта практика неэффективна, несостоятельна в условиях глобальной конкуренции. Более того, негибкость рынка может иметь и отрицательные последствия: сохранения высо-

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Carrington V. Globalization, Family and Nation State: reframing 'family' in new times// Discourse: studies in the cultural politics of education. 2001. Vol. 22. No. 2. P. 185 – 196

кого уровня безработицы среди молодежи и как следствие поздний возраст вступления в браки и снижение рождаемости¹⁷⁹.

Действительно, сегодняшнее общество характеризуется множеством форм семейной жизни отличных от прежнего представления о традиционной семье, наиболее распространенными среди которых являются семьи с одним родителем; семьи без детей; неофициальные, «неузаконенные» семьи, а также выделяется группа «одинок», людей предпочтших жить вне семьи. Однако представляется возможным отдельно обозначить семьи, вновь образовавшиеся после разводов, главы которых, вступают в брак не впервые. Такие супруги вводят в семьи детей от прошлых браков, заводят новых, имеют объединенные бюджеты с новыми семьями бывших супругов, то есть представляют собой расширенные семьи, или, как определяет их Тоффлер, «общие семьи»¹⁸⁰, получающие сегодня все большее распространение. Действительно, уровень разводов по сравнению с концом прошлого столетия значительно возрос. Принимая во внимание эту тенденцию, а также протекающие процессы развития новых технологий, нам представляется возможным предположить, что в будущем все большее количество людей будет связываться посредством образования общих семей и развития телекоммуникационных технологий, приводя к формированию расширенных семей, получая, тем самым, больше сходства с семьями доиндустриального общества, нежели индустриального.

Резюмируя рассуждения об изменяющейся роли семьи в вопросах социализации личности, вновь отметим тот факт, что сегодня наряду с глобализационными изменениями происходят и процессы демассификации общества в целом. Представляется, что и институт семьи подвержен именно этим трансформациям. По этой причине мы говорим, что нуклеарная семья не исчезает, как может показаться, а претерпевает изменения, стано-

¹⁷⁹ Carnoy M. Sustaining the New Economy. Work, Family and Community in the Information Age. – Harvard University Press, 2002. – 238 p.

¹⁸⁰ Тоффлер, Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 351.

ваясь все более немассовой вследствие значительного роста плюрализма семейного устройства, являя собой лишь одну из многих форм семейной жизни.

Говоря о семье как основном субъекте первичной социализации, мы отмечаем ее снижающуюся роль в изучаемом процессе, в то же время мы придерживаемся точки зрения о том, что семья остается значимым субъектом, а не нивелируется окончательно. Так, Т.В. Свадьбина и О.А. Немова говорят о том, что перед семьей сегодня «стоит сложнейшая задача по защите подрастающего поколения как нежелательного манипулирования их сознанием, от насильственного навязывания чуждых российской ментальной культуре ценностей, так и информационного насилия в целом».¹⁸¹ А Н.Д. Шимин одной из основных функций семьи видит экологию человеческого духа.¹⁸² Однако совершенно точно мы уже не говорим о семье как о квазиавтоматической и квазиавтохтонной. Наряду с этим, как было установлено в параграфе 2.1., актуализируются процессы конструирования самоидентичности, т.е. активного участия самого человека в процессе социализации, самосубъекта. Рассматривая вопрос самоконструирования в условиях виртуализации общества, нельзя не затронуть вопрос о роли современных средств и сред коммуникации, передачи информации, в первую очередь – интернете. Традиционно все, происходящее в сети, принято считать виртуальным, т.е. не существующим реально. Однако сегодня все большее и большее количество мыслителей склонны считать происходящее в сети реальным, а потому они отходят от понятия «виртуальной реальности» к концепту «реальной виртуальности» (Кастельс¹⁸³, Инозем-

¹⁸¹ Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления // Социология. 2012. № 3. С. 36.

¹⁸² Шимин Н.Д. Диалектика и теория устойчивого развития // Вестник Воронежской технол. академии. 1998. №3. С. 78-86.

¹⁸³ Кастельс М. Галактика Интернет. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

цев¹⁸⁴, Уханов¹⁸⁵), говоря о том, что «мультимедиа строят новую символическую среду и делают виртуальность нашей реальностью».¹⁸⁶ На тесное переплетение социальной реальности и мира мультимедиа указывает, например, предложенная Э. Тоффлером идея о людях-субститутах, подразумевающая, что герои сериалов, фильмов, радиопередач расцениваются как друзья из настоящей жизни, им сопереживают, на них походят.¹⁸⁷ Этот вопрос в значительной степени неоднозначен, но очевидно то, что современные информационные технологии, СМК оказывают воздействие не только на техногенную среду, но и на бытие человека, а потому необходимо социально-философское осмысление происходящих процессов.

Медиасреда, создаваемая массовой коммуникацией и представляющая собой процессы обмена закодированной информации, – суть символическая реальность. Медiateксты, определенные нами как то, что формирует медиакультуру, создают образы реальности, однако не есть сама реальность. Так, хотя слово и является посредником между реальным предметом и сознанием человека, но, тем не менее, «живое слово таит в себе интимное отношение к предмету».¹⁸⁸ Процесс передачи фактов, реалий через слово получает еще большую аксиологичность при его опосредовании экраном¹⁸⁹, а, следовательно, и другими техническими информационными средствами, будь то радио или страница в интернете. В свою очередь индивидуально окрашенные мысли, распространенные при помощи технических средств, создают массовые образы действительности, но, примечательно, что они не оторваны от средств передачи, поскольку «медиа не яв-

¹⁸⁴ Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века// Россия в глобальной политике. 2005. №1. С. 9-15.

¹⁸⁵ Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. 2009. №10. С. 59 -71.

¹⁸⁶ Кастельс М. Информационная эра: экономика, общество и культура. М.: ВШЭ, 2000. С. 350.

¹⁸⁷ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ. 2002. С. 175.

¹⁸⁸ Лосев А.Ф. Философия имени// Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 38.

¹⁸⁹ Кузнецова Е.И. Медиакультура в коммуникативном пространстве цивилизаций. Н. Новгород. 2008. С. 131.

ляются внешними по отношению к образам, они конститутивны для образов». ¹⁹⁰

Обозначенные массовые образы действительности – есть то, что понимается под общественным мнением. С философской точки зрения, общественное мнение может быть соотнесено с понятием симулякра. Ж. Делез предостерегает от смешения понятий «копия» и «симулякр». По Ж. Делезу, симулякр не есть копия копии, а есть то, что со временем заменяет и оригинал, и копию, утверждаясь как единственно существующая реальность. ¹⁹¹ А Ж. Бодрийяр рассматривает современность как эпоху симуляции, поскольку сегодня симулякры обмениваются только на самих себя, но не реалии мира, другими словами – симулякры подчинили себе мир человеческого бытия: «Симуляция заставляет совпасть все реальное с моделями симуляции. При этом исчезает самое существенное – различие между симуляцией и реальным». ¹⁹² Рассматривая современность как эпоху симуляции, некоторые ученые считают, что симуляция приводит к уходу человеческого бытия из мира реального в мир виртуальный, туда, что В. Емелин определил как «социальную виртуальную реальность» ¹⁹³. И поскольку сегодня симуляция есть реальное, то и виртуальная реальность – суть реальность.

Действительно, мы также полагаем, что происходящее сегодня в интернете – есть реалии жизни, с которыми мы должны считаться, поэтому рассмотрим вопрос конструирования самоидентичности в сети. Признанием виртуального мира как мира реального может считаться, например, подписание президентом В.В. Путиным в мае 2014 г. закона, приравнивающего блоги, имеющие определенную ежедневную посещаемость, к СМИ. Другим примером можно посчитать постановление правительства от 31

¹⁹⁰ Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2007. С. 196.

¹⁹¹ Делез Ж. Платон и симулякр// Интенциональность и текстуальность. Томск, 1998. С. 228-229.

¹⁹² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция// Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 34.

¹⁹³ Емелин В. Телевидение: стиль и образ постмодерна// URL: <http://emeline.narod.ru/tv.htm>. (дата обращения 08.08.2014).

июля 2014 года о возможности использования Wi-Fi интернета в коллективных точках доступа только при предъявлении паспорта.

Принимая во внимание тот факт, что до сих пор интернет оставался в значительной степени нерегулируемым внешними силами пространством, видится, что, с точки зрения конструирования идентичности как автопроекта, сеть является крайне благоприятным местом. На самом деле, любой зарегистрировавшийся может указать любые данные, поскольку те не нуждаются в верификации. Более того, интернет, будучи средством отложенной коммуникации, предоставляет возможность все того же подстраивания и модификации идентичности в зависимости от целей пребывания на просторах сети. Это может касаться личных качеств, интересов и даже внешности. Реальная внешность может быть либо скрыта, либо заменена любым найденным в самой сети изображением. Подобное поведение может быть объяснено как следствие неуверенности в себе или нежелания идентифицировать себя в ходе комментирования сообщений или создания собственных, возможно протестных или даже противоправных. Таким образом, создается представление об интернете как о пространстве, где человек получает полную свободу в автопроектировании, а потому сеть видится как «мир недостоверных идентичностей»¹⁹⁴.

Однако этому положению видится возможным представить некоторые контраргументы. Во-первых, сегодня любой сайт требует своей идентификации: указание электронного адреса, номера телефона, участия в группах, добавления друзей и т.д. Таким образом, возможности верифицировать чью-либо идентичность существенно возрастают, а, следовательно, и увеличиваются возможности по отслеживанию реального пользователя в случае такой необходимости. Более того, Ю.В. Шичанина подчеркивает возрастающую в современном мире роль персональных (пин-) кодов: но-

¹⁹⁴ Шичанина Ю.В. Самоидентификация: интернет-форматы // Философские науки. 2009. №10. С. 50.

мер паспорта, социального или пенсионного страхования, ИНН и т.д.¹⁹⁵ Многие операции в интернете сейчас требуют указания этих кодов, что снижает анонимность участия в сетевом пространстве еще больше.

Что же касается вопроса о мире недостоверных идентичностей, то и здесь также найдутся доводы против. Как отмечалось, результаты исследований М. Кастельса указывают на тот факт, что конструирование ложной идентичности и ролевые игры в сети преимущественно свойственны для представителей молодежи, подростков, поскольку те находятся на стадии экспериментирования с идентичностью.¹⁹⁶ К тому же, если рассмотреть сформированные идентичности как следствие проявления тайных желаний и мыслей, то они уже будут видеться не совсем как ложные, неестественные.

Касаясь вопроса свободы самовыражения на просторах интернета, также стоит сделать оговорку. Если до недавнего времени Россия оставалась на высоких позициях в международных рейтингах, оценивавших свободу интернет-пространства, то сегодня ситуация постепенно меняется в сторону подконтрольности государственным властям, что включает в себя досудебное блокирование сайтов, содержащих запрещенный контент, а теперь и приравнивание некоторых блогов к СМИ, о чем упоминалось. Более того, каждый сайт управляется администраторами, модераторами и др., следовательно, несмотря на ощущение хозяина собственно сконструированной в сети идентичности, индивид таковым не является. Сконструированная идентичность остается собственностью хозяев сайта и может быть заблокирована или удалена даже у крупных и известных субъектов сетевого пространства, как это случилось в марте 2014 г. с аккаунтом блоггера-оппозиционера А. Навального.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 143.

Тем не менее, интернет остается популярной средой для заведения новых контактов и поддержания старых. Возникает вопрос о прочности контактов, установленных в интернете. Превалирующая часть мнений сходится в поддержании интернетом «слабых связей» (weak ties). Согласно американским ученым Уэллману и Джулиа, в среднем у жителя Северной Америки около 1000 межличностных связей, из которых около пятидесяти являются довольно крепкими и только полдюжины – тесными.¹⁹⁷ При этом слабые связи также играют значительную роль в вопросе социализации личности. «Такие связи выступают в качестве средства получения информации, повышения эффективности труда, проведения досуга, общения, гражданского участия, а также просто источника удовольствия».¹⁹⁸ Более того, интернет позволяет связывать между собой нуклеарные семьи, восстанавливать семейные узы, некогда разрушенные индустриализацией. При этом в интернете даже слабые связи положительно сказываются на социализации индивида, давая ему чувство сопричастности и социальной поддержки.¹⁹⁹

Существуют исследования, доказывающие возможность установления тесных контактов в сети. Например, результаты одного из них, также проведенного Уэллманом, указывают на наличие взаимного доверия у собеседников в социальных сетях²⁰⁰. Причиной тому является избирательность пользователей в вопросе выбора интернет-сообществ. Действительно, такие группы всегда являются своего рода собраниями людей по интересам, общность которых и приводит к установлению тесных связей между членами сообществ.

¹⁹⁷ Wellman B., Salaff J., Dimitrova D., Garton L., Gulia M., Haythornthwaite C. Computer Networks as Social Networks: Collaborative work, Telework, and Virtual Community// Annual Review of Sociology. 1996. № 22. P. 221.

¹⁹⁸ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — с. 154.

¹⁹⁹ Wellman B., Salaff J., Dimitrova D., Garton L., Gulia M., Haythornthwaite C. Computer Networks as Social Networks: Collaborative work, Telework, and Virtual Community// Annual Review of Sociology. 1996. № 22. P. 213-238.

²⁰⁰ Там же.

А. Фиоре на основании исследования также заключает, что установление близости on-line возможно, но для этого требуется больше времени.²⁰¹ В то же время американский ученый Дж. Вальтер полагает, что связь в сети может быть установлена более близкая, чем в результате общения лицом к лицу.²⁰² Как отмечалось в 1.3., характеристиками интернет-коммуникации являются скудность и возможность избирательной самопрезентации. К ним также следует добавить как следствие идеализированное восприятие собеседника и взаимную обратную связь, усиленную выделенными факторами. Таким образом, на наш взгляд, мы можем говорить об интернет-коммуникации как о своего рода примере перформансной коммуникации, где вследствие ее отложенности, асинхронности у участников имеется возможность избирательного представления, подчеркивания положительных и сокрытия отрицательных качеств и т.д., что и позволяет говорить об идентичности как бренде.

В 2.1. мы заключаем, что СМИ сегодня могут рассматриваться в качестве одного из субъектов социализации личности. Представляется необходимым задаться вопросом о взаимовлиянии СМИ как субъекта и виртуальной среды с точки зрения предмета исследования. На наш взгляд, результатом такого взаимовлияния становится появление таких реалий, как, например, инфотейнмент и эдьютейнмент. Инфотейнмент подразумевает распространение информации в развлекательном формате. Эдьютейнмент являет собой обучение чему-либо в той же форме. В силу обозначенной выше необходимости поддержания конкурентоспособности в условиях капитализма СМК вынуждены представлять весомую часть материала в легкой для восприятия и способной удержать аудиторию форме. Этими же причинами обусловлена постоянная смена сюжетов, программ, форматов,

²⁰¹ Fiore A. Self-presentation, Interpersonal Perception, and Partner Selection in Computer-mediated Relationship Formation. Berkeley, University of California, 2010. p. 14.

²⁰² Walther J.B. Computer-mediated communication: Impersonal, interpersonal, and hyperpersonal interaction// Communication Research. 1996. № 23. P. 3–44.

из чего мы можем указать на темпоральность и ситуативность интересов представителей современного общества, воспитание в них недолговечных интересов.

Сочетание традиционных и новых каналов коммуникации имеет некоторые положительные стороны. Инфотейнмент и эдьютейнмент являются результатами процесса конвергенции, т.е. слияния на цифровой основе различных форм СМИ. К следствиям этого процесса может быть отнесено множество современных устройств и приложений: электронные книги, журналы, словари на телефонах, онлайн-трансляции на планшетных компьютерах и т.д. С этой точки зрения, новые технологии возвращают интерес общества, особенно представителей молодежи, активно переживающих процесс первичной социализации, к культурно-просветительским традициям посредством чтения книг, газет, к исследовательской деятельности через изучение интерактивных энциклопедий, а также предоставления возможности соавторства в статьях и заметках при условии обладания необходимой подтверждающей базой (например, Википедия). Действительно, по результатам опроса 2014 года, проведенного ВЦИОМ, у россиян наблюдается возвращение интереса к чтению, в том числе и электронных книг. Так, в 2014 г. за последние 3 месяца россияне в среднем читают 4,55 книги. Это по-прежнему меньше, чем было в 1992 году – 5,14, но в последние годы тенденция положительна: 2011 г. – 3,94, 2013 г. – 4,23.²⁰³

Возрастающая роль СМИ как субъекта социализации может быть использована и в чьих-либо корыстных целях, например, манипулирования общественным мнением, ведь неспроста их часто называют «четвертой властью»²⁰⁴. Массовая коммуникация по своему характеру институциональна. Это ее свойство выражается в функции регулирования социальной деятельности. Власть СМИ заключается в том, что, будучи в руках тех, кто

²⁰³ Что читаем? Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114843>. Дата обращения 18.06.2014.

²⁰⁴ Carlyle T. On heroes, hero-worship, & the heroic in history. Six lectures. L.: James Fraser. 1841.

в состоянии их содержать, она принимает их настроения и мысли, которые, оказавшись растиражированными, способны оказать суггестивное воздействие на общественное мнение.

Говоря о возможности манипулирования идентичностью, мы устанавливаем связанность идентичности и картины мира. Резонно предположить, что господствующая в определенном обществе картина мира неизменно накладывает отпечаток на восприятие человеком окружающего и себя. Если в любую эпоху до эпохи модерна картина мира была явлением устойчивым, формирующимся длительное время, основывающимся преимущественно на один основной источник информации, «с рождения была оплотом его психической стабильности», то сегодня «становится принципиально динамической, меняющейся от ситуации к ситуации, от настроения к настроению».²⁰⁵ Поскольку мы сталкиваемся с множественностью картин мира, потому можем говорить и о массовых сменах идентичности.

Отсюда следует, что воздействие на картину мира будет иметь эффект на идентичность человека. В вопросе формирования картины мира, как и процессе социализации, можем выделить два субъекта: сам человек и общество. Индивид, действительно, принимает активное участие в формировании картин мира, смотря и слушая новости, читая различные страницы в интернете, обмениваясь новостями с друзьями из различных регионов мира. Но во всех этих действиях мы можем усмотреть и обратную сторону. Получая информацию о внешнем мире, мы сталкиваемся с проблемой верификации данных и их источников. Принимая во внимание бессчетное количество каналов передачи информации, ее заказчиков, вспоминая концепт мозаичной культуры, мы понимаем, почему сегодня мы говорим о множественности картин мира.

²⁰⁵ Прохоров А. Третья реальность// Отечественные записки. 2005. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tretya-realnost> (дата обращения 08.08.2014).

Что касается второй стороны процесса формирования картины мира – внешних субъектов, это то, где становится возможным говорить о манипулировании. Выделим несколько методов такого воздействия. Во-первых, источник информации может интерпретировать сведения необходимым ему образом. Во-вторых, какая-то часть информации может быть скрыта от получателя информации. В-третьих, в зависимости от целей отправителя сообщения факты могут быть намеренно унифицированы или фрагментированы. То есть, различия могут быть всячески скрыты, подчеркивая значимость объединяющих принципов, либо напротив они будут чрезмерно выделяться, указывая на невозможность чьего-либо сосуществования. Наконец, при передаче информации может использоваться реификация, т.е. представление всех общественных процессов, конкретных решений как естественных, не зависящих от человека²⁰⁶.

Продолжая тему массового изменения идентичности, можем отметить общественное стремление к лучшему будущему. В ситуациях, когда современная идентичность не предвещает каких-либо положительных перспектив, люди будут готовы от нее отказаться. Одним из самых известных примеров здесь будет распад СССР, когда идея совместного будущего со странами Европы не остановило членов союза от отказа от исторических связей и единства. Современным примером оценки перспективности имеющейся идентичности может стать ситуация на Украине. Заявление власти о приостановке евроинтеграции страны, означавшее дальнейшее совместное будущее с Россией, очевидно, не оцененное жителями западных регионов Украины, привело к массовым протестам и тому, что на данный момент переросло в гражданскую войну.

Таким образом, мы приходим к заключению о том, что совокупность Других человека сегодня претерпевает изменения. В силу простран-

²⁰⁶ Пржиленский В.И. Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Философские науки. – 2009. - №10. – С. 40-42.

ственно-временного сжатия социальной действительности и снижения роли института традиций расширяется круг Других, а также становится реальным выбор источников норм и ценностей. По тем же причинам снижается роль традиционных субъектов в роли семьи и школы, увеличивается значение СМК, в том числе их конвергентные интернет-форматы, а сам процесс социализации уже не рассматривается как квазиавтоматический и квазиавтохтонный. Более того, даже слабые связи, установленные, например, в интернете оказывают воздействие на социализацию индивида в мире реальном, развивая чувство сопричастности. К тому же, интернет-сообщества благотворно сказываются на социуме в целом, выполняя интегративную функцию. В условиях современного мира мы рассматриваем социализацию как процесс формирования портфолио подстраиваемых, ситуативных идентичностей. В этих целях может быть использовано интернет-пространство, которое, на первый взгляд, может быть расценено как место для свободного проектирования ложных идентичностей, что при ближайшем рассмотрении не всегда оказывается обоснованным. А новые конвергентные формы СМК имеют тенденцию возрождать познавательский и исследовательский интерес у человека.

2.3. Ресоциализация как форма социализации современного человека

Традиционно в процессе социализации принято выделять два основных этапа, свойственных большинству людей: первичная и вторичная социализация. Особенностью нашего времени является тот факт, что вторичная социализация оказывается недостаточной для полноценного функционирования в современном обществе. Человек вынужден постоянно подстраивать свои знания, умения, установки под быстро и постоянно меняющиеся реалии жизни и социума. Отсюда мы предполагаем, что современный человек раз за разом проходит процесс ресоциализации. Задачей

данного параграфа является анализ причин и особенностей процесса ресоциализации современного человека.

В целом, проблема ресоциализации до последнего времени активно изучалась и разрабатывалась в отношении к тюремным заключенным и пожилым представителям общества. Но сегодня этот процесс актуализируется для всех, а потому, мы полагаем, что, будучи сейчас разработанным не тщательно, в ближайшем будущем вопрос ресоциализации получит более пристальное внимание. Стоит отметить, при этом, что в науке существует два распространенных подхода в рассмотрении процесса ресоциализации. Например, ресоциализация приравнивается к процессу вторичной социализации.²⁰⁷ Однако мы проводим границу между двумя этими явлениями. С нашей точки зрения, процесс вторичной социализации заключается в усвоении новых установок и принципов, накладывающихся на те, что были интернализированы в ходе первичной социализации. Этот этап связан с появляющимися новыми социальными ролями и функциями, возникающими у человека в результате взросления. В то же время процесс ресоциализации видится нам как усвоение совершенно новых, не связанных с прошлым опытом и знаниями норм и правил поведения. В этом свете мы более склонны согласиться с определениями, например, Э. Гидденса, рассматривающим ресоциализацию как «разрушение ранее принятых ценностей и моделей поведения личности с последующим усвоением ценностей, радикально отличающихся от предыдущих»²⁰⁸ или П. Бергера и Т. Лукмана, сравнивающих ресоциализацию с переключением с одного мира на другой или даже с первичной социализацией, поскольку индивид должен радикально по-новому расставить акценты реальности.²⁰⁹

²⁰⁷ Ресоциализация// Большой социологический словарь. Национальная социологическая энциклопедия. Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/resocializacija> (дата обращения: 10.05.2014)

²⁰⁸ Э.Гидденс. Социология. Глоссарий: основные понятия и важнейшие термины. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 67-68.

²⁰⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 254-255.

Действительно, если раньше знания и установки, полученные в детстве и дополненные впоследствии в ходе вторичной социализации, были достаточны для нормального функционирования в обществе на протяжении всей жизни, то сегодня полученные знания требуют постоянной актуализации, в каких-то вопросах мы даже говорим о необходимости переобучения человека. Более того, как уже отмечалось, изменяется и сам процесс первичной социализации. Это более не квазиавтоматический процесс, как правило, проходящий в условиях автохтонной культуры. Субъекты социализации претерпевают изменения: роль семьи, школы не является более исключительной, а пространства сетей позволяют интернализировать поведение тех, кто находится на значительном физическом отдалении от нас. Ввиду расширяющейся референтной группы и пространственно-временного сжатия мы говорим о том, что в некоторой степени современный человек имеет инициативу уже на этапе первичной социализации.

Темпоральность знаний, скоротечность бытия возвращают нас к идее кризиса идентичности. Э. Эриксон говорит о кризисе идентичности как о поворотном пункте, критическом моменте в развитии личности, после которого развитие повернет в ту или иную сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации.²¹⁰ В свете изучаемой проблемы следует отметить образующийся сегодня разрыв между интернализированными в детстве ценностями и социальной реальностью как одну из причин. То, что было усвоено в детстве, уже неактуально, реальность стремительно изменяется и развивается, что, как отмечалось, приводит к необходимости постоянной актуализации знаний. В результате, сегодня мы говорим не только о традиционной проблеме отцов и детей, разрыве поколений («generation gap»), но и том, что подобный ценностный разрыв образуется и в рамках одного поколения.

²¹⁰ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М., 2006. С. 25.

Нами также было установлено, что современному человеку свойственно конструировать портфолио ситуативных идентичностей в зависимости от ситуации, а потому было заключено, что человеку свойственна множественная идентичность. Так, Е.В. Уханов подчеркивает, что современному сетевому обществу свойственно отсутствие единого центра, что приводит к «конструированию неустойчивой, метастабильной, «ситуативной» идентичности, которая позволяет индивиду гибко и оперативно реагировать на изменения подвижной сетевой социальной реальности».²¹¹ Той же точки зрения придерживается и Д.А. Леонтьев, указывая на то, что в значительном многообразии ситуаций социальных взаимодействий, свойственных современному обществу, человек находится в постоянном выборе соответствующей идентичности, и это не означает, что одна из них истинна, а остальные искусственны: «человек в современном обществе не просто социален, а полисоциален, т.е. входит по разным основаниям в множество разных форм социальной организации, ценности и ролевые требования которых не согласуются между собой».²¹² Похожие взгляды имеет и З. Бауман, говоря о том, что «свободный индивид современности – это ... человек, который одновременно и недо-социализирован... и сверх-социализирован».²¹³ Недо-социализированным Бауман называет человека, т.к. тому сегодня не предъявляются обществом четко определенные правила жизни и поведения в социуме, в то же время сверхсоциализированным – поскольку мозаичная культура сегодняшнего общества при этом дает необъемлемое количество источников социализации, субъектов интернализации норм и ценностей. Поэтому идентичности постоянно нуждаются в адаптации, конструировании и переконструировании.

²¹¹ Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. 2009. №10. С. 64.

²¹² Леонтьев Д.А. Идентичность личности в полисоциальном мире// Философские науки. 2012. №11. С. 92.

²¹³ Бауман З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. С. 59.

Концепт мозаичной культуры изначально разрабатывался французским социопсихологом А. Молем, определившим, что она состоит из «разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования».²¹⁴ Отечественный же мыслитель С. Кара-Мурза продолжает размышления о мозаичной культуре, подчеркивая, что информация в таком случае усваивается почти бессознательно от огромного количества источников информации²¹⁵, иначе говоря, субъектов социализации.

Развивая идею мозаичной культуры, свойственной современному обществу, а также принимая во внимание пространственно-временное сжатие, происходящее в силу развития информационных технологий, нам представляется возможным ввести в исследование проблемы понятие поверхностности. Вследствие всесторонней подверженности многочисленным источникам информации, сложности отбора необходимых сведений и их верификации, процесс познания сегодня видится поверхностным скольжением по источникам информации. Поверхностность знаний означает трудность определения четких, точных ценностных ориентиров, источников норм и установок, субъектов одобрения и порицания. Постоянное изменение представлений о субъектах социализации, референтной группе, а также самоконструирование личности неизбежно приводит к необходимости постоянной ресоциализации.

Более того, рассмотренные процессы развития медиакультуры и стремительное распространение информационных технологий имеют и

²¹⁴ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1995. С. 75.

²¹⁵ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000. С. 17.

другое значимое последствие, интересующее нас с точки зрения социальной философии, – размытию идеи Дома: «возникла Ноо-сфера, и мир человека перестал быть равновеликим его Дому»²¹⁶.

Можно утверждать, что идея дома является значимой темой философских размышлений, поскольку, с одной стороны, дом раскрывает цель и способ бытия человека²¹⁷, и наоборот, экзистенция – это пребывание в доме²¹⁸. В соответствии с взглядами представителей психоанализа, дом отражает сущность человека, его проекцию (З. Фрейд, К.Г. Юнг). Так, З. Фрейд считал, что образы, всплывающие в сновидениях, универсальны и значимы. Дом, в том числе является подобным вневременным и внепространственным образом.²¹⁹

Тема потери человеком связи с домом получила особое распространение в философии в XX-XXI веках. Представляется, что объяснение тому может быть найдено в развитии индустриализации и, как следствие, – урбанизации. Люди покидали свои земли, обеспечивавшие их всем необходимым для жизни, и переезжали в город, разрушая тем самым связь «человек – природа». Так развивалась «идеология переселенца»²²⁰. Между тем, именно благодаря единению с природой, по мнению некоторых мыслителей, становится возможным достичь духовного равновесия человека, а также излечить «интеллигентные боли современной эпохи»²²¹. Возможно, именно вследствие этого отчуждения сегодня мы сталкиваемся с таким количеством мировых катаклизмов, экологических катастроф. Поскольку вследствие разрыва связи «человек – природа» природа становится «чужой», то о ней можно не заботиться.

²¹⁶ Кутырев В.А. Разум против человека.- М.: Че Ро. 1999. С. 8.

²¹⁷ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие. М., 1993. С. 327–345

²¹⁸ Марков Б.В. Антропология интимного// Слотердаик П. Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри. СПб.: Наука, 2005. С. XXVI.

²¹⁹ Фрейд З. Толкование сновидений. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 77-78.

²²⁰ Гиренок Ф.И. Пути кумному безмолвию бытия // Экологические интуиции в русской культуре. М., 1992. С. 11.

²²¹ Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Мн.: ООО «Харвест», 2003. С. 221.

В то же время философ М. Бубер, рассуждая об экзистенции человека, говорит, что до XX века бытие человека характеризовалось обустроенностью, когда человек находился во главе угла, на него было обращено все внимание. Однако на смену обустроенности пришла бездомность, когда жизненно важная связь «человек – дом» получила ослабление: «В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти»²²². Схожих взглядов придерживается и М. Хайдеггер, характеризуя современный мир как бездомный и безродный²²³. Причину бездомности М. Хайдеггер видит в утрате сущности языка. В то время как язык призван служить познанию бытия, сегодня он используется утилитаристски. Эти предпосылки, по мнениям мыслителей, приводят к одиночеству и отчужденности человека. Рассуждая о различных формах отчуждения, А.В. Харламов приходит к заключению о том, что современному обществу свойственно «тотальное отчуждение» как результат распространения массовой культуры и растворения субъекта в социальной среде.²²⁴ Напротив, существуют мнения, в соответствии с которыми человек растворяется в массах во избежание одиночества, формируя тем самым «человека массы», человека, отказавшегося от своих границ и своей уникальности.²²⁵

В то же время, по О. Шпенглеру, мировая история – это история смен типов человеческих домов²²⁶, и поскольку сегодня человечество переживает эпоху становления нового типа общества, мы предполагаем, что, возможно, это обусловлено формированием нового информационного

²²² Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 165.

²²³ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 207.

²²⁴ Харламов А. В. Отчуждение человека в западноевропейской культуре (опыт социокультурного анализа постмодерна) // Чуждое – Чужое – Наше: Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. С. 93-106.

²²⁵ Рымарович С.Н. Идея дома в философии XX века: основные подходы // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2 (26)

²²⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 124-126.

дома, что вызвано размытием идеи дома на рубеже эпох и развитием информационных технологий.

Переноса размышления о постоянном поиске человеком своего дома как стремлении осознать свое бытие в плоскость проблемы идентичности, вновь отметим, что результатом отмеченных тенденций становится и стремление к осознанию своей идентичности, а впоследствии – ее постоянная актуализация по причине массивных информационных потоков и возникающих вопросов к их подлинности. Так, например, по М. Хайдеггеру, современный человек живет в неподлинном бытии²²⁷, а потому и формируемая идентичность не может быть истинной. Имеются взгляды, в соответствии с которыми предоставленная постмодернистскому обществу свобода выбора иллюзорна вследствие массовой культуры и общества потребления, выбрасывающих на рынок преимущественно симулякры идентичностей.²²⁸ Г.Л. Тульчинский говорит по этому поводу, что «потребителю продается не товар, а чаяния, надежды и стремления самого потребителя, его мечты, его представления о «себе самом, каким бы он хотел бы быть»²²⁹.

По мнению З. Баумана, «проблема идентичности» в обществе модерна была связана с вопросом сохранения идентичности, в то время как в обществе постмодерна целью, напротив, является избежать закрепления единственной идентичности, сохранив, тем самым, свободу выбора.²³⁰ В.И. Пржиленский, напротив, отвергает возможность жизни человека с множественностью идентичностей, поскольку это приводит к психическим заболеваниям и социальным девиациям.²³¹

²²⁷ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие. М., 1993. С. 327–345

²²⁸ Воропай Т.С. Между глобализацией и масскультурой // Философские науки. – 2009. - №10. – С. 13.

²²⁹ Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. – 2008. - №10. – С. 42.

²³⁰ Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 176-177

²³¹ Пржиленский В.И. Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Философские науки. – 2009. - №10. – С. 33.

Другой особенностью процесса формирования идентичности в условиях информационного общества является то, что его представитель более не приемлет навязывания ему национальной идентичности. К примеру, не удалась попытка привить каждому гражданину Европейского союза абстрактную идентичность «европеец», так же, как и заставить интернализировать идею «советского народа» представителя ми различных национальностей в СССР. К такому же выводу приходит и Тульчинский в своем анализе процессов, происходящих на постсоветском пространстве²³². Принудительное навязывание сверху идеи о принадлежности к определенному этносу, нации, культуре лишает человека свободы выбора, чего он не может не почувствовать и не заметить. Как можем вспомнить из переписи населения 2010 года, были замечены множественные случаи отказа от навязываемой «общероссийской» идентичности, когда в графе национальность указывали сибиряков, вятчей, смоляков и т.д. Очевидно, что подобные ответы респондентов имели протестную основу. Следовательно, этот процесс должен иметь естественный, добровольный характер. Более того, человек не только избегает навязываемой идентичности, но начинает более активно и сам создавать те образы идентичностей, с которыми другие могут себя идентифицировать, даже если это вступает в противоречие с существующим общественным мнением. Это может выражаться, говорит М. Кастельс, в «женском движении, в движении геев, в движении за гражданские права, движениях, которые искали не только различные инструментальные цели, но утверждения исключенных идентичностей как общественно благих и политически значимых»²³³. Таким образом Кастельс вводит в свою работу размышления о социальной исключенности, или экс-

²³² Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб.: Алетейя, 2002. С. 376 – 379.

²³³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 315.

клюдии, которую мы рассматриваем как одну из распространенных сегодня причин необходимости постоянной ресоциализации личности.

Считается, что термин «социальная эксклюзия» впервые стал использоваться во Франции в 1974 г. для обозначения социально незащищенных слоев населения. В западной традиции сложилось два подхода к социальной эксклюзии. Первый из них подчеркивает определяющую роль невозможности доступа к механизмам социальной интеграции. Вторым подход более детально изучает особенности жизни тех членов общества, которые отнесены к группе исключенных. Одно из наиболее детальных и последовательных исследований проблемы в западной практике принадлежит профессору университета Копенгагена П. Абрахамсону. Он дает определение социальной эксклюзии эпохи постмодерна: «состояние, когда меньшинство маргинализируется от общества средней массы, находящейся в mainstream»²³⁴. Таким образом, процесс можно обозначить как выпадение из мейнстрима, но в отличие от бедности, характеризуемой вертикальной стратификацией, эксклюзия – деление на аутсайдеров и инсайдеров горизонтального общества. Продолжая противопоставление бедности и исключенности, Абрахамсон подчеркивает статичность явления бедности, принципиальной чертой которого является недостаток ресурсов, в то время как эксклюзия динамична и не концентрируется лишь на ограничении средств, но и общепринятых прав. Причины же видятся в следующем: 1) индивиды находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных финансовых ресурсов и т. д.; 2) возможности индивидов получить доступ к основным социальным институтам, распределяющим эти жизненные шансы, существенно ниже, чем у остального населения; 3) подобные ограничения длятся во времени. Отечественный исследователь Н. Тихонова соглашается с зарубежным коллегой,

²³⁴ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001, №2. С. 159.

вместе с тем, основываясь на результатах проведенного исследования, Тихонова заключает, что в России бедность следует рассматривать как важный индикатор возможности исключения индивида или домохозяйства из общества, но не как основную его причину.²³⁵

В основу анализа причин социальной эксклюзии может быть положена мысль М. Кастельса о влиянии экономических процессов на происходящее «сжатие» пространства и времени. Основной причиной определяется увеличение скорости обращения капитала на мировых валютных рынках: «капитал не только сжимает время, он вбирает его в себя и живет (т. е. приносит ренту) за счет переваренных секунд и годов».²³⁶ При этом экономическое развитие неизбежно обуславливает и развитие технологическое, что в свою очередь не может не сказываться на социальных процессах. Пространственно-временное сжатие применительно к обществу означает, что индивид более не зависит в той значительной степени, как было раньше, от культуры, места, в которые он изначально был помещен. В считанные мгновения, оставаясь практически неподвижным, он может оказаться в сотне новых мест, завести сотни знакомств, безотносительно к национальной, культурной принадлежности собеседников, просто переключая каналы телевизора или путешествуя по страницам сети интернет. Таким образом, мы вновь возвращаемся к заключению о том, что национальная культура вовсе необязательно автохтонна, как это принято считать в традиционной теории социализации, а, напротив, в большинстве своем подвержена влиянию извне. Соответственно и человек может усваивать социальные нормы, установки не только общества, в котором живет, но и многих других.

²³⁵ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 77.

²³⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 25.

Для М. Кастельса в целом экономические реалии оказывают значительное влияние на все общественные процессы. Новый экономический порядок, к которому рано или поздно придут все развитые и развивающиеся страны, Кастельс называет информациональным капитализмом. Хотя это и новая форма капитализма, но культура производства и потребления сохраняет свою актуальность. Следовательно, люди, ничего не значащие ни как потребители, ни как производители, и становятся теми самыми социально исключенными. Это, в свою очередь, приводит к выключению человека из глобальной сети, в условиях информационного капитализма он теряет возможность отвечать требованиям постоянно «ускоряющегося» времени, поддерживать свою квалификацию на необходимом уровне и в результате выпадает из конкурентной борьбы. Тем не менее, эксклюзия не означает прекращения процессов социализации для индивида. Исходя из сложившихся условий, он начинает конструировать новые смыслы, с которыми в последующем могут идентифицировать себя ему подобные: «Когда сеть отключает "Я", то "Я" – индивидуальное или коллективное – конструирует свой смысл без глобального, инструментального соотнесения: процесс обрыва связей становится взаимным после отказа исключенных от односторонней логики структурного господства и социального исключения».²³⁷

Именно эти причины, по мнению отечественного исследователя Е. Бочаровой, легли в основу эксклюзии российского села: отрезанность от сети и невозможность смены места жительства вследствие неконкурентоспособности. По результатам опросов общественного мнения, проводившихся ФОМ в 2010 году, 28,6 % россиян относят себя к нижнему бедному слою общества, 47% из которых проживают в сельской местности.²³⁸ При-

²³⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 27.

²³⁸ Опрос ФОМ «Стратификация российского общества по уровню жизни» (13 февраля - 14 марта 2010г.) <http://bd.fom.ru/>

мечательным фактом является то, что в сознании граждан продолжает сохраняться патернализм – по результатам опроса Аналитического Центра Юрия Левады 52% россиян ждет помощи от государства, полагая, что оно должно «обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем своим гражданам».²³⁹ Результаты исследований городского населения России, проведенных Н. Тихоновой, также не противоречат заключениям М. Кастельса. Домохозяйства, отнесенные к группе исключенных, отмечали «недоступность качественного образования для детей, культурной жизни и социального участия, поддержания социальных контактов, в том числе с живущими в другом городе родственниками, ... невозможность устроиться на работу...».²⁴⁰ При этом Н. Тихонова также дает приблизительную оценку эксклюзии в российском обществе. Рассчитав индекс, включающий в себя 3 показателя исключенности, исследователь пришел к выводу, что наличие всех трех показателей характеризовало 17,6% россиян, два показателя из трех – 28,3%. Таким образом, около 40% российского населения и выше сегодня может считаться исключенным или находящимся на грани эксклюзии.²⁴¹

Говоря о социальной эксклюзии и необходимости ресоциализации, также необходимо отметить такую социальную группу, как мигранты. Мигранты, действительно, представляют ту часть общества, которая оказывается в совершенно новых и незнакомых условиях, а потому в корне вынуждена перестраивать свою идентичность, стремительно стараясь интернализировать новые модели поведения. Поскольку нормы и ценности, усвоенные в ходе первичной социализации, кардинально отличаются от тех, что свойственны новому обществу, в большинстве случаев мы говорим о мигрантах как о группе социально исключенных. Если отдельно

²³⁹ Опрос Левада-Центр (4-21 февраля 2011 г.) по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. <http://www.levada.ru/press/2011031101.html>

²⁴⁰ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 40.

²⁴¹ Там же.

остановиться на трудовых мигрантах, составляющих сегодня основную часть, преследующих цель заработка и последующего возвращения на родину, то, как правило, речь идет о тех людях, которые будут стремиться к ассимиляции с местным населением менее активно, а потому будут продолжительное время, если не всегда, относиться к группе эксклюзии. Другим аспектом, актуализирующим проблему социализации мигрантов, является высокая вероятность кризиса идентичности личности в виду отнесенности к группе исключенных, отсутствия представителей референтной группы, статусных несовпадений, неудовлетворительных жилищных условий и т.д. Все это указывает на важность изучения проблемы, что и будет сделано в третьей главе работы.

Таким образом, особенность современного этапа развития человечества заключается в том, что в отличие от предшествовавших типов общества, в обществе информациональном идентичности все больше формируются глобально, а не локально. Нормы и традиции общества, в котором родился и живет человек, сегодня не обязательно являются основным или определяющим источником его социальных установок. Будучи включенным в различные социальные сети, являясь участником глобальной производственно-потребительской цепи, индивид имеет доступ к неограниченному количеству сообществ, разбросанных по всему свету, с культурой которых он может себя идентифицировать в процессе ресоциализации. В противоположном случае – отключения человека от сети – индивид, попадает в группу социально исключенных. Однако это вовсе не означает, что индивид исключается из социальных процессов; напротив, это может стать еще одной веской предпосылкой для ресоциализации. Такой человек или группа людей могут в форме протеста заняться социальным нормотворчеством, которое впоследствии будет интернализовано им подобными. Другими словами, социальная исключенность также является в своем роде двигателем социального развития. Что же касается мигрантов, - это пока-

зательный пример социальной группы, нуждающейся в глубинном переосмотре уже интернализированных моделей поведения и переконструировании идентичности, т.е. ресоциализации.

Основные выводы по Главе II:

Институт традиций и обычаев нивелируется, а развитие информационных технологий приводит к формированию медиакультуры, предоставляя значительные возможности для конструирования самоидентичности. Поскольку идентичность рассматривается нами как явление множественное, мы заключаем, что она имеет ситуативный характер. Человеку, живущему среди неограниченного количества информационных потоков, свойственно подстраивать идентичность в зависимости от предъявляемых требований, создавать ситуативные образы, подобно тому, как медиасреда постоянно создает и популяризирует образы идеального. По этим причинам мы рассматриваем сформированную в той или иной ситуации идентичность как личностный бренд человека.

Представляется также, что в свете изменения форм социализации, претерпевают изменения и субъекты социализации. В условиях виртуальной реальности или реальной виртуальности роль традиционных Других – семьи и школы – снижается, однако не утрачивается окончательно. Будучи неограниченным географически близкими субъектами и способным к автотпроектированию, человек может самостоятельно выбирать идейно близких Других, не имея пространственно-временных ограничений. С этой точки зрения, интернет видится как значимый фактор трансформаций, в том числе трансформации СМИ, которые сегодня становятся одним из тех Других человека. И здесь обозначается диалектическое противоречие: роль СМИ, формирующих медиасреду, в процессе социализации человека повышается, но в то же время медиатизация приводит к деонтологизации социального пространства. Онтология подразумевает разумное осмысление

человеком своего бытия, а массмедиа предоставляют человеку готовый идеал, мерило истинности жизни.

Стремительность изменений, происходящих в обществе, крайняя темпоральность всего социального, его поверхностность, преимущественно обусловленные процессами глобализации, создают требования постоянной актуализации уже усвоенных знаний и установок – ресоциализации личности. В случае неуспеха индивид может попасть в категорию социально исключенных, что со временем может привести к образованию новых общественных групп и в результате также быть расцененным как ресоциализация. Социальная исключенность и необходимость ресоциализации также объясняется разрывом связи «человек – дом». В значительной степени этому процессу подвержены мигранты в силу необходимости отказа от большой доли интернализированных норм и соотнесения себя с чуждым социумом с отличными правилами поведения.

В целом, изученные факторы указывают на две основные разнонаправленные тенденции в процессе социализации личности. С одной стороны расположены процессы глобализации, как нечто, направленное на универсализацию, интеграцию мирового сообщества, нечто характеризующееся как континуальное, непрерывное, основательное. С другой стороны мы имеем процессы демассификации и ресоциализации и социальной эксклюзии как частные ее проявления, которые характеризуются как дробные, дискретные, скоротечные. Видится, что социальная группа мигрантов представляет собой средоточие этого противоречия, а потому изучению закономерностей социализации в условиях глобализационных изменений именно мигрантов будет посвящена следующая глава.

Глава III. Виртуальная реальность как фактор воздействия на процесс социализации личности в границах проблемы миграции

Происходящие сегодня глобализационные процессы неразрывно связаны с миграционными. Представляется, что именно эта социальная группа являет собой убедительный пример тех, кто особенно остро переживает выделенные особенности трансформации процесса социализации в глобализирующемся мире. Онтологически проблема миграции интересна в свете изучаемой проблемы с той точки зрения, что мигрант представляет собой путника, с одной стороны покинувшего свой Дом, тем самым на время потеряв основание бытия, с другой стороны, находящегося в Дороге и ищущего тот самый новый Дом и новых Других, при помощи которых он сможет понять новый для себя мир, пространство, время, равно как и себя. В то же время, изучение современных социализационных процессов мигрантов актуализируется в свете развития современных технологий, медийности бытия. Как отмечалось, многие медийные образы являют собой симулякры, абсолютно виртуальны. Не подогревается ли современный негативный образ мигранта медиасредой? Другой возникающий резонный вопрос – сокращается ли разрыв в доступе к информации между странами как следствие миграционных потоков в эпоху информационного общества? Мы полагаем, что происходящие изменения должны сказаться и на смене Других мигранта, на необходимости ресоциализации и конструирования самоидентичности как отправляющихся за границу, так и остающихся на родине. И задача данной главы видится именно в анализе изменения социализационных процессов членов семей мигрантов в свете выявленных как следствие глобализационных процессов изменений.

3.1. Социализационные процессы мигрантов: современные тенденции

Трудовая миграция представляет собой социальный феномен, отражающий особенности современного этапа развития глобализирующегося мира. Мы рассматриваем современных трудовых мигрантов как представителей «*отложенного общества*», т.е. общества, находящегося в состоянии постоянного ожидания: либо возвращения на родину, либо воссоединения с семьей в стране приема. Задачей данного параграфа является анализ особенностей социализационных процессов мигрантов, обусловленных изменением характера субъектов социализации, а также тех членов семьи, которые остаются на родине. В контексте массовой критики идеи мультикультурализма, в том числе со стороны правительств принимающих стран, положение мигрантов вновь становится открытым вопросом и актуализирует изучение проблем их социализации.

Социально-философское осмысление миграционных процессов возвращает нас к идее *дома*, поскольку в анализируемом феномене явно прослеживается связь дом — дорога — странник. Пристальное философское внимание вопрос привлек с давних пор. Так, в древнем городе, полисе, появляется *civis*, т.е. человек, являющийся свободным членом города, гражданином, и как следствие *civitas* — собрание, сообщество всех граждан. В то же время *civis* противопоставляется *hostis* (гость) и *peregrinus* (иногородний). Как следствие этой антитезы *civis* получает дополнительное значение не просто граждан, а сограждан, объединенных, очевидно, общим домом.²⁴² Как было установлено в параграфе 2.3., дом имеет сакральное значение в том смысле, что в нем человек находит цель и способ своего бытия. А потому больший социальный вес для человека будет иметь тот, кто также обладает своим домом, т.е. его полноценный согражданин, име-

²⁴² Метелев И.С. Миграция и адаптация. Социально-философский аспект// Философские науки. 2011. № 10. С. 106-107.

ющий с ним равные права. Видится, что именно из их числа определяются Другие человека, иначе говоря, субъекты социализации. В этом свете выстраивается связь понятий дом и город, дом в городе.

В свою очередь города связываются дорогой. Для Ю.М. Лотмана дорога – это не просто не дом, а – «антидом», бездомье, олицетворяющее беспокойство, отсутствие укорененности, а, следовательно, и бытия.²⁴³ В то же время выбор дома или дороги обуславливает образование двух культур – оседлой и кочевой. Рассматривая эти культуры через призму традиционных философских категорий пространства и времени, заключаем, что люди, выбирающие дом, т.е. оседлый образ жизни, отдают приоритет продолжительности, социальному времени. В то же время, выбирающие дорогу, или кочевую культуру, приоритетным видят протяженность, пространственное познание мира и сущего. Как следствие, мы рассматриваем и дом, и дорогу как особые инструменты исследования социального пространства, они неразделимы и взаимосвязаны. Во-первых, тот, кто находится в пути, дороге, стремится достичь дома, укорененности, видит в этом высшее благо: «дорога тяжела и опасна, потому что это на самом деле дорога от профанного к священному, от преходящего и иллюзорного к реальному и вечному».²⁴⁴ Во-вторых, резонно предположить, что дорога, сама по себе олицетворяющая пространство, учит человека ценить время, в то время как дом – пространство.

Несмотря на значимость пути с онтологической точки зрения, не все признают дорогу частью бытия человека. Так, по М. Хайдеггеру, язык – это дом бытия, тогда дом – это рассказывающее о себе бытие, т.е. дом – это общающееся, дискурсивное бытие, часть личного человеческого бы-

²⁴³ См. Волкова Е.В. «Дом» и «дорога» как реалии и как символ в работах Ю.М. Лотмана// Вопросы философии. 2007. № 1. С. 169-174.

²⁴⁴ Элиаде М. Избр. соч. Очерки сравнительного религиоведения. Перев. с англ. М.: Ладомир, 1999. С. 349-350.

тия.²⁴⁵ Поэтому часто можно услышать, что о человеке можно судить по его дому, и напротив – дом рассказывает о своем хозяине. В то же время о дороге такого заключить нельзя, что указывает на то, что дом – это часть человеческого бытия, а дорога нет. Возможно, именно по этой причине мигрант – это маргинал, он воспринимается обществом, а точнее сообществом граждан, *civitas*, как бездомный, не имеющий основы бытия, незащищенный человек.

Другим основанием неприязни к мигрантам может служить исторически сложившееся восприятие. Как известно, кочевники, переселенцы не находили общий язык с местным населением, не воспринимали сложившиеся культуру, обычаи; а потому уничтожали их как следствие неумения жить в них. То, что было домом для местного сообщества, являло лишь пристанище для кочевников. Не исключено, что образ кочевника сохранился как архетип, ассоциируясь сегодня с мигрантом.

Следует, однако, отметить, что и традиционные взгляды на дом и дорогу оказываются под воздействием современных трансформаций. Во-первых, сегодняшний дом в значительной степени утрачивает свою сакральность. Обучение, традиционно имевшее место быть дома, уходит в школы и университеты, досуг – в клубы и кинотеатры, питание – в кафе и рестораны и т.д.²⁴⁶ Во-вторых, исторически путешествия, странствия были максимально неопределенны, карта пути являла собой *tabula rasa*. Сегодня же, как будет показано в параграфе 3.2., для мигранта место назначения не представляется неизведанным, а напротив – оно тщательно изучается предварительно. Можем ли мы тогда говорить о современном эмигранте как о страннике в традиционном смысле? В-третьих, неизведанность пути и, как следствие, возникающие на нем сложности и преграды, удлиняли пространство и замедляли время. Однако сегодня, как отмечалось в ходе

²⁴⁵ См. Курбанов М.Г. Варварство: дорога и дом // Философия и общество. Научно-теоретический журнал. №1(49). М., 2008. С. 73 – 89.

²⁴⁶ Там же.

работы, развитие информационных технологий приводит к пространственно-временному сжатию.

Обратимся к вопросу социализации современных мигрантов. Определить точно исторический момент, который следовало бы считать временем начала движения миграционных потоков, достаточно проблематично. С одной стороны, представляется возможным полагать, что миграции, обусловленные завоеваниями земель и необходимостью их удержания, были свойственны на протяжении всей человеческой истории. С другой стороны, первой вехой, положившей начало крупным передвижениям по планете в целях освоения мира, можно считать эпоху великих географических открытий, датируемую XV – XVII в.в. Однако перечисленные цели, вызвавшие передвижения по планете, отличаются от представляющих для нас интерес тех, которыми руководствуются мигранты нашего времени. При этом представляется возможным разделить сегодняшние потоки на две основные группы – перемещения представителей элит, именуемых космополитами (меньшая группа), и граждан, являющихся трудовыми мигрантами (большая группа).

Перемещения населения, получившие особенное развитие в последней четверти прошлого столетия, вызваны стремлением к улучшению стандартов жизни, получению более качественного образования, а, следовательно, так или иначе связаны с наемным трудом за границей. Несмотря на утверждение идеи мультикультурализма, группы мигрантов, тем не менее, являются крайне уязвимыми в силу различных факторов.

Во-первых, это обусловлено пребыванием в новой, незнакомой этнокультурной и языковой среде. Незнание местных норм и социальных принципов, неуверенное владение языком (а в некоторых случаях и его незнание) приводит к неодобрению представителей принимающей страны, что может вызывать фрустрацию и как следствие невозможность достижения цели переезда.

Во-вторых, более низкий социальный статус, чем в стране происхождения. Как правило, трудовые мигранты занимают низкооплачиваемые позиции в сфере обслуживания, что, тем не менее, позволяет улучшить благосостояние оставшихся на родине членов семьи.

В-третьих, исключенность из привычного социального окружения, что, по сути, означает отсутствие значимых Других, играющих значительную роль на этапе вторичной социализации личности. Вновь прибывшие мигранты не имеют привычной возможности обратиться за помощью, поддержкой к близким, обсудить актуальные вопросы с теми, чье мнение они уважают – они лишены основных источников интернализации социальных норм и правил.

Наконец, неудовлетворительные жилищные условия. Действительно, на рынках предоставляемого в аренду жилья образуются барьеры: в некоторых государствах – правовые, в других – социальные. Так, например, в большинстве штатов США только лица, имеющие вид на жительство, могут официально стать арендатором. В России же ограничительный фактор имеет не правовую природу. В объявлениях о сдаваемой недвижимости часто встречаются те, которые доступны «только для русских».

Разумно заключить, что описанные факторы уязвимости мигрантов могут приводить к кризису идентичности индивида: непонимание местного населения и неспособность к нормальному участию в жизни общества ведут к комплексу неполноценности; несовпадение уже усвоенных социальных норм и наблюдаемых новых вызывает внутренний дезориентирующий конфликт, а отсутствие представителей референтной группы затрудняет процесс дальнейшего формирования социальных установок.

Выделяется и другая причина кризиса идентичности мигрантов, исходящая из положения о том, что родные страны мигрантов менее развиты, индустриализованы и богаты по сравнению со странами их принимающими. Поэтому для первой группы стран свойственен коллективизм во всем

жизненном укладе граждан – в образовании, работе, воспитании и т.д., в то же время современным развитым государствам более свойственен индивидуализм.²⁴⁷ Это положение подтверждается результатами опроса, проведенного ВЦИОМ в 2013 году. С. Львов, руководитель управления социально-политических исследований ВЦИОМ, по результатам опроса об отношении россиян к иммигрантам отмечает, что склонность к групповому образу жизни является одним из основных факторов, вызывающих недовольство. «Сбиваться в группы по этническому или родственному принципу и демонстрировать силу, сплоченность и способность решать любые задачи любыми способами, это то, что особенно раздражает»²⁴⁸. Такое несовпадение ориентаций и норм, очевидно, также становится камнем преткновения в вопросе социализации мигрантов.

Иным дезориентирующим фактором для мигрантов может стать стремительная интернализация их детьми образа жизни местных жителей и даже мигрантов из других стран. Результаты исследования трех американских фондов (the Mittlemann Family Directorship at the Center, the John D. and Catherine T. McArthur Foundation, the William T. Grant Foundation) показали, что чем младше дети, тем более охотно и скоро они идентифицируют себя с ровесниками-представителями других культур и наций.²⁴⁹

Применительно к России следует отметить, что успех в социализации и адаптации детей-мигрантов может попадать в зависимость от страны их происхождения. Представляется, что наиболее спокойным образом эти процессы будут протекать у детей бывших соотечественников, оказавшихся за пределами страны после распада СССР и теперь пожелавших вернуться на родину. Общие прошлое и национальность и единый язык являются гарантами принятия как сверстниками, так и взрослым населением, в

²⁴⁷ Westerik M. Immigrants and the Socialization of the Self// Social Cosmos. 2011. №2. P. 133-139

²⁴⁸ Яничкина О. Строй, мети и мой посуду// Российская газета. №6146. 5 августа 2013.

²⁴⁹ Introduction: Extending the conversation: Transdisciplinary approaches to social identity and intergroup attitudes in children and adolescents// International Journal of Behavioral Development . 2007. Vol. 31. P. 417-418.

том числе учителей. Последних резонно выделить особенно, поскольку видится, что именно школа должна играть основополагающую роль в адаптации детей-мигрантов к жизни в обществе. К условной второй категории могут быть отнесены представители других национальностей, но также хорошо владеющих русским языком. В данном случае культурная дистанция может становиться камнем преткновения, но участие в совместных общественных мероприятиях, адаптация к новым реалиям вне стен школы со временем нивелируют возможные враждебные настроения. Представляется, что значительно большие проблемы ожидают тех, кто представляет одновременно иную национальность и другой язык. Учитывая несклонность детей к проявлению толерантности к тем, кто выделяется, культурные и языковые различия однозначно станут причиной для возникновения напряженности как со стороны сверстников, так и учителей. Последнее можно объяснить тем, что вследствие языковых ограничений весь класс вынужден замедлять темп обучения. Возникающие конфликты не всегда могут быть решены даже с привлечением родителей. Сегодня ситуация усугубляется еще больше необходимостью подготовки всех без исключения обучающихся к обязательным единым государственным экзаменам, что также приводит к обеспокоенности преподавательских составов учебных заведений. Стоит также отметить, что в соответствии с российским законодательством школа по собственному усмотрению не вправе никому отказать в приеме или отчислить за неуспеваемость или неудовлетворительное поведение. Очевидно, такие настроения присутствуют, хотя, как отмечалось, школа воспринимается как ключевой субъект социальной адаптации детей-мигрантов.

Именно по этим причинам мы рассматриваем мигрантов как тех социальных субъектов, которые нуждаются в постоянной ресоциализации. Если целью миграции является постоянное или длительное проживание в стране приема, то мигранты так или иначе вынуждены отказываться от

значительной части уже интернализированных норм и установок и заниматься активным переконструированием идентичности, подстраивая ее под нормы поведения принимающего общества.

Такое непростое положение мигрантов не могло оставаться незамеченным со стороны правительств принимающих стран, а потому идея мультикультурализма и получила такое развитие в конце прошлого столетия. Стремясь стимулировать дальнейшие притоки мигрантов и помочь им в адаптации, что, как правило, диктовалось необходимостью снизить уровень естественной убыли населения, государства создавали специальные условия жизни для прибывающих из других стран. Так создавались национальные культурные центры, отдельные школы, религиозные учреждения и т.д. При этом мигранты, не встретив желаемого отношения со стороны местного населения, но чувствуя поддержку правительства, не ассимилировались, как ожидалось, а стали создавать национальные сообщества, коммуны, стремясь сохранить свою идентичность, еще больше тем самым дистанцируясь от граждан принимающей стороны. Чувствуя себя на особом положении, мигранты создали незападные анклав в западных государствах, необоснованно требуя равных прав при неготовности взять на себя равные обязательства. Здесь наблюдается любопытная закономерность: в западных странах, развивавших идею мультикультурализма, постепенно наметилась тенденция к утере своей идентичности, в то время как среди представителей незападных государств – к ее укреплению.

Представляется, что именно эти предпосылки становятся основными причинами растущей ксенофобии и мигрантофобии со стороны граждан принимающей стороны. Помимо выделенных факторов к основаниям для мигрантофобии также можно отнести следующие причины, выявленные в результате анализа данных ряда социологических опросов ФОМ, ВЦИОМ, Левада центра:

- рост преступности, остающийся с 2003 года наиболее популярным вариантом ответа на вопрос о негативном воздействии мигрантов (65-68% опрошенных);
- озабоченность санитарией (занятостью мигрантов в сфере реализации продовольственных товаров, продуктов питания) за последние 10 лет также остается на высоком уровне (50%);
- значительно хуже стало отношение россиян к занятости мигрантов в отдельных областях – в органах местной власти (с 71 до 86%), правоохранительных органах (с 68 до 84%), образовании (с 63 до 81%), медицине (с 61 до 76%), общественном питании (с 54 до 70%), общественном транспорте (с 53 до 68%)²⁵⁰. В качестве одной из возможных причин увеличения уровня занятости мигрантов в таких областях, как органы власти, правоохранительные органы, можно предположить укрепление позиций национальных диаспор, получающих свое развитие с течением времени пребывания в регионе и активно лоббирующих интересы своих членов.

Таким образом, видно, что российским гражданам свойственны ксенофобские настроения, что также подтверждается результатами других исследований. Так, если сравнить данные Фонда «Экспертиза» 2004 года, а также результаты опросов ФОМ, проводимых в 2002, 2006 и 2012 годах, антимигрантские настроения к определенным народам у россиян остаются на высоком уровне (65 – 70% в 2002 – 2004 годах, 75% в 2012)²⁵¹. По данным мониторинга Аналитического центра Юрия Левады, в 2005 году 52,1% респондентов отрицательно относились к чеченцам, половина опрошенных – к цыганам, каждый третий опрошенный россиянин – к

²⁵⁰ Бадыштова И.М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа)// Социологические исследования. – 2003. - №6. – С. 38–46. Опрос ВЦИОМ «Иммиграция в Россию: благо или вред для страны», июль 2013, выборка 1600 человек// <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322>

²⁵¹ Опрос фонда "Экспертиза", весна 2004, выборка - 2533 человека// <http://www.open-forum.ru/media/895.html> Опрос ФОМ «Межнациональные отношения», апрель 2012, выборка – 1500 человек// <http://fom.ru/obshchestvo/10544>

азербайджанцам²⁵². С тех пор отношение к этим группам по данным различных опросов либо осталось на приблизительно том же уровне (54% - 60% - к выходцам с Кавказа, 53% - к выходцам из Закавказья)²⁵³, либо ухудшилось (87% отрицательно относятся к соседству представителей Кавказа, 76% - Средней Азии)²⁵⁴.

Как видно, в целом отрицательное отношение к мигрантам среди россиян остается на высоком уровне. Исходя из выше приведенных результатов опросов, резонно заключить, что в представлении российских граждан мигрант ассоциируется в первую очередь с так называемым «лицом кавказской национальности», несмотря на то, что основными странами происхождения большинства мигрантов в Россию являются соседние славянские Украина и Беларусь, а также республики Средней Азии и Казахстан.²⁵⁵

Отсюда вытекает, что недостаточная осведомленность российского населения о прибывающих мигрантах также является одной из важнейших причин выявленной неприязни. Следовательно, действия социальных, культурных, образовательных институтов, призванных реализовывать социализирующие функции, оказываются неэффективными по части приобщения мигрантов к жизни в новом для них обществе. Очевидно, что незнание местного населения о странах происхождения прибывающих иностранных жителей, их обычаях и выполняемых ими функциях для местного общества приводит к сегрегации – чем больше культурная дистанция между мигрантами и местными жителями, тем выше уровень неприязни. В

²⁵² Мониторинг Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр), ноябрь 2004. Репрезентативная выборка по России – 2107 человек. Левада Ю. Человек обыкновенный в двух состояниях// Вестник общественного мнения. 2005. №1. С. 8-18.

²⁵³ Опрос Левада-Центра «Россияне о миграции и межнациональной напряженности», октябрь 2013, выборка – 1603 человека// <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti> Опрос ФОМ «Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам», октябрь 2011, выборка – 24 500 человек// <http://fom.ru/Mir/10442>

²⁵⁴ Исследовательский проект Института социологии РАН «Иммигранты в России: социальное измерение», 2009// <http://www.rg.ru/2009/11/13/migranty.html>

²⁵⁵ Московский миграционный центр// URL: <http://xn----7sbittjtdqw.xn--p1ai/content/immigraciya-v-rossiyu> (дата обращения: 24.02.2014).c

этом свете проведение совместных культурных, образовательных мероприятий приобретает особенное значение.

Одним из факторов развития ксенофобии в России исследователи также рассматривают определенную дисфункциональность в деятельности средств массовой информации. По словам заведующего кафедрой международных политических процессов СПбГУ В. Ачкасова, только 5% СМИ видят своей целью развитие толерантности²⁵⁶.

В публикациях и сообщениях прессы можно проследить выражения в категориях «свой – чужой», «добро – зло». Один и тот же сюжет может быть представлен разными способами, если главными действующими лицами выступают русский человек или представитель другой нации или религии, отдельное внимание при этом, как уже отмечалось, уделяется «лицам кавказской национальности». Так, например, после конфликта на бытовой почве в июне 2012 года в Кировской области появились сообщения в СМИ о том, что дагестанцы применили оружие и ранили представителей местного населения. Позже оказалось, что оружие применяли в качестве предупредительной меры сотрудники правоохранительных органов.²⁵⁷ Как видно, СМИ также имеют тенденцию представлять конфликты, несвязанные напрямую с этническими разногласиями, как таковые. Такие известные ныне бытовые драки и конфликты изначально были представлены как межнациональные в случаях в селе Яндыки Астраханской обл. в 2005 году, Карельском г. Кондопоге в 2006, станице Куцевской Краснодарского края в 2010, г. Сагре Свердловской области в 2011 году. Таким образом, мы говорим о том, что изначально формирующийся образ врага в лице мигрантов виртуален, создан СМИ.

²⁵⁶ Журналисты усугубляют нетерпимость к мигрантам// Лениздат.ру, 18 октября 2012 г. <http://lenizdat.ru/articles/1107954/>

²⁵⁷ СМИ: В Кировской обл. дагестанцы обстреляли группу местной молодежи// РБК, 23 июня 2012 <http://top.rbc.ru/incidents/23/06/2012/656470.shtml>

Ситуация выглядит схожей и в других странах. Например, профессор университета Мессины П. Панарелло отмечает, что СМИ являются основным источником идей о вторжении, завоевании Италии мигрантами. Более того, политические силы, как правые, так и левые, склонны обращаться к образам, культивируемым СМИ, во время предвыборных гонок, тем самым поощряя деятельность журналистов.²⁵⁸ Как следствие, мигранты, и без того чувствующие оторванность от привычной среды, сталкиваются с враждебным отношением, что не может не оказывать влияния на процессы вторичной социализации, продолжающиеся на протяжении всей жизни.

В этом свете резонно вспомнить представленные мысли о развитии идеи мультикультурализма, направленного на облегчение процесса адаптации социально уязвимых мигрантов. В рамках этой концепции представляется, что правозащитники будут всегда вставать на сторону национальных меньшинств, по сути, представляя большинство, т.е. принимающее общество, в качестве главного агрессора, не способного продемонстрировать толерантность и гостеприимство. Местными властями также может уделяться пристальное внимание определенному этносу, составляющему меньшинство, разрабатываться программы по социальной и экономической поддержке. Разумно предположить, что реакцией большинства населения, возможно, чувствующего меньший интерес к себе и ущемление своих законных прав в пользу приезжих членов общества, может стать обратный эффект: чем больше внимания уделяется меньшинствам, тем меньше одобрения это находит среди представителей большинства социума.

С точки зрения трудовых миграций, Россия на сегодняшний день преимущественно является принимающей страной. Однако, будучи пред-

²⁵⁸ Panarello P. Educational and Anthropological Perspectives: an Italian View on Migration in Multi-cultural Urban Spaces// Social Work and Society. – 2008 - №1. – P. 47-55.

ставителями принимающего общества, мы не можем не задумываться о тех, кто остается на родине вновь приезжающих мигрантов, и о том, как их отсутствие сказывается на жизни оставленных родственников как членов социума. Долговременная утрата близких, их смерть значительным образом сказывается на степени и характере приобщения людей, особенно детей сознательного возраста, к обществу. Трудовая миграция может расцениваться как такая потеря, поскольку в этом случае, как правило, неизвестно, сколько продлится отсутствие близкого человека, равно как нет уверенности и в том, состоится ли в силу различных обстоятельств встреча вообще. Потому мы исходим из предположения о том, что трудовая миграция родителей или супруга переживается как *неоднозначная потеря*, когда, с одной стороны, неизвестен исход отъезда, с другой стороны, процесс социализации остающихся членов семьи оказывается под влиянием, схожим тому, что переживается в результате смерти.

В первую очередь рассмотрим влияние обсуждаемых изменений на социализацию детей. В этом свете представляется актуальным вспомнить известную в социологии теорию привязанности (attachment theory) Дж. Баулби и М. Эйнсворт.²⁵⁹ В соответствии с теорией, отношения между ребенком и опекуном в детстве оказывают прямое воздействие на формируемую личность. Следовательно, резонно предположить, что если ребенок переживает потерю одного или обоих первых, основных и естественных «значимых других», даже в случае с трудовой миграцией, рассматриваемой нами как неоднозначная потеря, это не может не сказаться на личности индивида. Эта мысль подтверждается значительным множеством исследований, наблюдений, проводимых сегодня во всем мире. Установлено, что в ситуации разлуки детям свойственны психологические и бихевиоральные расстройства (Лялюгене и Рупшене (2008), Grinberg and Grinberg (1989),

²⁵⁹ Bowlby J. A Secure Base: Parent-child Attachment and Healthy Human Development. New York, NY: Basic Books. 1988.

Castaneda and Buck (2011) и др). Детям так же свойственны чувства брошенности, потери идентичности и одиночества (Artico (2003), Huang and Yeoh (2005) , Asis (2006)). Отъезд родителей отрицательно сказывается на успеваемости в школе (Лялюгене и Рупшене (2008), Доклад Детского фонда ООН в Молдове в работе Cortes (2007), Pottinger (2005)).

Так, основываясь на исследовании, проведенном в литовском городе Каунас, доктор социологических наук университета Лапландии Г. Малинаускас подчеркивает, что 8,6% детей, чьи родители выехали на заработки за пределы родины, испытывают серьезное негативное влияние разлуки на эмоциональное и психологическое развитие, 37,7% детей сталкиваются с эмоциональными проблемами, 13,8% - с поведенческими.²⁶⁰ Результаты другого исследования, проведенного И. Лялюгене и Л. Рупшене, установлено, что в большинстве случаев при отъезде обоих родителей за границу подростки редко остаются в привычной для них обстановке²⁶¹. Подростки тратят меньше времени на досуг и больше времени – на решение бытовых вопросов.

Что касается зависимости миграции родителей и успеваемости в школе, то здесь, очевидно, возможны варианты. С одной стороны, образовательные возможности детей значительно повышаются, в некоторых странах отмечается переход учеников из общественных школ в частные, а также более высокое процентное соотношение поступивших в высшие учебные заведения по сравнению с семьями, не имеющими членов-мигрантов.²⁶² С другой стороны, отсутствие родителей может и негативно сказаться на успеваемости в силу ряда факторов. Во-первых, с отъездом обоих родителей обрывается их связь со школой, что может негативно ска-

²⁶⁰ Malinauskas G. Researching the Impact of Partial Labour Migration on a Child: Failure of Attachment Theory// Social Work & Society. – 2006. - № 4. – P. 292 – 300.

²⁶¹ Лялюгене И. Ю., Рупшене Л. А. Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков// Социологические исследования. – 2008. - №1. – С. 72.

²⁶² Bryant, J. 2005. Children of International Migrants in Indonesia, Thailand, and the Philippines: A Review of Evidence and Policies. Working Paper 2005-05. Florence: UNICEF Innocenti Research Center.

зываются на образовании детей, их успеваемости и посещаемости. Во-вторых, экономическая модель поведения родителей может пробудить схожее стремление к экономической успешности и независимости. В этом плане возможность заработка способна перевесить оцениваемые подростками преимущества от получения образования. Подобные стремления могут, в конечном счете, привести к возникновению желания отправиться на заработки вслед за родителями. Наконец, возрастающие финансовые возможности могут изменять потребительское поведение хозяйствующих субъектов, поэтому образование может перестать быть основной статьей семейных инвестиций.

В вопросе расходования *высылаемых на родину денег* (a remittance – слово, получившее сегодня широкое распространение в международной социологической, философской, экономической теории) также играет роль то, кто остается во главе семьи. Если мать отправляется на заработки, то отец, как правило, видит разумной заботу о детях, выражающуюся в приобретении физических, осязаемых здесь и сейчас благ, а также инвестировании в семейное предпринимательство. Матери же отдают предпочтение образовательным перспективам, оценивая получаемые будущие преимущества. Именно поэтому отмечается практика, когда даже в случае отъезда мать стремится к правильному расходованию присылаемых денег, действуя из-за границы от своего лица через старших детей, нежели мужей.²⁶³ В ситуации отъезда обоих родителей выявляется факт учащения случаев насилия со стороны сверстников, наркотической и алкогольной зависимости (на что и расходуются деньги), ранних беременностей.²⁶⁴ Об изменении отношения сверстников будет сказано ниже. Что же касается последних двух аспектов, то это может быть объяснено как результат усвоения

²⁶³ Parrenas, R. 2005. Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families. *Global Networks* 5: 317–333

²⁶⁴ UNICEF 2008 http://www.unicef.org/socialpolicy/index_46205.html

новых ролей и моделей поведения, свойственных взрослым, в виду отсутствия последних и переложения ответственности на подростков.

Стоит также отметить, что выгода, приобретаемая остающимися на родине членами семьи от отъезда за границу на заработки других, может быть не только материальной. Возвращающиеся домой родственники, интернализовав нормы и ценности другого общества, окунувшись в иную культурную и материальную среду, делятся подобным новым социальным опытом, возможно, в какой-то степени меняют привычный уклад жизни, имеют иные ожидания от жизни.

Возвращаясь к предположениям о влиянии обрыва детской привязанности к родителям на социализацию ребенка, исследования доказывают, что нарушение связей между детьми и опекунами оказывает воздействие на личность во взрослой жизни, характер отношений с окружающими, поведение в семье – функционирование индивида как члена общества (Kobak and Hazan (1991), Shaver and Brennan (1992), Artico (2003)). Американский исследователь Артико, например, считает суициды, депрессию, поведенческие отклонения в более зрелом возрасте следствием разрушения привязанности к первым опекунам в детстве, особенно если это происходит в первые 3 года жизни.²⁶⁵ Следует отметить, что в зарубежной научной традиции распространен проблемный подход исследования, основанный на конкретных примерах из жизни людей, что не совсем привычно в отечественной теории. Так, доктор Техасского университета Кастаньеда, изучающий экономические и психологические последствия иммиграции, из примера 30-летней женщины из Гватемалы, оставленной матерью в подростковом возрасте и взявшей на себя ответственность за воспитание младших братьев и сестер, заключает воздействие разрыва привязанности

²⁶⁵ Artico, C. *Latino Families Broken by Immigration: The Adolescents' Perception*. New York: LFB Scholarly Publishing. 2003. P. 15.

в детстве на отношения в более зрелом возрасте.²⁶⁶ Вынужденность полагаться исключительно на себя с раннего возраста сказалась на отношении девушки с людьми в зрелом обществе. Если изучить отчеты об иммиграционных процессах в различных странах мира, то подобные примеры применимости теории привязанности к разрывам вследствие миграции родителей прослеживаются часто.²⁶⁷ Это неизбежно наводит нас на размышления о том, что миграция родителей с целью заработков и обрыв связи с детьми приводит к конструированию последними самоидентичности – форме социализации, определенной нами в качестве одной из основных сегодня.

Именно поэтому мы говорим, что подобное влияние разрыва с опекунами в детстве является следствием изменения форм социализации. Как отмечалось, отъезд родителей означает выключение основных «значимых других» из процесса первичной социализации, когда формируется общее представление об окружающем мире, познаются правила поведения в обществе. С этой точки зрения, очевидно, во-первых, что ребенок будет испытывать стресс от устранения привычных авторов норм и правил, а во-вторых, место старшего должно быть кем-либо занято.

Развивая вопрос переживаний в связи с отъездом родителей, следует отметить, что нередко дети считают себя виноватыми в их миграции и отказываются принимать какие-либо другие объяснения (Boehm (2013), Artico (2003), Grinberg and Grinberg (1989)). Отсюда предполагаем, что уже с детства этих людей будет преследовать чувство вины, что может сказаться на отношениях с людьми в будущем.

Что же касается замены субъектов социализации, то здесь возможны различные варианты. Если на заработки за границу отправляется один из родителей, то, как правило, имеет значение, кто остается дома. Если на

²⁶⁶ Castaneda E., Buck L. Remittances, Transnational Parenting, and the Children Left Behind: Economic and Psychological Implications// The Latin Americanist. December, 2011. P. 93 – 94.

²⁶⁷ Child Migration Research Network// <http://www.childmigration.net/> Дата обращения 05.03.2014

родине остается мать, то она продолжает выполнять все прежние функции, но также и перенимает те, что были в ведении отца. Женщина начинает играть роль человека, принимающего все решения в семье, а потому ее авторитет как автора правил поведения в обществе растет. Возможны сценарии, когда жена продолжает играть роль главы семьи или выполнять многие функции отца и после возвращения последнего, что еще больше может сказаться на смешении статусов и ролей, привести к их несовпадению и конфликту. Напротив, когда отец остается дома, как показывают примеры различных стран, он не стремится взять на себя обязанности жены, а скорее обращается за помощью к членам расширенной семьи – к своим родителям, братьям, сестрам или семье супруги. Это может быть объяснено четким представлением о различии между женскими и мужскими функциями, которые, возможно, даже свойственны каждому от рождения. Следовательно, остающийся дома отец уделяет детям меньше внимания, а потому меньше воспринимается как источник социальных норм. По этой причине процент заканчивающих школу выше у детей, остающихся с матерями.²⁶⁸

Изменение социализирующего воздействия, происходящего в условиях трудовой миграции обоих родителей, определяется и появлением новых «значимых других». Чаще всего дети остаются с бабушками и дедушками, старшими братьями и сестрами, которые, чувствуя ответственность, принимают на себя функции воспитания. Это, с одной стороны, положительно сказывается на самих подростках – они раньше достигают зрелости, самостоятельности, по-новому видят устройство жизненного порядка. С другой стороны, можно предположить, что новые условия жизни могут стать причиной личностно-ролевого конфликта: поведение, еще вчера рассматривавшееся и оценивавшееся как нормальное для подростка, сегодня

²⁶⁸ Cortes R. Children and Women Left Behind in Labor Sending Countries: an Appraisal of Social Risks. Global Report on Migration and Children. 2007. P. 12.

может показаться неприемлемым в свете вновь появившейся ответственности за младших братьев и сестер. Жизненные представления младших братьев (сестер), очевидно, также подвергаются изменениям – старшие братья теперь воспринимаются как главы семей, в отдельных случаях возможна их героизация. В целом, отношения братьев (сестер) становятся более доверительными и уважительными: чем слабее связь «родители – дети», тем сильнее она в субсистеме братьев (сестер). Более того, отъезд обоих родителей, переложение функций родителей на членов расширенной семьи и становление старших детей как опекунов может приводить к внутреннему конфликту детей, у которых возникает вопрос иерархии субъектов социализации. Решение вопроса о том, чьим указаниям и правилам следовать оказывается крайне непростым.

Тоска, вызванная отъездом родителей, поведенческие и эмоциональные расстройства и, как отмечалось, стремление к экономической успешности нередко приводят к возникновению у детей желания переехать за родными. В упомянутом исследовании Лялюгене и Рупшене на это указали 60% респондентов, 23% - не смогли принять точного решения и лишь 17% ответили отрицательно.²⁶⁹ В случае, если переезд детей вслед за родителями происходит, то следует полагать, что и дети подвергаются кризису идентичности и факторам уязвимости, речь о которых шла в предыдущем параграфе. Вместе с тем есть и другая особенность, заслуживающая внимания: существующие затруднения к получению высшего образования детьми мигрантов. Здесь можно выделить ряд факторов.

Во-первых, разумеется, материальное положение родителей-мигрантов. Во-вторых, незаконность пребывания семьи на территории страны, как известно, часто становится преградой для получения любого рода государственных услуг, в том числе и образовательных. В-третьих,

²⁶⁹ Лялюгене И. Ю., Рупшене Л. А. Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков// Социологические исследования. – 2008. - №1. – С. 72.

следует принимать во внимание и образовательный статус семьи – как правило, родители, имеющие высшее образование, а тем более ученую степень, значительно более склонны и настроены на обеспечение ребенка квалификацией. Разумеется, тип семьи и ее численность также играют свою роль – дети из полных семей имеют больше шансов на поступление в вуз, чем из неполных или многодетных. Знание языка страны пребывания, этническая принадлежность и отношение местного населения, как отмечалось, также являются воздействующими факторами в этом вопросе.

Следует отметить, что образ жизни тех детей, у которых один из родителей временно эмигрирует, также претерпевает изменения. Даже если один из родителей уезжает за рубеж и отправляет денежные переводы, второй, как правило, также вынужден находить работу на родине. В этом случае опекун либо оставляет малолетних детей дома одних, либо берет их с собой на работу. Но возможен и другой, наиболее вероятный вариант – более старшие братья и сестры остаются дома присматривать за детьми, иногда в ущерб учебе. Несмотря на то, что нередко дети вверяются членам расширенной семьи, наиболее тесные отношения остаются среди родных братьев и сестер, старшие из которых берут на себя ответственность за младших, начиная тем самым играть роль новых «значимых других», в то время как сами еще нуждаются в социальных ориентирах, о чем и говорилось ранее. При этом, чем дольше отсутствуют родители, тем слабее становится связь дети – родители и тем больше усиливается связь младшие дети – старшие дети. Спустя определенное время в случае отсутствия систематических контактов родители и вовсе могут перестать восприниматься в качестве опекунов, людей, чьи мнения и взгляды имеют первостепенное значение. Как видим, отъезд одного или двух родителей неизбежно приводит к смещению ролей и функций в социализационных процессах, как остающихся родителей, так и детей.

Разумеется, следует отметить, что сегодня со стремительным развитием технологий у таких семей появляется все больше возможностей оставаться на связи, находясь в самых разных уголках планеты. С этой точки зрения, представляется возможным рассматривать семьи, «разорванные» трудовой миграцией, как транснациональные сообщества, живущие в двух (а иногда и более) странах, адаптирующиеся к двум культурам, делающие вклад в две экономики. Воспитание детей при помощи современных средств связи получило название «телевоспитания» (teleparenting). Родственники прибегают к услугам интернета, сотовой связи, служб коротких сообщений. Интенсивность такого воспитания зависит от ряда факторов: местности проживания переехавших родителей и оставшихся детей (сельская местность, городская), располагаемых денежных средств и от того, кто отправился на заработки – отец или мать. Однако достаточно часто телевоспитание сводится к передаче указаний по использованию отправленных денежных переводов. Учитывая тот факт, что, как правило, дети не считают оказываемую финансовую помощь равноценной заменой родителям, и, принимая во внимание описанные выше факторы воздействия эмиграции опекунов на социализацию детей, можем заключить, что телевоспитание оказывается недостаточным и не рассматривается как эквивалент традиционному воспитанию.

Говоря о субъектах социализации, следует также уделить внимание и другим группам. Других помимо родителей. Разумеется, школа и друзья также имеют значительную роль в вопросе приобщения индивида к обществу. Изучая многочисленные исследования семей с эмигрирующими родителями, также можно проследить воздействие миграции опекунов на отношение, поведение обозначенных институтов. Так, наблюдения в относительно территориально близких России Молдове, странах Прибалтики и более далеких Пакистане, Албании, Мексике, Эквадоре, Филиппинах показывают, что и друзья, и учителя могут начать относиться к детям, чьи ро-

дители эмигрировали, предвзято, в отдельных случаях – с завистью.²⁷⁰ Объяснение можно найти в том, что достаток такой семьи, предположительно, должен повыситься, в то время как учителя вынуждены оставаться в школе, воспитывая поколения детей за скромное вознаграждение, а друзьям по-прежнему приходится ежедневно бороться за существование. Напротив, результаты других исследований показывают, что и сверстники, начинающие оказывать большее внимание друзьям, чувствующим одиночество, вызванное отъездом родителей, также могут становиться «значимыми другими». Так, 40% респондентов в опросе Лялюгене и Рупшене отметили, что с отъездом родителей друзья стали более дружелюбными и чуткими, предлагают помощь.²⁷¹ Следовательно, внешние субъекты социализации в различных ситуациях по-разному, но претерпевают изменения.

Таким образом, развивающиеся в современном мире миграционные процессы во многом изменяют формы социализирующего воздействия на тех, кто в силу различных обстоятельств покидает привычные места жизни или затронут этими процессами. Дети мигрантов, прибывшие с родителями, часто тем проще и быстрее идентифицируют себя с ровесниками принимающей страны, чем они младше. В целом изменение субъектов социализации значительным образом сказывается на адаптации мигрантов к новой жизненной среде. Отсутствие референтной группы, «значимых других» лишает привычных социальных ориентиров, тормозит процесс вторичной социализации. Мигранты образуют анклав, начинают мыслить в категориях «свой – чужой». Представители принимающего общества в свою очередь также могут являть препятствия в процессе социализации, относясь к иммигрантам враждебно вследствие часто неверного представления о странах исхода приезжих гостей, мысля их в рамках стереотипа

²⁷⁰ Cortes R. Children and Women Left Behind in Labor Sending Countries: an Appraisal of Social Risks. Global Report on Migration and Children. 2007. P. 16-19.

²⁷¹ Лялюгене И. Ю., Рупшене Л. А. Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков// Социологические исследования. – 2008. - №1. – С. 73.

как о «лицах кавказской национальности». По этой причине те, кто стремится к становлению полноценным членом общества и закреплению в нем, активно проходят через процесс ресоциализации личности.

Трудовая миграция одного или обоих родителей оказывает прямое воздействие на процесс социализации остающихся членов семьи, особенно детей, переживающих процесс первичной социализации. Основываясь на теории привязанности, мы рассмотрели разрыв семьи трудовой миграцией как фактор, оказывающий значительное воздействие на социальное развитие индивида как в детстве, так и на более зрелых этапах жизни. А потому трудовая миграция одного или обоих родителей исследуется нами как неоднозначная потеря, поскольку разлука с близкими, возможно, временна, но ее продолжительность неизвестна и потому воспринимается членами семьи как постоянная. Отмечается, что вне зависимости от того, эмигрировал ли один опекун или оба, субъекты социализации претерпевают изменения. Более взрослые дети, как правило, переживают внутренний статусно-ролевой конфликт, возлагая на себя ответственность за младших братьев и сестер и становясь для них новыми «значимыми другими». Перенимая те роли, которые свойственны взрослым, они испытывают смешение двух идентичностей – переживают процесс конструирования самоидентичности. Что же касается остающегося родителя, то испытать смешение социальных функций скорее предстоит матери, принимающей на себя и обязанности отца, в то время как остающийся отец, более вероятно, обратится к членам расширенной семьи. Другие важные группы субъектов социализации, такие как учителя и друзья, также могут изменяться в отношении к оставшимся членам семьи вследствие, в том числе, чувства зависти.

Реакцией на негативное отношение принимающего общества может стать не только активная ресоциализация, но и нежелание ассимилироваться с местным населением и стремление поддерживать уже усвоенную

культурную идентичность. В том числе для этих целей служит и диаспора, речь о которой пойдет во втором параграфе главы.

3.2. Диаспора реальная и виртуальная как современный субъект социализации мигрантов

Задачей данного параграфа является анализ роли диаспоры в качестве субъекта в вопросе социализации мигрантов на современном этапе, а также анализ влияния развития современных телекоммуникационных технологий и, как следствие, образование виртуальных диаспор на процесс социальной адаптации мигрантов к нормам принимающего общества. Актуальность вопроса обусловлена значительными перемещениями людей по планете и обсуждаемыми сегодня тезисами о кризисе идентичности мигрантов, а также активным развитием информационных технологий.

Происходящие сегодня процессы глобализации все более активно стимулируют массовые международные перемещения населения. Как установлено в параграфе 3.1., трудовые мигранты, прибывая в страны, отличающиеся от их родины уровнем развития и ментальностью, на заработки, так или иначе, испытывают сложности в адаптации к новому окружению. Тем не менее, некоторые мигранты обращаются к такому социальному институту, который в силах помочь на первых порах приобщения к новому социуму вновь прибывшим – диаспоре.

Для начала определим понятие диаспоры. Известно, что слово впервые встречается в Септуагинте, греческом переводе еврейской Библии, в значении рассеяния, диссеминации евреев за пределами Иудеи. Традиционно диаспорой принято считать переселенческие группы евреев или армян. Однако, очевидно, что сегодня понятие требует уточнения, поскольку широко употребляется не только в отношении упомянутых наций. Во-первых, очевидно, диаспора включает в себя людей, проживающих вне

территории своей страны. Более того, представители не должны относиться к автохтонной группе, т.е. не должны быть коренными для данной территории. В-третьих, диаспора представляет собой общность людей, находящихся во взаимодействии друг с другом, преимущественно основанном на идее общего дома и возвращении домой. Исследователь из Нижегородского государственного университета Курносова Л.С. так определяет «диаспору»: «совокупность общин и соответствующих этнических организаций, созданных представителями неавтохтонных этнических меньшинств для удовлетворения культурных и иных потребностей».²⁷²

На современном этапе представляется важным отделять понятие «диаспоры» от понятий «национальные меньшинства» и «транснациональные общества». С первым концепт «диаспоры» роднит численное превосходство принимающего общества, со вторым – наличие международных связей со страной исхода. Однако в отличие от национальных меньшинств, которые могут представлять собой совокупность мигрантов, не связанных между собой, диаспора, как уже упоминалось, представляет собой сеть взаимодействующих субъектов. Как и любой другой социальный институт, диаспора предполагает систему внутреннего взаимодействия, внутригрупповой коммуникации, основанной на общей истории и идеи родины. Изначально, при переезде, мигранты находятся в поиске поддержки со стороны привычного и знакомого окружения и могут найти таковую в диаспоре. Академик РАН В.А.Тишков так определил диаспору: «это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и, тем более, этническая реальность»²⁷³.

По мнению профессора Иерусалимского университета Г. Шеффера, желание диаспор сохранять связи со странами исхода и другими община-

²⁷² Курносова, Л.С. Понятие диаспоры в социологическом дискурсе// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Вып. 1(5). Н.Новгород: Изд-во ННГУ. 2006. С.218-223.

²⁷³ Тишков В. Исторический феномен диаспоры// Этнографическое обозрение. 2000. №2. С. 50.

ми, происходящими из этой страны, приводит к созданию трансгосударственных сетей.²⁷⁴ Однако стоит заметить, что транснациональное сообщество может включать в себя не только диаспору, как определенное устоявшееся за пределами родины неавтохтонное сообщество, но и приехавших на заработки на короткий срок, а также людей, постоянно циркулирующих между странами в экономических, культурных или политических целях. Таким образом, транснациональное общество является более широким понятием по отношению к диаспоре, по сути, являющейся его частным случаем.

Какова же роль диаспоры в процессе вторичной социализации индивида и ресоциализации? На наш взгляд, с этой точки зрения мы можем говорить о диаспоре как новом значимом Другом. Действительно, диаспоры транслируют вновь прибывшим социальные нормы еще чуждого им общества, делясь опытом о том, как следует поступать в той или иной ситуации; кого опасаться, а кого считать другом; что есть хорошо, а что плохо в новом обществе. Таким образом, как видно, диаспоры занимаются социальным нормотворчеством, при этом его направленность горизонтальная – община имеет четкое представление о том, кто входит в группу «мы» и группу «они», оценивает их действия, одобряет их или осуждает, характеризует и совместно определяет их, возможно, дает ярлыки. Некоторые исследователи (З. Бауман (2004), Э. Тоффлер (2010)) считают, что такая эгалитарная юстиция была свойственна представителям доиндустриального общества. Более того, мигрантам, прибывающим на заработки в более развитые страны, в большинстве своем свойственно коллективное мышление. Таким образом, диаспора рассматривается в качестве субъекта социализации, действующего, как нам видится, подобно традиционному обществу – коллективно и горизонтально.

²⁷⁴ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике// Диаспоры. 2003. № 1. С. 168.

Условно можно выделить две стратегии адаптации к новому обществу – закрытая и открытая. Очевидно, первый случай подразумевает фокусирование на сохранении своей коренной идентичности и отсутствие направленности на ассимиляцию. Такое поведение свойственно временным трудовым мигрантам или людям, активно передвигающимся по планете, о которых говорилось ранее. Вторая же стратегия приобщения к социуму подразумевает открытость к ценностям принимающего общества, учет новых норм и правил в поведении. Это поведение типично для тех, кто имеет более долгосрочные перспективы на жизнь в новом государстве. И хотя мы и говорим, что диаспора основывается на поддержании интереса своих членов к стране исхода, мыслит в категориях «дома» и «дороги», говоря о родине и принимающей стране, представляется возможным рассматривать диаспору как институт, направленный на открытую стратегию адаптации.

На самом деле, диаспора как социальный институт имеет несколько функций, одна из которых, как было выведено, заключается в фасилитации адаптационного процесса у своих вновь прибывающих соотечественников. Постоянно поддерживая при этом контакт со страной исхода, диаспора оказывается в ситуации, определяемой казанским исследователем М.А. Мыльниковым, «двойной лояльности»²⁷⁵. Следовательно, диаспоре, а значит и ее членам, свойственно смешение идентичностей, как условие выживания в принимающей стране. Таким образом, представители диаспор оказываются в центре двух культур одновременно, а если учесть международные связи диаспор, происходящих из одного государства, то они живут в нескольких культурах. Подобные связи способствуют глобализации этнических анклавов, приводя тем самым к тому, что в начале параграфа было определено как транснациональные общества, пространства.

²⁷⁵ Мыльников М.А. Современные диаспоры в глобальном коммуникационном пространстве// Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2007. № 2. С. 52.

Находясь в подобной ситуации двойной лояльности, члены диаспоры могут сталкиваться с конфликтами. Во-первых, ощущая влияние новых, чуждых социальных правил и установок, человек может испытать кризис идентичности, поскольку все нормы и ценности, интернализированные индивидом ранее, ставятся под сомнение, и человеку необходимо подстраиваться под новые стандарты, стремясь достичь цели переезда – улучшение жизненных условий семьи, оставшейся на родине или приехавшей вместе с мигрантом. Резонно предположить, что временной фактор играет значительную роль в глубине двойной лояльности – чем дольше человек пребывает на новом месте, сохраняя контакты со страной исхода, вместе с тем ежедневно находясь в интеракции с представителями нового общества, тем больше трансформируется идентичность в процессе ресоциализации.

Во-вторых, конфликт может возникнуть и на межличностном уровне. Вновь прибывающие соотечественники, становящиеся новыми членами диаспоры, могут выразить недовольство в отношении поведения, взглядов тех, кто проживает в принимающей стране уже некоторое время. Отсюда также можем предположить, что со временем отдельные члены диаспоры ассимилируются с местным населением настолько, что фактически утрачивают необходимость в ней. Более того, целые диаспоры в отдельных случаях могут переживать стадию заката, упадка. Ее члены настолько приобщаются к жизни в новом социуме, что уже не нуждаются в поддержке, помощи национальной общины. На этом этапе они готовы к более тесным контактам с принимающим обществом, возможны межнациональные браки. В этом случае мы преимущественно говорим о тех, кто мигрировал всей семьей или решил разорвать отношения с той, что осталась на родине, и создавать новую. В этом свете также представляется возможным говорить о сокращении контактов со страной исхода (что, как помнится, является обязательным условием существования диаспоры), а в тех случаях, когда принимается твердое решение о построении новой жиз-

ни в месте иммиграции, не исключен и обрыв контактов и отрицание своей истории и принадлежности к родине.

Диаспоры имеют и другую важную социальную функцию. Если мигрант имеет своей целью улучшить благосостояние своей семьи, оставшейся на родине, то он становится своего рода первопроходцем. При помощи диаспоры человек адаптируется к новой реальности, находит работу и регулярно отправляет денежные переводы на родину. Однако когда приходит время возвращаться домой в связи с пенсионным возрастом, усталостью, депортацией или денежные переводы прекращаются вследствие смерти или обрыва контактов с отправившимся на заработки, путь за границу уже является изведанным. Происходит либо обмен членами семьи или отправка очередного ее члена на работу за рубежом. Это то, что профессор из Техасского университета Эль Пасо Э. Кастаньеда определил как «воспроизводство миграционных образцов»²⁷⁶. Другими словами, мигранты при помощи диаспор действуют цепочечным образом – первые мигранты готовят почву для последующих.

В свете повсеместно развивающихся информационных технологий (ИТ) представляется необходимым также рассмотреть вопрос формирования новой формы рассматриваемого социального института – виртуальной диаспоры. Актуальность вопроса объясняется тем фактом, что, несмотря на стремительное распространение ИТ, их взаимодействие с миграционными процессами до сих пор остается недостаточно изученным.

Исследование воздействия современных технологий на жизнь общества сегодня становится активным. Отмечается значительное их влияние на формы общения, познания и распространения информации. Иногда даже заключается, что технологии проникают во все сферы деятельности человека, пронизывают существование общества. Однако возникает во-

²⁷⁶ Castaneda E., Buck L. Remittances, Transnational Parenting, and the Children Left Behind: Economic and Psychological Implications// The Latin Americanist. December, 2011. P. 100.

прос, можем ли мы утверждать, что телекоммуникации всеобъемлюще вписались в жизнь трудовых мигрантов, решив тем самым проблему неравного распределения информации по планете?

Как отмечалось, диаспора служит своего рода субъектом социализации вновь прибывших соотечественников, которые оказались в абсолютно незнакомой культурной среде. Именно развитие технологий позволяет рассматривать диаспору как транснациональное сообщество, подразумевая, что мигранты конструируют сообщества, к которым чувствуют принадлежность, с которыми идентифицируются, при этом необязательно находясь рядом (Кастельс (2000), Кочетков и Калинин (2009), Wellman (1996)). Отсюда также следует, что виртуальная диаспора является продолжением реальной, нежели существующим отдельно субъектом, на что указывает ряд исследователей (Fialkova L. and Yelenskaya M. (2005), С. Бондаренко (2004), M. Laguerre (2006)). Следовательно, функции виртуальной диаспоры мы понимаем близкими к свойственным диаспоре реальной и рассматриваем первую как единицу социальной организации, где представители одного государства, находящиеся в различных регионах мира, поддерживают идею дома и возможного возвращения домой, транслируют опыт приобщения к новому социуму, используя современные средства коммуникации и знания, полученные из личного опыта и реального общения с соотечественниками. Хотя стоит отметить, что сегодня четкое понятие и разделение стран исхода и приема размываются (Кастельс (2000), Diminescu (2005)).

Принимая во внимание тот факт, что, как правило, трудовые мигранты являются представителями развивающихся стран, технически не сильно продвинутых, их готовность стать членами виртуальной диаспоры ставится под вопрос и сомнение. Однако, на наш взгляд, именно мысли об эмиграции и их воплощение в жизнь могут стать проводником отдельных людей и даже регионов в век ИТ. Действительно, ИТ используются ми-

грантами на всех стадиях: перед, во время и после переезда за границу. При их помощи будущие мигранты могут провести исследования культуры, законодательной базы, возможностей трудоустройства в регионе, в который собираются отправиться. Другими словами, ИТ позволяют хоть и виртуально, но составить картину страны иммиграции. По приезду в место назначения, мигранты активно начинают пользоваться мобильными телефонами, в первую очередь, для достижения успехов в поисках работы, обеспечения своей доступности. Более того, телефон, представляя собой самый оперативный способ связи, используется и для контакта с домом, семьей.

Трудовая миграция являет собой расставание на неопределенный срок, поскольку отправляющийся на заработки за границу не может быть уверен, как быстро найдет работу, какую часть дохода будет тратить на жилье, как скоро решит финансовые вопросы, что и является целью переезда. А потому мигранты задаются вопросом о том, как поддерживать связь с домом регулярно так, чтобы стоимость контакта была максимально низкой. Очевидно, что именно от стоимости напрямую зависит частота и продолжительность контакта. В этих целях могут осуществляться исследования рынка предоставления телекоммуникационных услуг, поиск наиболее дешевого оператора, изучение современных приложений и программ, позволяющих общаться в глобальных масштабах практически бесплатно. Отсюда следует, что со временем мигранты могут стать значительно более продвинутыми технически, они следят за новинками, постоянно стремясь оптимизировать соотношение цены и частоты контакта с семьей.

В то же время, поддержание контакта с уехавшим членом семьи требует наличия технической возможности его установления (наличие телефона, компьютера, установка необходимого программного обеспечения и т.д.) и у принимающей вызовы стороны. Если мобильный телефон сегодня в целом уже не является средством роскоши и может быть приобретен

относительно недорого, то компьютер себе позволит не каждый. А потому в странах исхода получают активное развитие интернет-кафе, где за временную плату, ниже той, в которую обходится международная сотовая связь, семья может поддерживать контакт с отправившимся на заработки. Таким образом, эмиграция граждан развивающихся стран повышает и техническую оснащенность страны исхода. Так, в период с 2000 по 2012 годы значительный рост активных договоров на оказание услуг сотовой связи отмечается в странах, поставляющих России основную иностранную рабочую силу, таких, как Казахстан (с 1,35 договора на 100 человек до 185, 82), Молдова (с 3,38 до 101,99), Узбекистан (с 0,21 до 71,03).²⁷⁷ Также наблюдается и рост числа людей, имеющих дома интернет-соединение, хотя он, очевидно, не настолько стремителен: Казахстан – с 0 подключений дома до 9,78 на 100 человек, Молдова – с 0 до 11,87, в Узбекистане же наличие Интернет соединения остается редкостью, показатель на 2012 год составляет 0,75. Стоит при этом отметить, что число интернет-кафе в Узбекистане за период с 2000 по 2008 возросло с 0 до 963. Однако их количество с 2008 года активно сокращается в виду распространения мобильных телефонов и возможности доступа к интернету через них.

Примечательно, что частота и продолжительность контактов может зависеть не только от технических и финансовых возможностей, но и характера общения с оставшимися членами семьи. Например, отмечается, что частота контакта снижается, когда находящиеся на родине члены семьи неоправданно часто ожидают или просят от уехавших на заработки финансовой помощи, не понимая, с какими расходами повседневно сталкивается мигрант и насколько он реально готов оказывать эту помощь (Alonso and Oiarzabal (2010)).

²⁷⁷ Международный институт электросвязи. URL: <http://www.itu.int>. Дата обращения: 26.03.2014.

Итак, при помощи современных технических средств коммуникации мигрант становится частью виртуальной диаспоры, членом транснационального общества соотечественников. Роль виртуальной диаспоры, рассматриваемой нами как цифровое продолжение реальной, в вопросе социализации вновь прибывшего из-за границы значительна. Действительно, именно здесь мигрант может получить ценную информацию об оптимальных способах адаптации к новому обществу, находит тех, кто может стать новыми Другими для него, к кому можно обратиться за помощью и советом. Более того, если человек приехал самостоятельно и не является членом диаспоры реальной, то он с легкостью сможет найти и присоединиться к виртуальному сообществу. Помимо доступности оно имеет и другие преимущества, например, аккумулирует все мысли, идеи, сообщения, высказанные когда-либо. Более того, цифровые диаспоры позволяют в довольно краткие сроки и при низкой стоимости сформировать чувство коллективной идентичности (Бондаренко (2004), Alonso and Oiarzabal (2010)). Формирование чувства групповой идентичности крайне важно для мигранта, поскольку иначе он чувствует себя социально исключенным и может заполнять эмоциональные пробелы, вступая в террористические организации (Taylor (1999), Lewis (1986)). На то же указывает и М. Кастельс, говоря о том, что, будучи отключенными от сети, индивид мыслит отлично от общества, возможно, девиантно.²⁷⁸ Подключенность же к сети, напротив, может демаргинализировать отдельные слои общества, поскольку появляется возможность работы из дома, политического и экономического участия в жизни общества, даже вступления в профсоюз через интернет и т.д.

Действительно, невозможность участия в виртуальных сообществах, развивающих коллективную идентичность и чувство приобщенности, может приводить к социальной эксклюзии. Говоря об отключенности

²⁷⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 27.

от виртуальной диаспоры, мы понимаем, что основной причиной тому может стать недоступность технических средств. Как правило, в развивающихся странах основной проблемой становится недостаточность средств для приобретения современных средств связи. Другой причиной может стать недоступность самих технологий, неразвитость региона в силу низкой экономической привлекательности. Или технологии могут быть представлены в местах общественного пользования: в интернет-кафе, библиотеках, школах. Однако в первом случае камнем преткновения снова становится платность оказываемых услуг, в то время как в других примерах – невозможность использования в личных целях и ограниченность во времени. Наконец, политика государства также оказывает значительное влияние на степень включенности индивида в транснациональные сообщества. Если государство имеет программы информационного развития, имеет цель популяризации современных средств связи, способствует этому экономически (снижает импортные ставки, например), то распространение ИТ получает более массовый и интенсивный характер.

Затрагивая вопрос политики, поведения государства в отношении мигрантов, следует отметить важную его роль, которая иногда может недооцениваться. Очевидно, что существование любой диаспоры оказывается в той или иной степени под влиянием миграционной политики страны или региона. При этом, как правило, политика в отношении мигрантов тем тщательнее проработана и развита, чем большее политическое, экономическое влияние имеет национальное сообщество. Чем менее заметна активность, тем менее видна и ощутима миграционная политика. Одной из таких незаметных для реальных правительств диаспор является виртуальная. Однако виртуальная диаспора заслуживает большего внимания, поскольку может быть интересна с национальной точки зрения. В то время как принимающее общество ждет от мигрантов впоследствии полной ассимиляции, безусловного принятия местных норм жизни и поведения, члены

диаспоры поддерживают идею дома и прикладывают усилия для сохранения своей идентичности. Современные же средства и среды коммуникации, в особенности интернет, позволяют ассимилироваться, ресоциализироваться гибридно: мигранты общаются с соотечественниками и с разной степенью успешности вступают в контакт с местным населением в реальной жизни, при этом в сети, часто снимающей барьеры общения в силу возможности избирательной репрезентативности, переселенцы продолжают знакомство с принимающей стороной, дополняя картину, составляющуюся в жизни офф-лайн. Для поощрения гибридной ассимиляции правительство региона может налаживать контакт с виртуальной диаспорой, проводить опросы, доводить информацию, представляющую интерес для мигрантов, предоставлять юридические консультации и т.д.

Недостаточное внимание к мигрантам также наблюдается и в странах исхода. Правительства отправляющих стран, как правило, не проводят какой-либо работы со своими соотечественниками, находящимися за границей. Хотя нередки случаи, когда отдельные денежные переводы семьям перерастали в значительные инвестиции в национальную экономику (например, в 1995 суммы, отправляемые мигрантами на родину, превысили ВВП Китая)²⁷⁹. В этом свете виртуальная диаспора вновь представляется удачным способом связи с национальным сообществом. Правительства стран могут предпринимать реальные шаги по поддержанию контактов с мигрантами – организовывать с диаспорой двусторонние визиты, развивать банки и системы денежных переводов, расширять гражданские права уехавших. Виртуальная диаспора может послужить платформой для диалога, обсуждений (форумы) и донесения важной информации, новостей до соотечественников – поддержания идеи дома, что является одним из условий существования диаспоры.

²⁷⁹ Cohen R. *Global Diasporas*. London & NY: Routledge. 2008. P. 67.

Правительство Российской Федерации уже некоторое время проводит работу в этом направлении. Так, в 1999 году был принят Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», последние поправки к которому были приняты в 2010 году. Эмигранты больше не рассматриваются как предатели родины, а расцениваются в качестве возможности для лоббирования интересов за рубежом. Процесс получения гражданства применяется упрощенный и, возможно, в свете событий 2014 года на Украине будет упрощаться еще, а одной из целей Закона является стимулирование возвращения соотечественников на родину. Как видно, правительство поставило перед собой разумные задачи, отвечающие требованиям времени. Однако электронное воплощение идей получилось достаточно непоследовательным. Одним из первых заработал сайт Института стран СНГ (Института диаспоры и интеграции <http://zatulin.ru/index.php?section=institute>). Сайт существует и до сих пор, но до событий на Украине обновлялся довольно редко, интерфейс не совсем современный и интерактивный. Информационно-аналитический портал «Материк», созданный Институтом, наполнен новостями и комментариями политологов и социологов, добавлена возможность комментирования сообщений. Однако сайт не предоставляет возможности предложений тем обсуждений, отсутствует функция форумов, а именно в создании интерактивной площадки видится ценность таких порталов.

Таким образом, диаспора как национальное сообщество вне автохтонной среды играет значительную роль в адаптации вновь прибывающих мигрантов. Диаспора представляет собой транснациональное сообщество, поддерживающее контакты со страной исхода и другими государствами, в которых представлены коммуны, происходящие из родной страны. Идея дома и возможности поддержания связи с ним является одной из основных причин обращения к диаспоре. Она живет, особенно на первых порах, в

соответствии с нормами и стандартами, привычными для автохтонного мигрантам общества. Более того, члены диаспоры способны предоставить полезную информацию, дать советы по приобщению к жизни в новом обществе, что особенно важно ввиду отсутствия привычных Других человека. То есть, диаспора становится своего рода новым «значимым другим» или субъектом социализации. Диаспоре, четко существующей в соответствии с идеями групп «мы» и «они», свойственна тесная внутригрупповая коммуникация, в ходе которой происходит обсуждение окружающего мира, даются оценки действиям местного населения, другими словами, диаспора занимается горизонтальным нормотворчеством. В вопросе роли диаспоры как социализирующего субъекта немалое значение играет временной фактор. Чем дольше она существует в принимающем обществе, тем больше оказывается в ситуации двойной лояльности – идентичность мигранта переконструируется, сохраняя характеристики родного общества, одновременно вбирая особенности нового уклада жизни. В конечном счете, изменения могут стать настолько значительными, что становится возможным говорить об ассимиляции с местным населением, более тесных связях с ним, возможны браки. Если это произойдет с основной частью диаспоры, то она может перейти на стадию упадка и перестать играть роль «значимого другого», либо может быть пополнена вновь прибывающими членами, поскольку диаспора также рассматривается в качестве «миграционного конвейера», позволяющего переправляться за рубеж и обратно цепочечным образом.

Развитие современных ИТ также неизменно оказывает воздействие на процесс адаптации мигрантов к жизни в новом обществе. С одной стороны, возможность участия в виртуальной диаспоре позволяет оставаться на связи с привычными «значимыми другими», составлять представление о стране приема, познавать социальные нормы и стандарты принимающего общества. С другой стороны, отрезанность от новых средств коммуника-

ции может приводить к социальной эксклюзии, когда индивид остается наедине со всем новым и неизвестным, что способно вызвать кризис идентичности. В то же время и миграционные потоки также оказывают обратное воздействие на распространение ИТ в развивающихся странах. Для поддержания контакта с родными мигранты обеспечивают оставшихся дома телефонами, компьютерами, подключением к глобальной сети, на что указывают исследования Международного союза электросвязи. При этом виртуальная диаспора до сих пор остается без должного внимания со стороны государств как отправляющих, так и принимающих. В то время, как у правительств есть возможность устанавливать взаимовыгодные отношения с мигрантами и соотечественниками-эмигрантами, государства, как правило, ограничиваются видимостью проводимой работы. Однако некоторые шаги в этом направлении уже сделаны, и представляется, что со временем вопрос получит необходимое развитие.

Основные выводы по Главе III:

Трудовые мигранты, прибывающие в место переезда, сталкиваются с рядом несоответствий положения в странах исхода и приема, а также норм и моделей поведения. Онтологически это может быть объяснено как следствие восприятия мигранта в качестве «кочевника», не обладающего важным, сакральным в понимании бытия концептом – Домом. Мигрант – это странник, находящийся в пути, дороге, а потому, вероятно, не ценящий традиций и устоев нового места пребывания, рассматривающий его как временное место привала, и потому порицаемый местным населением. В России враждебное отношение к мигрантам часто связано с укрепившейся ассоциацией мигранта как «лица кавказской национальности». Во избежание кризиса идентичности и в целях успешной адаптации к обществу приему необходима ресоциализация личности, то есть практически полная перестройка собственной идентичности и интернализация новых, еще чуждых, непонятных правил поведения, мышления.

Остающиеся на родине члены семьи также испытывают изменение привычного образа жизни, особенно дети и жены. В первую очередь это объясняется тем, что привычные Другие, необходимые для полноценного выстраивания картины мира, познания мира и себя, потеряны на неопределенное время. В результате, эти социальные группы сталкиваются со смещением статусов и ролей и как следствие – конструированием самоидентичности.

Диаспора реальная и виртуальная рассматривается сегодня как субъект социализации мигрантов, поскольку является первым институтом, способным приобщить индивида к жизни в новом обществе посредством трансляции накопленного опыта и знания. Однако на определенном этапе ресоциализации, в случае ее успешности, необходимость для человека в участии в диаспоре может исчезнуть, поскольку индивид становится способным к самостоятельному полноценному функционированию в обществе.

Заключение

Происходящие процессы глобализации формируют новый тип общества, единого названия которому еще не дано, однако, безусловно то, что процесс социализации в этом типе общества претерпевает изменения. Современное общество функционирует в категориях информационное – сетевое – виртуальное, чем и объясняются трансформации. Исходя из этого представления об обществе, формулируем основные выводы проведенного исследования:

1. Стремительное развитие технологий сбора, обработки и передачи информации стало одним из основных факторов усиления глобализационных процессов. Традиционные философские категории пространства и времени претерпевают значительные изменения, происходит их сжатие ввиду обилия информационных потоков и, как следствие, - элиминации пространства мест. Следовательно, среда, в которую человек помещен при рождении, традиционно считавшаяся автохтонной и квазиавтоматической, более таковой не является.

2. Постоянная оперативная смена информации, ее темпоральность, поверхностность приводит к необходимости постоянно актуализировать уже интернализированные знания, опыт, установки и, как следствие, сформированную идентичность. Это становится причиной образования нового ценностного разрыва: помимо традиционной проблемы отцов и детей мы также сегодня говорим об информационном разрыве среди представителей одного поколения, что может привести к социальной эксклюзии. Поэтому непрерывный процесс ресоциализации личности рассматривается как одна из основных форм социализации представителя информационного общества.

3. Стремительное развитие информационных технологий, социальная эксклюзия поднимают вопрос размытия идеи Дома, являющейся

значимой темой философских размышлений, поскольку, с одной стороны, дом раскрывает цель и способ бытия человека, и наоборот, экзистенция – это пребывание в доме. По некоторым мнениям, мировая история – это история смен типов человеческих домов, и поскольку сегодня человечество переживает эпоху становления нового типа общества, мы полагаем, что, возможно, это обусловлено формированием нового информационного дома, что и вызвало размытие идеи дома на рубеже эпох. Перенос размышления о постоянном поиске человеком своего дома как стремлении осознать свое бытие в плоскость проблемы идентичности, мы заключаем, что результатом отмеченных тенденций и становится стремление к осознанию своей идентичности, а впоследствии – ее постоянная актуализация, ресоциализация по причине массивных информационных потоков и возникающих вопросов к их подлинности.

4. Характеристика современного общества как сетевого означает, что вертикальный, элитарный характер нормотворчества вновь сменяется тем, что был свойственен доиндустриальному обществу – горизонтальным, эгалитарным, когда человек уже на этапе первичной социализации способен в общественных пространствах, сегодня – в сети, индивидуально или коллективно конструировать смыслы, давать оценки, создавать сообщества, а затем транслировать их в социум.

5. Медиасреда, создаваемая массовой коммуникацией и представляющая собой процессы обмена закодированной информации, – суть символическая, виртуальная реальность. Медiateксты, формирующие медиасреду, создают образы реальности, однако не есть сама реальность. Образы реальности с философской точки зрения есть симулякры, которые сегодня рассматриваются не как копии копий, но как то, что со временем заменяет и копии, и оригинал, утверждаясь как единственно существующая реальность. И поскольку в современном мире симуляция есть реальное, то и виртуальная реальность – суть реальность.

6. Виртуальность общества подразумевает возможность управления собственной идентичностью, характеризуемой сегодня как множественная и ситуативная. Будучи исполнителем множества ролей в условиях складывающейся медиасреды, человек способен подстраивать идентичность под заявляемые требования – заниматься проектированием самоидентичности. Видится, что современные СМК, особенно конвергированные на основе интернета, представляют для описанного процесса практически неограниченные возможности. Медийность современности также обуславливает и то, что вслед за медиасредой, создающей и популяризирующей бесконечное множество образов-идеалов, человек также формирует «портфолио» ситуативных идентичностей, и, в каком-то смысле, создает идентичность как личностный бренд.

7. Другой предпосылкой распространения автопроектирования становится ослабление института традиций и обычаев, в том числе в результате глобализационного взаимопроникновения культур. Если обычай с философской точки зрения рассматривается как способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох, как действие по установленным, устоявшимся правилам, то очевидно, что в отсутствии таковых индивид начинает адаптироваться к обществу самостоятельно.

8. Показательным примером людей, переживающих происходящие изменения, является социальная группа мигрантов, рассматриваемых нами в категориях путника, дороги и поиска дома. Те, кто приезжает на новое место жизни, при условии имеющегося желания успешно адаптироваться к принимающему обществу и обрести там новый дом, вынуждены во многом отказаться от уже интернализированных норм и моделей поведения и пройти через процесс ресоциализации. Видится, что в данном процессе диаспора, получающая сегодня новое продолжение в виртуальном мире,

может выступать одним из таких новых субъектов до тех пор, пока у мигранта не сформируется чувство нового дома. Те же члены семьи, которые остаются на родине, сталкиваются со смешением ролей, отсутствием привычных Других, разрушением устоявшихся норм, а потому переживают автопроектирование идентичности.

Таким образом, вне зависимости от нашего отношения к происходящим процессам глобализации мы должны признать, что они неизбежно оказывают воздействие на социальные процессы. Особенностью ситуации является то, что процесс формирования нового типа общества не закончен и развивается на наших глазах. В свете изложенных мыслей представляется, что наряду с активной прогностической деятельностью современных исследователей, дискуссионностью возможных сценариев развития общества, определяющую роль играет детальное и непрерывное изучение глобализационных процессов как фактора влияния на механизмы и формы социализации. С учетом стремительности развития изменений видится, что необходима дальнейшая систематическая проработка проблемы.

Список использованной литературы

Документы

1. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24 мая 1999 г. №99-ФЗ // СЗ РФ. 1999. №22.
2. Опрос ВЦИОМ «Иммиграция в Россию: благо или вред для страны», июль 2013, выборка 1600 человек// URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322>
3. Опрос ВЦИОМ «Масс-медиа: сегодня и завтра», декабрь 2009, выборка 1600 человек// URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13033>
4. Опрос ВЦИОМ «Что читаем?», май 2014, выборка 1600 человек// URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114843>.
5. Опрос Левада-Центр (4-21 февраля 2011 г.) по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны// URL: <http://www.levada.ru/press/2011031101.html>
6. Опрос Левада-Центра «Россияне о миграции и межнациональной напряженности», октябрь 2013, выборка – 1603 человека// <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>
7. Опрос ФОМ «Источники информации и телепредпочтения россиян», июнь 2013, выборка 1500// URL: <http://soc.fom.ru/SMI-i-internet/10938>;
8. Опрос ФОМ «О средствах массовой информации», март 2014, выборка 1500// URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11427>
9. Опрос ФОМ «Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам», октябрь 2011, выборка – 24 500 человек// <http://fom.ru/Mir/10442>
10. Опрос ФОМ «Стратификация российского общества по уровню жизни» (13 февраля - 14 марта 2010г.) <http://bd.fom.ru/>

11. Опрос фонда "Экспертиза", весна 2004, выборка - 2533 человека// <http://www.open-forum.ru/media/895.html>
12. Опрос ФОМ «Межнациональные отношения», апрель 2012, выборка – 1500 человек// <http://fom.ru/obshchestvo/10544>

Монографии

13. Анурин А. Основы социологических знаний: глоссарий к книге. Н. Новгород: НКИ, 1998.
14. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
15. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
16. Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006.
17. Бауман З. . Текущая современность . СПб. : Питер Пресс, 2008.
18. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.
19. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2001.
20. Белинский В.Г. Сочинения в XIII т. М.: 1958. Т. X.
21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
22. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб: Прайм-Еврознак. 2001.
23. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция/ – Перевод О.А. Печенкина. Тула, 2013.
24. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета, 2004.
25. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.
26. Вирильо П. Машина зрения. СПб: Наука, 2004.

27. Возчиков В.А. Философия образования и медиакультура информационного общества: Автореферат дисс. докт. филос. наук. 09.00.11. СПб, 2007.
28. Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2007.
29. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному. М.: Республика, 1997.
30. Гидденс Э. Социология. Глоссарий: основные понятия и важнейшие термины. М.: Эдиториал УРСС, 1999..
31. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
32. Гиренок Ф.И. Пути кумному безмолвию бытия // Экологические интуиции в русской культуре. М., 1992.
33. Гражданская ответственность: методические материалы/ Сост. В.А. Блонин, Е.А. Молев, С.В. Устинкин. Н.Новгород: ННГУ, 2004.
34. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как новая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
35. Дергачев В.А. Глобалистика. М.: Юнити-Дана, 2005.
36. Дефарж Ф. М. Основные понятия международной политики. Париж, 1995.
37. Дилигенский Г.Г. Человек перед лицом глобальных процессов. // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003.
38. Добролюбов Н.А. «Избранные философские произведения». М., 1948.
39. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000.
40. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

41. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000.
42. Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проект, 2005.
43. Кузнецова Е.И. Медиакультура в коммуникативном пространстве цивилизаций. Н. Новгород. 2008.
44. Левинас Э. Путь к Другому. Сборник статей и переводов. СПб.: СПбГУ, 2006.
45. Лосев А.Ф. Философия имени// Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
46. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.
47. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
48. Маркс К. Процесс труда и процесс увеличения стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат., 1960.
49. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Политиздат. Т. 18.
50. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966.
51. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009.
52. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1995.
53. Нации и национализм/ Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М., 2002.
54. Панарин А.С. Испытание глобализмом. М.: Эксмо-пресс. 2002.
55. Радищев А.Н. «Избранные философские произведения». М., 1952.
56. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995.
57. Савруцкая Е.П. Образ жизни и исторические формы общения. Казань: Издательство Казанского университета, 1989.

58. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
59. Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри. СПб.: Наука, 2005.
60. Социализация / под ред. Седова Л.А. - М.: Издательство политической литературы, 1990.
61. Суверенитет. Трансформация понятий и практик/ Под ред. Ильина М. В., Кудряшовой И. В. М.: МГИМО. 2008.
62. Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста. М.: АСТ, 2004.
63. Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976.
64. Тард Ж.Г. Законы подражания. М.: Академический проект.
65. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.
66. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ. 2002.
67. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейа, 2002.
68. Угринович Д.М. Обряд как специфическое социальное явление// Социалистическая обрядность и формирование нового человека. Киев, 1979.
69. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.
70. Фортунатов А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. Нижний Новгород: ННГАСУ. 2009.
71. Фейербах, Л. История философии. Собрание произведений в 3 т.: Т. 3 Текст. / Л. Фейербах. Пер. с нем. Под общ. ред. М.М. Григорьяна. - М.: Научная библиотека диссертаций и авторефератов, 1974.
72. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
73. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
74. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005.

75. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ад Маргинем, 1999.
76. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. т.3. Киев: Дух и Литера, 1998.
77. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
78. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
79. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. Текст. / М.Хайдеггер. М.: Республика, 1993.
80. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура. М., 2004.
81. Ценностные ориентации молодежи. Итоги социологического исследования. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007.
82. Чучкевич М. Основы управления сетевыми организациями. М., 1999.
83. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998.
84. Элиаде М. Избр. соч. Очерки сравнительного религиоведения. Перев. с англ. М.: Ладомир, 1999.
85. Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20; Дарвинизм и марксизм, М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
86. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М., 2006.
87. Эриксон Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М., 1996.
88. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Мн.: ООО «Харвест», 2003.
89. Adorno T.W. The culture industry revisited. Rowman & Littlefield Publishers. 1996.
90. Alonso A., Oiarzabal P. Diasporas in the New Media Age. University of Nevada Press. 2010.

91. Artico, C. *Latino Families Broken by Immigration: The Adolescents' Perception*. New York: LFB Scholarly Publishing. 2003.
92. Bandura A. *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.
93. Boehm D.A. *Intimate Migrations*. N.Y.: New York University Press. 2013.
94. Bolwby J. *A Secure Base: Parent-child Attachment and Healthy Human Development*. New York, NY: Basic Books. 1988.
95. Bronislaw Baczko. *Utopian Lights: The Evolution of the Idea of Social Progress*. Trans. Judith L Greenberg. New York: Paragon House, 1989.
96. Bryant, J. 2005. *Children of International Migrants in Indonesia, Thailand, and the Philippines: A Review of Evidence and Policies*. Working Paper 2005-05. Florence: UNICEF Innocenti Research Center.
97. Carlyle T. *On heroes, hero-worship, & the heroic in history*. Six lectures. L.: James Fraser. 1841.
98. Carnoy M. *Sustaining the New Economy. Work, Family and Community in the Information Age*. Harvard University Press, 2002.
99. Cohen R. *Global Diasporas*. London & NY: Routledge. 2008.
100. Cooley C.H. *Social Process*. N.Y. 1918.
101. Cortes R. *Children and Women Left Behind in Labor Sending Countries: an Appraisal of Social Risks*. Global Report on Migration and Children. 2007.
102. Fiore A. *Self-presentation, Interpersonal Perception, and Partner Selection in Computer-mediated Relationship Formation*. Berkeley, University of California, 2010.
103. Friedman Th. *Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree*. N.Y.: Anchor Books, 2000.
104. *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity/ Ed. M. Featherstone*. L., 1990.
105. Goffman E . *The Presentation of Self in Everyday Life*. N. Y. 1959.

106. Grinberg L., Grinberg R. Psychoanalytic perspectives on migration and exile. New Haven: Yale University Press. 1989.
107. Hirst P.Q., Thompson G. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Polity, 2001.
108. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 2003.
109. Katz E., Lazarsfeld P. Personal Influence. The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. N.Y.: The Free Press, 1955.
110. Katz R. L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.
111. Laguerre M.S. Diaspora, Politics, and Globalization. Gardners Books, 2006.
112. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington, 1983.
113. Matteson D.R. Adolescence today. Sex roles and the search for identity. Homewood, 1975.
114. McLuhan M. War and Peace in the Global Village. N.Y., 1968.
115. Porat M., Rubin M. The Information Society: Development and Measurement. Washington, 1978.
116. Stonier T. The Wealth of Information. L, 1983.
117. Tarde G. Penal Philosophy. London: William Heinemann, 1912.
118. The New European Criminology: Crime and Social Order in Europe. London, 1998.
119. Thomas P.L. Ignoring Poverty in the U.S. The Corporate Takeover of Public Education. Furman University. 2012.
120. Waters M. Globalization. L.; N.Y.: Routledge, 1996.

Статьи из продолжающихся изданий

121. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / сост. С.Г. Бочаров. СПб.: Азбука, 2000. С. 3-226.
122. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С. 161-168.
123. Делез Ж. Платон и симулякр// Интенциональность и текстуальность. Томск, 1998. С. 225-241.
124. Дракер П. Посткапиталистическое общество// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 67–10
125. Иванов Д.В. Виртуализация общества// Социология и социальная антропология. – СПб., 1997. С. 291-302.
126. Курносова, Л.С. Понятие диаспоры в социологическом дискурсе// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Вып. 1(5). Н.Новгород: Изд-во ННГУ. 2006. С.218-223.
127. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С.141 – 150.
128. Омаэ К. Конец национального государства: становление региональных экономик// Глобализация: контуры XXI века. М., 2004. Ч.1. С. 211-220.
129. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. СПб: Петрополис, 2001. С. 121.
130. Плешаков В. А. Виртуальная социализация как современный аспект квазисоциализации личности. // Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей. Москва: 2005. № 21. С. 48-49
131. Саралиева, З.Х., Балабанов С.С.// Камо грядеши, молодежь?// Сб. материалов международной конференции. В 2-х т. Том 1/ Под общей редакцией проф. Саралиевой З.Х. – Н.Новгород: Издательство НИСОЦ, 2006 г. С. 39-51.
132. Саралиева З.Х. Трудности социализации молодежи в обществе потребления// Общество потребления и современные проблемы сферы услуг

/ Материалы Международной научной конференции – Вторых Санкт-Петербургских социологических чтений 15-16 апреля 2010 года . СПб., 2010. 339 с.

133. Толстых В.И. Традиция// Новая философская энциклопедия. М.: Республика, 2003. С. 574.

134. Asis M. Living with migration: experiences of children left behind in the Philippines// Asian Population Studies. № 2(1). 2006. P. 45-67.

135. Carrington V. Globalization, Family and Nation State: reframing 'family' in new times// Discourse: studies in the cultural politics of education. 2001. Vol. 22. No. 2. P. 185-196.

136. Castaneda E., Buck L. Remittances, Transnational Parenting, and the Children Left Behind: Economic and Psychological Implications// The Latin Americanist. December, 2011. P. 100.

137. Diminescu, D. Immigrant Connection. Migrations/Société 17. 2005. №. 102. P. 275–292.

138. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. Living with television: The dynamics of the cultivation process. Perspectives on media effects. Hilldale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1986. P. 17–40.

139. Huang S., Yeoh B.S..Transnational families and their children's education: China's «study mothers» in Singapore// Global Networks.2005. № 4. P. 379–400.

140. Parrenas, R. 2005. Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families. Global Networks. № 5. P. 317–333

141. Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. № 3.

Статьи из периодических изданий

142. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. №2. С. 159.
143. Бадыштова И.М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа)// Социологические исследования. 2003. №6. С. 38–46.
144. Возчиков В.А. Медиакультурный фактор философии образования// Философия образования. 2007. № 18. С. 152-159.
145. Волкова Е.В. «Дом» и «дорога» как реалии и как символ в работах Ю.М. Лотмана// Вопросы философии. 2007. № 1. С. 169-174.
146. Воропай Т.С. Между глобализацией и масскультурой// Философские науки. 2009. №10. С. 13.
147. Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века// Россия в глобальной политике. 2005. №1. С. 9-15.
148. Кириллова Н.Б. Что такое медиакультура// Телецентр. 2005. № 4. С. 19-21.
149. Костина, А. В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 167-175.
150. Кочетков В.В., Калинин В.Ю. Национальные диаспоры в транснациональном пространстве//Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2009. № 1. С. 72-85
151. Кубякин Е. Социализация российской молодежи в условиях глобализации информационного пространства// Власть. 2011. № 3. С. 59-63.
152. Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2-3. С. 14.
153. Курбанов М.Г. Варварство: дорога и дом // Философия и общество. Научно-теоретический журнал. №1(49). М., 2008. С. 73 – 89.
154. Кутырев В.А. Культурологический смысл глобализма// Вестник РФО. 2000. № 4. С. 78-83

155. Лакашук И.И. Глобализация и государство// Журнал российского права. 2001. №4. С. 67.
156. Леонтьев Д.А. Идентичность личности в полисоциальном мире// Философские науки. 2012. №11. С. 92.
157. Луков В.А. Проблема обобщающих оценок положения молодежи // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 27-46.
158. Лялюгене И. Ю., Рупшене Л. А. Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков// Социологические исследования. – 2008. №1. С. 72.
159. Метелев И.С. Миграция и адаптация. Социально-философский аспект// Философские науки. 2011. № 10. С. 105-117.
160. Мониторинг Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр), ноябрь 2004. Репрезентативная выборка по России – 2107 человек. Левада Ю. Человек обыкновенный в двух состояниях// Вестник общественного мнения. 2005. №1. С. 8-18.
161. Мыльников М.А. Современные диаспоры в глобальном коммуникационном пространстве// Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2007. № 2. С. 52.
162. Неклесса А.В. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Философия хозяйства. 2002. № 4. С. 57-78.
163. Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления// Социология. 2012. № 3. С. 35-41.
164. Пржиленский В.И. Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Философские науки. 2009. №10. С. 33.
165. Рымарович С.Н. Идея дома в философии XX века: основные подходы// Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2 (26)

166. Смирнов С.А. Бытие в свободе, или Проблема культурной идентичности человека в ситуации онтологического перехода // Философские науки. 2004. № 3. С. 53-64.
167. Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 77.
168. Тишков В. Исторический феномен диаспоры// Этнографическое обозрение. 2000. №2. С. 50.
169. Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. 2008. №10. С. 42.
170. Тульчинский Г.Л. Проективный философский словарь// Философские науки. 2009. № 11. С. 138.
171. Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. 2009. №10. С. 59 -71.
172. Фатенков А.Н. Тягота идентичности: человеческая ситуация в негативной диалектике Т. Адорно // Спектр антропологических учений. Вып. 5 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: ИФ РАН, 2013. С. 64–81.
173. Федотова Н.Н. Глобализация и изучение идентичности// Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 72-80.
174. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие. М., 1993. С. 327–345
175. Халиков М.С., Корецкий В.А. Глобализация и регионализация: проблемы теории и практики// Вестник Московского университета. Серия 18 Социология и политология. 2006. №4. С.59 – 74.
176. Цэцэнбилэг Ц. Трансформация социальных идентичностей в глобализационном контексте// Философские науки. 2012. №11. С. 23.
177. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике// Диаспоры. 2003. № 1. С. 168.

178. Шимин Н.Д. Диалектика и теория устойчивого развития // Вестник Воронежской технол. академии. 1998. №3. С. 78-86..
179. Шичанина Ю.В. Самоидентификация: интернет-форматы// Философские науки. 2009. №10. С. 50.
180. Яничкина О. Строй, мети и мой посуду// Российская газета. 2013. №6146. С. 27-28.
181. Cohen J., Weimann G. Cultivation Revisited: Some Genres Have Some Effects on Some Viewers. Communication Reports. 2000. № 13(2). P. 99.
182. Fialkova L., Yelenevskaya M. Incipient Soviet Diaspora: Encounters in Cyberspace// Nar. umjet. 2005. № 42/1. P. 83-99.
183. Introduction: Extending the conversation: Transdisciplinary approaches to social identity and intergroup attitudes in children and adolescents// International Journal of Behavioral Development . 2007. Vol. 31. P. 417-418.
184. Jansson A. The Mediatization of Consumption// Journal of Consumer Culture. 2002. Vol. 2. № 1. P. 5-31.
185. Keenan, P. J. Do Norms Still Matter? The Corrosive Effects of Globalization on the Vitality of Norms // Vanderbilt Journal of Transnational Law. Vol. 41. March. №2. P. 332.
186. Kobak R. R., Hazan C. Attachment in Marriage: Effects of security and accuracy of working models// Journal of Personality and Social Psychology. 1991. № 60. P. 861-869.
187. Lewis J. R. International Labour Migration and Uneven Regional Development in Labour Exporting Countries// Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie. 1986. № 77(1). P. 27-41.
188. Malinauskas G. Researching the Impact of Partial Labour Migration on a Child: Failure of Attachment Theory// Social Work & Society. 2006. № 4. P. 292-300.

189. Panarello P. Educational and Anthropological Perspectives: an Italian View on Migration in Multi-cultural Urban Spaces// Social Work and Society. 2008 №1. P. 47-55.
190. Pottinger A. Children's experience of loss by parental migration in inner city Jamaica//American Journal of Orthopsychiatry. 2005. № 75 (4). P. 485-496.
191. Shaver, P. R., & Brennan, K. A. Attachment styles and the "Big Five" personality traits: Their connections with each other and with romantic relationship outcomes// Personality and Social Psychology Bulletin. 1992. № 18. P. 536-545.
192. Taylor J. E. The new economics of labour migration and the role of remittances in the migration process// International Migration. № 1999. № 37 (1). P. 63-88.
193. Thoman E. Rise of the Image Culture// Media & Values. 1992. №57. P. 12-23.
194. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition?// International Sociology. 2000. № 2. P. 250
195. Walther J.B. Computer-mediated communication: Impersonal, interpersonal, and hyperpersonal interaction// Communication Research. 1996. № 23. P. 3-44.
196. Wellman B., Salaff J., Dimitrova D., Garton L., Gulia M., Haythornthwaite C. Computer Networks as Social Networks: Collaborative work, Telework, and Virtual Community// Annual Review of Sociology. 1996. № 22. P. 213-238.
197. Westerik M. Immigrants and the Socialization of the Self// Social Cosmos. 2011. №2. P. 133-139

Электронные ресурсы

198. Бауман З. Назад в будущее [Электронный ресурс] // Итоги. 2011. №20. URL: <http://www.itogi.ru/vokrug/2011/20/165106.html> (дата обращения 17.10.2013).
199. Дергачев В.А. Геополитика [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/04/90.html> (дата обращения 22.06.2013).
200. Журналисты усугубляют нетерпимость к мигрантам [Электронный ресурс] // Лениздат.ру, 18 октября 2012 г. URL: <http://lenizdat.ru/articles/1107954/> (дата обращения 22.06.2013).
201. Емелин В. Телевидение: стиль и образ постмодерна [Электронный ресурс] // URL: <http://emeline.narod.ru/tv.htm>. (дата обращения 08.08.2014).
202. Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации [Электронный ресурс] // URL: http://val--s.narod.ru/glob/gl_ivanov1.htm (дата обращения 27.02.2012).
203. Исследовательский проект Института социологии РАН «Иммигранты в России: социальное измерение», 2009 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2009/11/13/migranty.html> (дата обращения 22.06.2013).
204. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/hrest_pr/01.aspx. (Дата обращения: 14.10.2011).
205. Международный институт электросвязи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itu.int>. (дата обращения: 26.03.2014).
206. Можейко М.А. Социализация [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. Сост. А.А. Грицанов. 1998 г. URL: <http://www.term.ru/dictionary/175/word/>. (дата обращения 10.10.2011)
207. Прохоров А. Третья реальность [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2005. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tretya-realnost> (дата обращения 08.08.2014).

208. Ресоциализация [Электронный ресурс] // Большой социологический словарь. Национальная социологическая энциклопедия. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/resocializacija> (дата обращения: 10.05.2014).
209. СМИ: В Кировской обл. дагестанцы обстреляли группу местной молодежи [Электронный ресурс]// РБК, 23 июня 2012. URL: <http://top.rbc.ru/incidents/23/06/2012/656470.shtml> (дата обращения 05.05.2014).
210. Чепкина Э. Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения [Электронный ресурс]// URL: <http://www.tolerance.ru/RP-komunigoda.php?PrPage=etno> (дата обращения 04.07.2013).
211. Child Migration Research Network [Электронный ресурс]// URL: <http://www.childmigration.net/> (дата обращения 05.03.2014).